КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

МАРТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1882 г.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КІЕВА . . . . . I—VI

II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ. (*Окончаніе*). **Е. Крыжановскаго** . 441

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Милорадовичи). **А. Лазаревскаго** 479

IV. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Иннокентія 1820—1825 г., съ предисловіемъ **Л. М.** 499

V. ОПИСАНІЕ БѢДСТВІЯ, ПОСТИГШАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году 520

VI. СКАЗАНІЕ О БОНДАРЕНКѢ по народнымъ преданіямъ . . 530

VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименко** 538

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. — б) Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильно. 1882 г —Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г. 560

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора-лѣтописца въ 1881 г. — б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ Сѣверскѣ.—в) Древній способъ публикаціи.—г) Одинъ изъ протестовавшихъ.—д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Палѣ.—з) Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году 581

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.— Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины.“ Кіевъ, Бульваръ, № 36-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

МАРТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 19-го марта 1882 года.

Тысячелѣтіе Кіева.

> «И сѣде Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди *мати* градомъ русскимъ».

Это было въ 882-мъ году.

Значитъ, проходитъ ровно тысяча лѣтъ.

Такъ какъ Олегъ спустился къ горамъ кіевскимъ *по Днѣпру*, то начало княженія его въ Кіевѣ можно относить, приблизительно, къ маю мѣсяцу, вообще къ лѣтней порѣ. Вотъ когда совершится тысячелѣтіе Кіева, какъ *столицы*, какъ *матери* градовъ русскихъ.

Читатель, намъ хочется думать, что эта историческая годовщина возбудитъ васъ, чѣмъ-бы вы ни были заняты, и повѣетъ на васъ ощущеніемъ величія, святости, образованія, тяжелой борьбы и страданія. Судьбы Кіева—это нѣкоторымъ образомъ судьбы всей Россіи, преимущественно ея духовной жизни, и намъ кажется, что тысячелѣтіе Кіева должно быть праздникомъ не только кіевлянъ, но и всѣхъ русскихъ....

Пробѣгая мыслію прошедшее тысячелѣтіе Кіева, поражаясь обиліемъ и значеніемъ событій, въ немъ совершившихся, мы сознаемъ свое безсиліе представить полный и яркій историческій очеркъ ихъ. Нужны усилія многихъ, чтобы привести въ извѣстность и уяснить самыя событія.

Мы теперь представляемъ только простое оповѣщеніе о наступающемъ тысячелѣтіи и попытаемся сдѣлать лишь бѣглый очеркъ судебъ кіевскихъ, внимательно слѣдуя старѣйшимъ дѣятелямъ, изучавшимъ его исторію.

Оглядываясь на минувшее, невольно поражаемся прежде всего тѣмъ, какъ измѣнился Кіевъ, самая мѣстность его, въ теченіе тысячелѣтняго существованія. Гдѣ былъ лугъ и боръ, тамъ

городъ; гдѣ былъ городъ, тамъ поле; легли горы, встали бездны; устьевъ Почайны нѣтъ и слѣдовъ; самый Днѣпръ измѣнилъ свое русло; вѣка изгладили стѣны и башни, дворцы и храмы до самаго основанія. Остались только святыя пещеры, средина церкви Спаса на Берестовѣ, „Нерушимая Стѣна“, гробница Ярослава, остатки Золотыхъ Воротъ... только тамъ вы вполнѣ можете переноситься въ вѣкъ Владиміра святаго и Ярослава мудраго. Всѣ остальные слѣды прежней жизни и величія Кіева можно только разгадывать, а отъ многаго уцѣлѣли одни лишь старыя имена...

Переходя къ жизни Кіева, мы невольно прежде всего останавливаемъ свой взоръ на его первыхъ князьяхъ, руководителяхъ его судебъ. Вотъ вѣщій, мудрый Олегъ: это нашъ первый *историческій* князь. Едва занявъ Кіевъ, онъ, словно вдохновенный, именуетъ его *матерію городовъ русскихъ*. И дѣйствительно, отъ этой матери произошла вся русская земля. Уже при его ближайшихъ преемникахъ—Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, имя Кіева становится извѣстнымъ и грознымъ въ Хозаріи, Тмуторокани, у подножія Кавказа, на азіятскихъ берегахъ Чернаго моря и въ Дунайской Болгаріи. При удальствѣ и предпріимчивости Святослава, побѣда слѣдуетъ за побѣдой. Это сильно возвышаетъ народное чувство и внушаетъ уваженіе къ Кіеву, ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. При Святославѣ Кіевъ наполняется богатою и разнородною добычею. Владиміръ присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Волынь и Галицію. Кіевъ становится центромъ управленія городовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Принявъ христіанство, Владиміръ просвѣщаетъ имъ народъ свой, велитъ кіевлянамъ учить дѣтей грамотѣ, и народъ, уразумѣвъ просвѣтительное значеніе дѣйствій князя, величаетъ его *Краснымъ Солнышкомъ* русской земли. Чѣмъ сталъ Кіевъ во времена Владиміра, видимъ изъ словъ нѣмецкаго историка Титмара; въ своей хроникѣ подъ 1018 г. онъ говоритъ, что Кіевъ обширный и богатый городъ, что въ него во множествѣ стекаются инземцы, что въ немъ болѣе 400 церквей и 8 рынковъ. Пусть это и преувеличенные разсказы торговцевъ—гостей кіевскихъ, но несомнѣнно то, что Кіевъ, какъ издавна торговое мѣсто, былъ уже городомъ обстроеннымъ и богатымъ, который обогащался еще и данью: одинъ Новгородъ ежегодно платилъ ему 2000 гривенъ. Ярославъ обнародываетъ первые на Руси писанные законы, разбиваетъ окончательно печенѣговъ и украшаетъ Кіевъ болѣе всѣхъ князей: онъ распространяетъ Кіевъ на югъ, воздвигаетъ Золотыя Ворота, закладываетъ

и освящаетъ софійскій храмъ, обводитъ городъ землянымъ валомъ, каменными стѣнами, строитъ княжій дворъ, закладываетъ дѣтинецъ, полагаетъ основаніе народному книгохранилищу при софійскомъ соборѣ. При немъ сталъ заселяться Подолъ. Кіевъ развивается и хорошѣетъ такъ, что современникъ Ярослава, историкъ Адамъ Бременскій, называетъ Кіевъ соревнователемъ константинопольскаго скипетра.

Знаменательно, что въ христіанскомъ Кіевѣ первый князь получаетъ названіе *святаго*, а его преемникъ—имя *мудраго*: такимъ образомъ вѣра и мудрость какъ-бы подаютъ другъ другу руки, чтобы воспитывать Кіевъ. Всему старокіевскому добру полагаетъ *начало* св. вѣра; она даетъ тонъ всей послѣдующей жизни Кіева: лучшіе люди усердно приходятъ и поступаютъ въ его печерскую обитель; князья пріѣзжаютъ туда для душевнаго отдыха, для назиданія; игумены обители примиряютъ враждующихъ бояръ и князей; иноки пишутъ лѣтописи, переводятъ творенія св. отцевъ, составляютъ житія своихъ предшественниковъ; списки всѣхъ этихъ трудовъ расходятся во всѣ концы Руси, и такимъ образомъ печерскій монастырь является обильнымъ источникомъ народнаго просвѣщенія.

Много добраго возникаетъ и въ политической жизни княжества кіевскаго: княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча, церковные соборы, выборное начало въ управленіи, словесный присяжный судъ, народное ополченіе. Всѣ другіе города развиваются по образцу Кіева: отъ него заимствуютъ они вѣру, законы, князей, служителей церкви, грамоту и языкъ книжный; по образцу его строютъ палаты, храмы, монастыри. Но къ великому горю, кіевская Русь не имѣетъ спокойнаго времени, чтобы окрѣпнуть и развиться окончательно. Скоро послѣ смерти Ярослава въ землѣ кіевской посѣялись и взросли усобицы, вслѣдствіе того, что кіевскіе князья дробили свою землю и отдавали города дѣтямъ въ удѣлы. Князья размножаются, начинаютъ ссориться и воевать другъ съ другомъ за распространеніе своихъ удѣловъ, за родовое старшинство, за титулъ великаго князя; золотой престолъ Кіева влечетъ ихъ неодолимо. Они сознаютъ, что въ Кіевѣ *столъ отень и дѣдень*, что это *старѣйшій городъ въ землѣ во всей*, что отсюда *есть пошла земля русская* и что сама земля эта называется Кіевомъ; но въ ослѣпленіи злобы и вражды не замѣчаютъ, какъ сами нищатъ мать земли родной, городъ дѣдовъ и отцевъ. Князья роднятся съ польскими и венгерскими королями, зовутъ ихъ къ себѣ

на помощь въ своихъ семейныхъ распряхъ... и платятъ имъ своими городами. Внутренніе раздоры открываютъ путь въ Россію дикимъ ордамъ половцевъ, а часто ихъ призываютъ и сами русскіе князья. Свои и чужіе какъ-бы наперерывъ ослабляютъ обширное и могущественное княжество кіевское и подготовляютъ паденіе Кіева.

«Не долго могъ онъ быть главою
И землю русскую стеречь».

Въ 1169 г. князья сѣверо-восточной Руси берутъ Кіевъ приступомъ и отдаютъ его войску на разграбленіе. Великимъ княземъ является князь владимірскій, и столицею Руси становится Владиміръ на Клязьмѣ.

Кіевъ столицею Руси пробылъ всего 286 лѣтъ. И въ теченіе ихъ какъ часто онъ терпѣлъ бѣды за бѣдами и едва выходилъ изъ своихъ развалинъ, какъ опять обращался еще въ горшія. Затѣмъ настаютъ гораздо болѣе тяжкія времена татарщины... Больно вспоминать, не только разсказывать, весь рядъ страданій Кіева отъ печенѣговъ, половцевъ, поляковъ, торковъ, берендѣевъ, монголовъ и самихъ русскихъ. Сколько разъ онъ былъ завоеваемъ, отбираемъ, опустошаемъ, сжигаемъ, разрушаемъ! Подлинно—*многострадальный, святой городъ!*...

И во время невзгоды татарской Кіевъ имѣетъ однако своихъ князей. Пало его политическое значеніе, другіе политическіе центры формируются на его глазахъ; но въ дѣлахъ вѣры онъ остается главою всѣхъ древне-русскихъ областей и, безсильный по внѣшней жизни своей, онъ остается сильнымъ своею вѣрою и сохраненными имъ началами древне-русской жизни. Незамѣтно и быстро растетъ рядомъ съ нимъ другая столица—юнаго могучаго государства литовскаго, съ которымъ Кіеву суждено было связать свою жизнь; но его вѣра, его языкъ, культура скоро превратили это государство и столицу въ чисто-русскія, православныя, и потомки Гедимина и Ольгерда замѣняютъ для Кіева потомковъ Владиміра св. Подъ покровомъ первыхъ, эти послѣдніе выдвигаютъ снова Кіевъ, какъ центръ исконной русской жизни, въ противовѣсъ польскимъ стремленіямъ, послѣ того, какъ Польша соединилась съ Литвою. Въ это время Кіевъ слишкомъ два вѣка, болѣе или менѣе спокойно, развиваетъ свою внутреннюю жизнь, но съ паденіемъ Литвы и усиленіемъ стремленій Польши слить съ собою коренныя русскія области, подавивъ ихъ вѣру и языкъ,—Кіевъ, едва отдохнувъ отъ борьбы съ востокомъ, на-

чинаетъ новую, тяжкую, кровавую борьбу съ западомъ, за право жить своею жизнію и вѣровать своею вѣрою. На защиту Кіева является козачество, братство; духъ народа увлекаетъ за собою представителей духовенства и власти. Кіевъ является великимъ поборникомъ православія и одерживаетъ побѣду съ честію. Онъ становится средоточіемъ народной дѣятельности и источникомъ духовнаго просвѣщенія Россіи. Богоявленское Братство показываетъ въ тогдашнемъ кіевскомъ обществѣ замѣчательную силу духовной самодѣятельности: братство заводитъ общественно-образовательную школу, съ цѣлію воспитанія духовныхъ пастырей церкви и защитниковъ православія; школа открываетъ свои двери для юношей всѣхъ званій, становится для нихъ училищемъ—и духовнымъ, и свѣтскимъ, и низшимъ, и среднимъ, и высшимъ,— и скоро пріобрѣтаетъ себѣ широкую извѣстность и благодарную славу въ народѣ.

Каково было значеніе Кіева уже въ XVI вѣкѣ, видно изъ словъ, которыя сказалъ крымскій ханъ польскому королю (кажется—Баторію): „Взойди я на кіевскія горы, такъ однимъ глазомъ я смотрѣлъ-бы оттуда на свой Бахчисарай, а другимъ на твой Краковъ". Этому хану нельзя отказать въ смѣкалкѣ.

Но вотъ загорается война съ Польшею за самое право спокойнаго существованія, и послѣ трехъ блистательныхъ побѣдъ, Хмельницкій вступаетъ въ Кіевъ торжествующимъ освободителемъ его. При видѣ Кіева, плачутъ козаки... плачутъ закаленные рыцари, сколько отъ радости, видя его святыню и красу, столько отъ горя, что святыня его поругана, что краса его опозорена...

Наконецъ Кіевъ возвращается подъ крѣпкую руку единовѣрной Россіи и 17 января 1654 присягаетъ на вѣрноподданство престолу русскому. Еще прежде сего онъ даетъ Москвѣ первыхъ насадителей тамъ просвѣщенія, справщиковъ церковныхъ книгъ, устроителей церковныхъ порядковъ. Просвѣщеніе ростетъ, новыя силы приливаютъ изъ Кіева, сѣверъ и югъ Россіи связываются снова и начинается новая совмѣстная жизнь ихъ. Съ Петра Великаго положеніе и вліяніе Кіева постепенно и замѣтно ростетъ. Кіевскіе люди помогаютъ Петру въ преобразованіи Россіи, истолковываютъ народу понятія и цѣли правительства. Закаленные въ борьбѣ съ папствомъ, развившіе въ себѣ побѣдительную силу мысли, кіевскіе ученые сдерживаютъ русскихъ людей отъ слѣпаго увлеченія западною Европою, укрѣпляютъ народный русскій смыслъ, развиваютъ общественную логику. И какъ много-

численны эти борцы за православіе, эти проводники образованія! Одинъ списокъ ихъ занялъ-бы цѣлыя страницы. А сколько добра принесли они по всей великой Россіи!...

Вѣра и наука идутъ объ руку въ Кіевѣ и въ позднѣйшіе годы. Въ 1834 г. въ немъ открывается университетъ и руководящей мыслію своею ставитъ слова: „*во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ*“. Люди, съ глубокимъ пониманіемъ естествовѣдѣнія, сохраняютъ невозмутимый свѣтъ вѣры; среди обителей встрѣчаются старцы, въ лицѣ которыхъ какъ-бы выглянули изъ отдаленныхъ вѣковъ первые печерскіе подвижники. „*Христіанинъ есмъ*“—можетъ сказать о себѣ Кіевъ, вспоминая послѣднее слово своего послѣдняго князя среди мученій татарскихъ.

И нынѣ, не смотря на всѣ перемѣны, Кіевъ, Кіевъ! какъ имя твое любезно сердцу русскому! Отъ береговъ Балтійскаго моря и до Камчатки нѣтъ мѣста, гдѣ-бы имя твое не наполняло благоговѣніемъ сердца христіанъ, истинныхъ дѣтей твоихъ. Святою вѣрою, разлившеюся изъ тебя, развилась, спаслась и утвердилась народная самобытность всего нашего отечества. Много на Руси славныхъ мѣстъ, но, по вліянію на весь народъ, не было и быть не можетъ равнаго тебѣ, святой и прекрасный Кіевъ!

И кромѣ этого, кромѣ твоей вѣковѣчной святыни, сколько еще другаго добра въ тебѣ, сколько сдѣлано тобою въ самые позднѣйшіе годы! Дома призрѣнія бѣдныхъ; рукодѣльныя школы; пріюты для дѣтей; пріюты для недостаточныхъ дѣвицъ; дешевыя квартиры и столовыя; общества пособія студентамъ, ученикамъ и ученицамъ; лѣчебницы; общины сестеръ милосердія; попечительство о слѣпыхъ; ночлежный домъ... Все это и многое другое, ясно свидѣтельствуя о прямомъ вліяніи Христовой вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ громко говоритъ намъ, что ты, святопрекрасный, остаешься вѣренъ своему названію „*матери*“.

Въ живомъ сочувствіи къ такой дѣятельности, кто не порадуется твоей тысячелѣтней годовщинѣ, кто не скажетъ отъ всей души: да благословитъ тебя Богъ постоянно развиваться въ чувствѣ любви къ ближнимъ и прослыть въ новомъ тысячелѣтіи твоей жизни матеріею не *городовъ* только, но и *селъ* русскихъ, а главное—*матеріею* бѣдныхъ и дѣтей!...

Одинъ изъ народа.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Давая мѣсто въ нашемъ изданіи слѣдующему предъ симъ заявленію одного изъ сотрудниковъ нашихъ, мы вполнѣ сочувствуемъ его глубоко патріотической мысли и желали бы ей полнаго и наилучшаго осуществленія.

Наступающее тысячелѣтіе Кіева, тысячелѣтіе его несомнѣннаго историческаго существованія и государственнаго значенія принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ моментамъ нашей жизни, которые способны со дна души нашей поднять и всколебать наше народное чувство. Напряженный скептицизмъ, микроскопическая переверстка въ хронологіи лѣтописной не можетъ имѣть здѣсь мѣста; пока не утверждены наукою на нашемъ историческомъ пути новые хронологическіе знаки, мы въ-правѣ по старымъ вести счетъ нашей исторической жизни, а нынѣшній годъ, какъ мы сказали, есть тысячный годъ жизни Кіева въ качествѣ матери градовъ русскихъ.

Но не одно чувство будитъ въ насъ желаніе, что-бы этотъ годъ въ жизни первопрестольнаго Кіева былъ отмѣченъ особымъ торжествомъ; судьбы Кіева и его участіе въ общей жизни Россіи оправдываютъ голосомъ исторіи движеніе сердца. Исторія Кіева даетъ основаніе, внутреннее чувство—побужденіе къ тому, чтобы этотъ годъ не прошелъ незамѣченнымъ въ нашей жизни.

Праздновалось семисотлѣтіе Москвы (1847 г.), тысячелѣтіе Россіи (1862 г.), трехсотлѣтіе Сибири (1881 г.), праздновались столѣтніе юбилеи разныхъ нашихъ городовъ и разволѣтніе юбилеи отдѣльныхъ лицъ. Ужели древнѣйшая столица Россіи, *мати градомъ русскимъ*, колыбель православія, купель крещенія всего народа русскаго,—славный, многострадальный Кіевъ лишенъ былъ-бы такой чести? - Не думаемъ, не вѣримъ.

Ни на минуту не сомнѣваемся, что праздникъ тысячелѣтія Кіева былъ бы по душѣ всѣмъ истинно русскимъ по всей Россіи, ободрилъ и поднялъ бы ихъ религіозное чувство, которое вотъ ужъ нѣсколько вѣковъ считаетъ Кіевъ *Іерусалимомъ земли русской*,

какъ и Царь-Освободитель назвалъ его, въ день своего коронованія, въ рескриптѣ кіевскому митрополиту. Духовное торжество Кіева произвело бы подъемъ народнаго духа и хотя на время ослабило бы матеріальное, разлагающее направленіе нашихъ дней.

Праздникъ тысячелѣтія Кіева возбудилъ бы умственную дѣятельность нашихъ историковъ, археологовъ, вдохновилъ бы нашихъ писателей и художниковъ, освѣжилъ бы наши періодическія изданія, отвлекъ бы умы отъ напрасныхъ словопреній, отъ праздныхъ мечтаній, отъ этого шатанія, низменныхъ помысловъ и чувствъ, далъ бы случай и побужденіе еще разъ подняться до высшей ступени народнаго самосознанія и дохнуть полною широкою русскою грудью... Словомъ: праздникъ государственнаго значенія Кіева могъ бы самъ имѣть значеніе государственное.

Мы поднимаемъ нашъ голосъ за осуществленіе этого праздника; но чувствуемъ, что голосъ нашъ слабъ, одинокъ и слишкомъ недостаточенъ. Мы надѣемся, что кіевское наше представительство приметъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и дастъ ему желаемое направленіе. Мы разсчитываемъ, что наши литературные органы, преимущественно газеты, соединятся въ одномъ съ нами чувствѣ благоговѣйнаго почтенія къ сѣдой древности Кіева, къ его тысячелѣтней жизни и дадутъ нашему заявленію необходимое и желаемое распространеніе. Мы даже просимъ тѣ изъ редакцій, которыя раздѣлятъ нашъ взглядъ на наступающій историческій моментъ, дать мѣсто нашему заявленію на страницахъ своихъ изданій,—въ какомъ угодно объемѣ и формѣ.

Скажемъ въ заключеніе всѣмъ, кто откликнулся бы на нашъ голосъ: не говорите—поздо. „На доброе дѣло не поздо никогда“ и „лучше поздо, чѣмъ никогда“. Времени довольно впереди,—мы хотимъ праздновать годъ, а не день или мѣсяцъ. Намъ кажется, что сентябрь былъ бы самымъ удобнымъ временемъ желаемаго празднества. Къ тому времени пройдутъ и выставка, и коронація, и лѣтнія экскурсіи ученыхъ, и знойныя работы трудящагося люда, и всякія прохладительныя путешествія и прогулки... Къ тому времени несомнѣнно поспѣетъ и столько ожидаемый памятникъ освободителю Кіева и всей тянувшей къ нему страны, Зиновію-Богдану Хмельницкому. Въ сентябрѣ храмовой праздникъ св. Софіи кіевской,—древнѣйшей кіевской и всероссійской святыни. Къ тому времени со всякими приготовленіями поспѣть можно.

Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши.

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

(Окончаніе).

Идеи, управлявшія стремленіями и надеждами на скорое обновленіе человѣчества, не согласовались ни съ данными, которыми располагала наука, ни съ научными методами. Поэтому наука, не входила въ систему образованія, опиравшагося на эти идеи, какъ главное орудіе его, и должна была играть въ ней роль второстепенную. Развитіе умственныхъ силъ поставлено въ зависимость отъ простора и оживленія инстинктовъ природы, а потому средоточіемъ этой системы было воспитаніе. Наука должна была только возбуждать инстинкты природы и приводить ихъ въ сознаніе; воспитаніе должно было оживить ихъ, укрѣпить, дать имъ единство и направленіе дѣятельности. Наука казалась простою и легкою, воспитаніе считалось дѣломъ труднымъ, требующимъ большихъ усилій. Эти основанія разъясняютъ намъ недоразумѣнія между коммисіею просвѣщенія и главными школами, которыя и своимъ положеніемъ, и своими традиціями, и примѣромъ Европы тяготѣли къ наукѣ. Эти недоразумѣнія достаточно опредѣлились въ отношеніяхъ между краковскою академіей и *эдукаціонною дирекціей* Варшавскаго Герцогства, поставившей для себя священною задачею слѣдовать во всемъ примѣру своей предшественницы, коммисіи просвѣщенія, но болѣе энергически[1]).

[1]) Предсѣдателемъ *эдукаціонной дирекціи* былъ родной братъ Игнатія Потоцкаго Станиславъ Потоцкій, имѣвшій домашнимъ своимъ учителемъ того-же Пирамовича. Станиславъ Потоцкій былъ женатъ на дочери Адама Чарторижскаго, одного изъ ревностныхъ поборниковъ реформъ во время раздѣловъ. Ему наиболѣе обязаны своими успѣхами школы Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго до 1821 года.

Въ противоположность другимъ, умножавшимся тогда въ Европѣ школьнымъ системамъ, польскіе школьные реформаторы не только не обрѣзывали учебнаго курса до минимума, но напротивъ старались включить въ него возможно большее число наукъ, признанныхъ новыми идеями. Это множество наукъ не пугало ихъ, потому что не могло обременять учениковъ; назначеніемъ ихъ было захватить возможно большій кругъ инстинктовъ, чтобы подвергнуть ихъ оживленію и всѣ сосредоточить въ одномъ направленіи, приготовить для одной цѣли, которою было польское государство.

При такомъ значеніи воспитанія, понятно, что коммисія просвѣщенія, не слишкомъ торопясь подробнымъ изложеніемъ учебныхъ программъ и изданіемъ учебниковъ, употребитъ всѣ усилія для развитія и точнаго исполненія воспитательной системы. Къ этому главнымъ образомъ направляемы были всѣ средства, которыми располагала школа.

Въ этомъ отношеніи новыя идеи далеко опередили свой вѣкъ и во многомъ могли-бы служить поученіемъ и для нашего времени. Что сдѣлали для законодательства идеи Монтескьё и Беккаріи, то самое сдѣлали для воспитанія тогдашнія воспитательныя системы. Въ частныхъ, отдѣльныхъ ихъ положеніяхъ много глубокихъ поученій, прекрасныхъ правилъ, которыя слѣдовало-бы почаще напоминать нынѣшнимъ воспитателямъ; въ общемъ ихъ духѣ высокая человѣчность, но вмѣстѣ съ тѣмъ идеализація, возбуждающая порывистость и страстность, при этомъ непремѣнное условіе—быстрое практическое исполненіе, влекущее за собою нравственную драпировку, новое фарисейство. Воспитательная система польскихъ школьныхъ реформаторовъ заключаетъ въ себѣ всѣ показанныя достоинства, но и всѣ приведенные недостатки новаго воспитанія. Она прибавляетъ къ нимъ чрезвычайную тщательность и заботливость о всестороннемъ бытѣ учителей и учениковъ, о развитіи въ особенности чувства чести и достоинства и, въ противуположность прорывавшимся тогда коммунистическимъ попыткамъ, уваженія къ собственности, но отличается отъ нихъ нагроможденіемъ наблюдательныхъ порядковъ и крайне себялюбивыми практическими приложеніями. „Всемірные граждане“, создаваемые новымъ воспитаніемъ на западѣ, стремились ко всемірному благу, тѣ-же граждане, выростающіе на польской школьной системѣ, обязаны были заботиться

только о Польшѣ. Думалось, что легко втиснуть всемірнаго гражданина въ тѣсныя рамки Польши,—что легко разомъ поднять тогдашнюю Польшу на точку міровыхъ государственныхъ идеаловъ. Реформаторы не щадили къ тому никакихъ мѣръ и потому часто хватали черезъ край или удалялись въ сторону. Отсюда внутреннія противорѣчія въ воспитательной системѣ и ея несостоятельность. Остановимся на болѣе характеристическихъ чертахъ этой воспитательной системы.

Прежде всего, школы подвержены были строгому контролю. Проректоръ под-окружной школы обязанъ былъ въ теченіе каждаго учебнаго года посѣтить находящіяся въ районѣ этой школы элементарныя училища. Ректоръ окружной школы долженъ былъ осмотрѣть всѣ подъокружныя школы, а такъ-же и элементарныя, находящіяся въ округѣ его, въ теченіе октября и ноября. Визитаторъ академическій обязанъ былъ осмотрѣть всѣ окружныя, подъокружныя и по возможности элементарныя школы, составляющія округъ главной школы. Независимо отъ сего коммисія просвѣщенія назначала особыхъ визитаторовъ изъ среды своихъ членовъ и членовъ общества для изданія учебниковъ, которымъ поручала осмотръ нѣсколькихъ округовъ. Члены коммисіи имѣли право во всякое время, по собственному усмотрѣнію, осматривать каждую школу. Ревнителямъ и патронамъ просвѣщенія всегда открыты были школьныя двери. Наконецъ вся публика разъ въ году приглашаема была въ школу, на *публичный экзаменъ*, причемъ она пользовалась правомъ осмотра всей школы и ея дѣятельности, правомъ запросовъ, рѣчей, похвалъ, порицаній.

Въ каждой школѣ система наблюденія развита была до крайности. Можно сказать, что всѣ находились на каждомъ шагу подъ наблюденіемъ всѣхъ. Ректоръ былъ главою школы; свободный отъ уроковъ, онъ обязанъ былъ преимущественно наблюдать надъ исполненіемъ всѣми своихъ обязанностей. Префектъ, также свободный отъ уроковъ, долженъ былъ неотступно слѣдить за всѣмъ во время уроковъ, часто посѣщать классы для наблюденія, исполняютъ-ли учителя свои обязанности по уставу, каждый мѣсяцъ съ ректоромъ производить экзамены. Въ свою очередь учителя обязаны были наблюденіемъ надъ ректоромъ, или проректоромъ. Въ случаѣ уклоненія отъ своихъ обязанностей того или другаго, старшій лѣ-

тами службы учитель напоминаетъ ему объ этомъ. Когда личныя напоминанія не дѣйствуютъ, учитель дѣлаетъ виновному предостереженіе въ собраніи всѣхъ учителей. Если и за симъ ректоръ будетъ не исправенъ, старшій учитель предаетъ его суду совѣта учителей, опредѣленія котораго посылаютъ ректору главной школы. Ближайшее наблюденіе надъ учениками, кромѣ ректора, префекта и учителей, имѣютъ въ классѣ—*декуріоны*, въ квартирахъ *директоры*, тѣ и другіе избираемые изъ лучшихъ учениковъ. Директоръ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи учениковъ разныхъ классовъ, имѣетъ право относиться къ учителю по дѣламъ уроковъ; въ случаѣ несогласія съ учителемъ, жалуется префекту и ректору, а при обидѣ со стороны этихъ послѣднихъ имѣетъ право жалобы на нихъ въ коммисію просвѣщенія.

Эта система взаимныхъ наблюденій, произведенная особенною заботливостью коммисіи просвѣщенія объ охранѣ дорогаго для ней дѣла, проникнута въ уставѣ добрыми намѣреніями единодушія, общей любви къ благу школы и общей заботы о немъ. Но сами служащіе были воспитанниками прежней воспитательной системы, на которую іезуиты имѣли большое вліяніе. Въ результатѣ добрыхъ намѣреній оказались частыя ссоры въ учебномъ составѣ, шпіонство, доносы, судебныя разбирательства и т. п. Въ этомъ отношеніи польская почва оказалась наиболѣе неблагопріятною для новыхъ идей.

Коммисія просвѣщенія, поспѣшно замѣщая учительскія должности лицами прежняго строя, хорошо понимала несоотвѣтствіе ихъ съ новымъ духомъ и задачами школы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко вѣруя въ силу новыхъ идей, она надѣялась на скорое перерожденіе учительскаго состава, когда онъ сполна будетъ введенъ въ духъ этихъ идей. „Всѣ почти несправедливости, заблужденія и неурядицы происходятъ отъ *незнанія* каждымъ своихъ правъ и обязанностей“, говорится въ наставленіи учителю права и нравственности. Поэтому коммисія озаботилась подробнымъ изложеніемъ учительскихъ правъ и обязанностей. Эти права и обязанности изложены въ уставѣ и въ особой инструкціи. Какихъ послѣдствій ожидала коммисія просвѣщенія отъ своихъ правилъ и наставленій, это видно изъ рѣчи Пирамовича въ публичномъ собраніи 7 марта 1781 года, по случаю изданія проекта устава и наставленій, когда еще далеко было до учрежденія учительскихъ семинарій и до выпуска студен-

товъ главныхъ школъ, въ которыхъ преобразованія начаты съ 1780 года. Устраняя типъ прежняго учителя, Пирамовичъ мечтаетъ, что учитель, котораго приготовляетъ коммисія („którego kształcimy") будетъ совершенною противоположностью ему. „Нашъ учитель это почтенный и просвѣщенный гражданинъ. Поставленный образованіемъ на высшую точку, онъ смотритъ на отечество, какъ на общую мать, которая, поручивъ ему для образованія своихъ дѣтей, получаетъ отъ него добрыхъ и полезныхъ сыновей. Все, что составляетъ личное счастье человѣка: здоровье, честь, добрая жизнь, здравый умъ, домашній порядокъ, любовь, пріязнь и почтеніе къ другимъ,— все, что составляетъ общественное благополучіе: равная ко всѣмъ и самая точная справедливость, защита края, достоинства гражданина, крѣпость убѣжденій, самое святое уваженіе къ чужой собственности, все это онъ ставитъ цѣлію своего призванія и своей службы. На физическія и нравственныя науки, о преподаваніи которыхъ онъ получилъ отъ высшей власти полную инструкцію, онъ смотритъ не иначе, какъ на средства къ тому, чтобы просвѣщенный и честный гражданинъ зналъ, какъ онъ долженъ поступать въ домашнемъ и гражданскомъ быту. Зная, что свойства его вліяютъ на душу ученика, онъ употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы самому прежде стать такимъ, какимъ хочетъ его видѣть. Онъ мыслитъ, говоритъ и поступаетъ такъ, чтобы его вліяніе на умъ и сердце молодаго питомца охраняло его отъ порчи и соблазна свѣта, отъ заразы заблужденій и подлости, отъ безпечности и пустой траты лѣтъ".

Чтобы удобнѣе достигнуть этого идеала, коммисія просвѣщенія обратила учительскій кругъ въ особое сословіе въ государствѣ (stan akademicki), всецѣло посвященное своему призванію, на подобіе католическихъ орденовъ. Поступающій на учебную службу долженъ былъ отказаться отъ всякихъ другихъ занятій и носить особый костюмъ (suknia akademicka, на подобіе костюма ксендзовъ). Всѣ учителя непремѣнно должны были жить въ зданіи школы (безплатно), имѣть общій столъ (женатымъ дозволялось имѣть отдѣльный столъ, но жить они должны были въ томъ-же зданіи) и общую кассу: на пищу, прислугу, свѣчи и больницу. Касса хранилась у ректора, расходы производились по постановленіямъ совѣта *провизоромъ*, избираемымъ совѣтомъ изъ среды своихъ членовъ на

полгода. Въ кассу положено было высчитывать изъ жалованья каждаго учителя по 650 злотыхъ въ годъ. Это сословіе имѣло свой отдѣльный судъ, всѣ дѣйствія котораго покрыты были строгой тайной. Привлеченіе къ суду учителей производилъ ректоръ или проректоръ; послѣднихъ, а также и префекта подвергалъ суду, какъ мы уже сказали, старшій лѣтами службы учитель. Предварительно долженъ быть три раза прочитанъ въ собраніи всѣхъ служащихъ, исключая обвиняемаго, обвинительный актъ, составленный лицомъ, привлекающимъ къ суду. Затѣмъ приглашали обвиняемаго, которому ставились вопросные пункты и предоставлялось защищать себя. По окончаніи разбирательства, обвиняемый удалялся и присутствовавшіе подавали голоса письменно, на особыхъ карточкахъ, безъ подписи своей фамиліи, но обвинитель не имѣлъ при этомъ права голоса. Большинствомъ голосовъ опредѣлялось наказаніе виновному. Немедленному исполненію надъ виновнымъ подвергались приговоры: запрещеніе выхода изъ школьнаго дома или изъ квартиры въ теченіе положеннаго срока, лишеніе права голоса въ совѣтѣ на одинъ годъ (это послѣднее наказаніе неизбѣжно было для того, кто выдавалъ секретъ судебныхъ засѣданій), денежные штрафы за манкировку, именно: за выѣздъ безъ позволенія главной школы больше чѣмъ на шесть дней ректоръ платилъ дневное свое жалованье; проректоръ тоже платилъ за отъѣздъ больше чѣмъ на четыре дня; проректоръ и префектъ за небытность на экзаменѣ платили половину дневнаго жалованья; учитель, опоздавшій на урокъ на полчаса, платилъ полудневной окладъ, а на часъ—дневной. Эти штрафы распредѣлялись между тѣми изъ служащихъ, которые не были замѣчены въ манкировкѣ. Дальнѣйшія наказанія исполнялись только послѣ утвержденія протокола суда ректоромъ или совѣтомъ главной школы. Это были: лишеніе прибавки къ жалованью, лишеніе жалованья на срокъ (кромѣ части, поступающей въ кассу), лишеніе права голоса въ совѣтѣ на три года и болѣе, временное устраненіе отъ должности и совершенное увольненіе изъ учебнаго званія.

Учебная служба по времени вполнѣ была обезпечена. Ректоръ получалъ 1800 злотыхъ, учитель по 1200 злотыхъ. Это жалованье, по истеченіи шести лѣтъ службы, увеличивалось ежегодно на 100 злотыхъ, до 20 лѣтъ службы, когда оканчивался срокъ на пенсію.

Если по истеченіи 20 лѣтъ учитель выходилъ въ отставку, онъ получалъ названіе эмерита, получалъ отъ школы квартиру и двѣ трети своего содержанія, если-же онъ пожелалъ продолжать службу и былъ вновь утвержденъ въ ней, то къ послѣднему окладу его прибавляемо было 1000 злотыхъ и онъ получалъ названіе *заслуженнаго учителя*.—Ректоръ, проректоръ и префектъ избираемы были совѣтомъ учителей на 4 года и утверждались въ своей должности коммисіей просвѣщенія. Всѣмъ служащимъ въ школѣ предоставлено было исключительное право на особенныя занятія съ учениками за условленную съ родителями плату. Награды состояли главнымъ образомъ въ сокращеніи срока на пенсію и на званіе заслуженнаго, а также въ полученіи бенефицій и прелатуръ, т. е. доходовъ съ имѣній, составлявшихъ собственность церквей, которые правительство и епископы во множествѣ предоставили для этой цѣли въ распоряженіе коммисіи просвѣщенія. Часто такая бенефиція или прелатура приносила учителю въ пять и десять разъ больше, чѣмъ давало жалованье. Въ общемъ, если принять во вниманіе тогдашнія цѣны и кругъ потребностей, матеріальному положенію тогдашняго польскаго учителя позавидуютъ нынѣшніе учителя всей Европы.

Лишившіеся здоровья, при выходѣ въ отставку, получали, если прослужили менѣе 10 лѣтъ, 400 злотыхъ; прослужившіе-же болѣе 10 лѣтъ получали 600 злотыхъ и при этомъ почти всегда бенефицію, въ которой могли поселиться на жительство.

За то учитель долженъ былъ сполна проникнуться тѣмъ идеаломъ, который онъ призванъ осуществить на ученикахъ. „Учитель, говоритъ инструкція, долженъ быть философомъ, ясно сознавать свое дѣло, знать основы человѣка, привычки, свойственную каждому возрасту воспріимчивость, понимать связь всѣхъ наукъ, быть чуткимъ, спокойнымъ, справедливымъ, заботливымъ о благѣ учениковъ и общемъ благѣ человѣческаго рода. Рѣшившись посвятить себя на это служеніе отечеству, хорошо взвѣсь принимаемыя на себя обязанности и свои силы, которыя ты посвящаешь ему. 1) Читай книги нравственнаго содержанія, которыя, основываясь на религіи, заповѣдующей любовь къ ближнимъ, какъ основаніе всѣхъ поступковъ, учили-бы любить всѣхъ людей и никому не причинять обиды, оскорбленія. 2) Читай книги о способѣ ученія, хорошія, ру-

ководства по логикѣ, изъ которыхъ можешь узнать ходъ и связь мыслей человѣка. 3) Давай отчетъ самому себѣ о школѣ, разсуждай о твоихъ поступкахъ и обязанностяхъ. 4) Гораздо больше размышляй, чѣмъ читай." Въ этомъ духѣ продолжаются наставленія учителю о самоусовершенствованіи.

Всѣ свои силы и заботы учитель долженъ посвятить воспитанію ученика, для его „личнаго и общаго счастія". Учитель долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что „въ воспитаніи все отъ него зависитъ." По Кондильяку, главному учителю польскихъ школьныхъ реформаторовъ, духъ человѣка выростаетъ изъ ощущеній, всѣ духовные процессы, въ томъ числѣ комбинація идей и хотѣніе, должны быть разсматриваемы только какъ видоизмѣненныя ощущенія. Ощущенія, т. е. внѣшнее и внутреннее чувство ученика—вотъ сфера, которою главнымъ образомъ долженъ быть озабоченъ учитель, по требованію инструкціи. Возбуждать благородныя ощущенія, инстинкты, совершенствовать и направлять ихъ къ личному и отечественному благу, устранять дурные, вотъ къ чему должна быть сведена вся дѣятельность учителя и все преподаваніе его. Наставляя учителя въ томъ, какъ дѣйствовать на ученика примѣромъ и словомъ въ каждомъ случаѣ, *инструкція* въ особенности заботится о томъ, чтобы все преподаваніе и классное обученіе проникнуть воспитательнымъ духомъ и направленіемъ и каждую науку обратить въ строго воспитательное орудіе. Знаніе, свѣдѣніе само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, если оно не служитъ всецѣло возбужденію добрыхъ инстинктовъ, къ утвержденію ученика во всѣхъ добродѣтеляхъ, необходимыхъ для его личнаго и общаго счастія. „Иначе, прибавляетъ инструкція, лучше вовсе не имѣть школьнаго образованія".

Въ частности, итструкція, намѣчая главнѣйшія части каждой науки, или только основные методы ея, внушаетъ:

Учителю математики „постоянно имѣть въ виду усовершенствованіе душевной дѣятельности въ отношеніи не только ясныхъ представленій въ понятіяхъ и сужденіяхъ, но также и передачи другимъ того, что извѣстно". Ему-же, какъ учителю логики, внушается: „изложеніе основныхъ правилъ логики не много потребуетъ времени; но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, неразлучное на практикѣ съ каждымъ дѣломъ", въ чемъ—дается подробное указаніе.

Учителю краснорѣчія предписывается „не выпускать изъ виду, что наука краснорѣчія обязана возбуждать и развивать добродѣтель, почтеніе и добрую жизнь“.

Учитель физики, химіи и естественной исторіи „долженъ соображать, чего въ нихъ остерегаться, съ чѣмъ и какъ обращаться“, ограничиваясь только такими свѣдѣніями, которыя „приносятъ прямую пользу, и тѣмъ дѣлая эту науку полезною“.

Учитель исторіи обязанъ помнить, что „главнѣйшая задача ея есть обученіе добродѣтели и добрымъ обычаямъ“. „Преподаваніе исторіи, не направленное къ воспитанію сердца, къ возбужденію любви къ добродѣтели, къ исправленію поступковъ,—преподаваніе, выставляющее предъ учениками величіемъ то, что было пустымъ дѣломъ, храбростью — что было насиліемъ, политикою — хитрость, ставящее въ примѣръ то, что служитъ соблазномъ, такое преподаваніе исторіи заражаетъ сердце и дастъ молодому уму направленіе вредное для общественности“. Передавая событіе, учитель долженъ тутъ-же присовокупить похвалу или порицаніе“. „Напримѣръ, тотъ или другой монархъ *завоевалъ край:* сейчасъ нужно присовокупить, что завоевалъ несправедливо; не говори, что его политика восторжествовала, но скажи лучше, что онъ поступилъ вѣроломно, или обманулъ, или нарушилъ честное слово“. Этотъ оригинальный способъ преподаванія исторіи и особенная цѣль его, которую опасно было открыто называть въ публичныхъ инструкціяхъ, такъ какъ посланники сосѣднихъ державъ зорко слѣдили за всѣмъ, дѣлаются понятнѣе изъ слѣдующаго наставленія о томъ-же предметѣ въ уставѣ: учитель долженъ „отмѣчать въ дѣяніяхъ человѣческихъ все то, что несогласно съ справедливостью, человѣчностью, довѣріемъ и вѣрностью своему слову. Поэтому онъ никогда не долженъ называть политикой, т. е. искусствомъ правительства, ни богатырскимъ подвигомъ того, что было *хитростью, измѣною, подлостью, грабежемъ, насиліемъ, наѣздомъ, присвоеніемъ чужой собственности*“. Понятно, что дѣло идетъ о раздѣлѣ польскихъ областей. Это придаетъ своеобразный оттѣнокъ частымъ и порывистымъ упоминаніямъ въ уставѣ и инструкціи объ уваженіи къ чужой собственности, какъ одной изъ важнѣйшихъ добродѣтелей, которыя требуется внушать ученикамъ, и о хитрости, какъ объ одномъ изъ самыхъ дурныхъ свойствъ

Найбольшія надежды инструкція возлагаетъ, безъ сомнѣнія, на *право* и *морали*. Въ подробностяхъ ея по этому предмету много прекрасныхъ правилъ, въ общемъ — черты духа, внутренняго расположенія, а не внѣшней обрядности, мягкость и теплое участіе— свойства, отличающія преобразовательныя идеи XVIII вѣка, но въ конечной цѣли и задачѣ та-же односторонность, составляющая общую болѣзнь польской школьной реформы и въ частности воспитанія. Наука морали обращается въ практическое руководство. Отъ учителя требуется „не обременять учениковъ пространными объясненіями нравственности, не ограничивать своихъ занятій поученіями... не откладывать нравственнаго обученія до назначенныхъ часовъ, но на каждомъ мѣстѣ, во всякое время и при каждомъ случаѣ обращаться къ нему, возбуждая учениковъ противъ какой-либо несправедливости и подлости, напротивъ увлекая ихъ примѣромъ должнаго поступка, справедливости". Тотъ-же пріемъ внушается и въ преподаваніи права, причемъ на урокахъ требуется: „говоря объ обязанностяхъ, подтверждать объясненія примѣрами, какъ это предписано въ наставленіяхъ о преподаваніи исторіи".

Дабы ученики никогда не оставались безъ надзора, вліянія добрыхъ примѣровъ и постояннаго нравственнаго руководства, коммисія просвѣщенія установила квартирное *директорство*. Въ этомъ учрежденіи, вызванномъ крайнею заботливостью реформаторовъ о воспитаніи учениковъ въ цѣляхъ и задачахъ новой системы, еще больше высказалась глубокая вѣра ихъ въ силу своихъ наставленій и крайній идеализмъ воспитанія. Не будемъ говорить о различіи этого учрежденія отъ прежней системы цензоровъ, центуріоновъ, декуріоновъ,—оно, конечно, устроено на совершенно новыхъ началахъ.

„Директоры" избираемы были изъ лучшихъ учениковъ двухъ старшихъ классовъ, а часто и четвертаго класса (въ подокружныхъ школахъ изъ втораго и третьяго классовъ). Каждая ученическая квартира ввѣрялась особому директору, который жилъ съ своими кліентами и не отлучался отъ нихъ, развѣ на лекціи въ школы. Квартиросодержатель и родители учениковъ обязаны были принять на себя содержаніе директора и кромѣ того послѣдніе давать ему плату. Коммисіею просвѣщенія издано подробное изложеніе обязанностей директоровъ (Przepis dla dyrektorów). „Директоры должны

помнить, что примѣръ ихъ будетъ служить для дѣтей самымъ сильнымъ побужденіемъ къ добру или злу. Что будетъ видѣть дитя на своемъ директорѣ, то легко будетъ усваивать, цѣнить, или оставлять безъ вниманія, считать зломъ.... Поэтому директоръ долженъ увлекать дѣтей примѣромъ своимъ къ опрятности, воздержности въ пищѣ и питіи, разсудительности и осторожности въ поступкахъ, терпѣнію въ неудачахъ, старанію въ наукахъ, любви къ труду, вѣрности слову и обѣщанію, вѣжливости къ равнымъ себѣ, почтенію къ старшимъ, снисхожденію къ меньшимъ, благодарности къ родителямъ и благодѣтелямъ, справедливости ко всѣмъ, благотворительности, почитанію и благодарности къ Богу" (§ 1). За этимъ общимъ опредѣленіемъ слѣдуютъ подробныя указанія разнообразныхъ ученическихъ обязанностей, дѣтскихъ поступковъ, свойствъ и расположеній, а также способовъ, при помощи которыхъ директоры успѣшнѣе могутъ пользоваться своимъ примѣромъ, наставленіями, объясненіями, замѣчаніями и наказаніями.

Директоръ обязанъ хорошо изучить каждаго изъ порученныхъ ему учениковъ, его „темпераментъ, состояніе здоровья, способности, характеръ, добрыя и дурныя свойства, безъ чего нельзя знать, какъ относиться къ нимъ" (§ 12). Для этого директоръ долженъ держать себя такъ, чтобы его кліенты совершенно свободно вели себя въ его присутствіи, что даетъ ему возможность „узнать желанія и склонности ихъ" (§ 2). Въ особенности онъ долженъ быть внимательнымъ къ привычкамъ ихъ, исправлять и направлять ихъ (§ 4). „Если дитя сдѣлаетъ какой-либо добрый поступокъ, директоръ тотъ-часъ долженъ похвалить его, даже поставить его въ примѣръ другимъ. Этимъ способомъ будетъ вкореняться въ сердцѣ чувство чести (punkt honoru), то благородное и приличное человѣку побужденіе, которое, имѣя основаніемъ самолюбіе, не позволяетъ ему унижать себя и позорить какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ другихъ. Чтобы не ослаблять и не убивать этого чувства, директоръ не долженъ дѣлать взысканій съ виновнаго при другихъ. Предъ посторонними онъ долженъ только объяснить, что въ поступкѣ достойно наказанія... Если ученикъ провинился словомъ или дѣломъ въ присутствіи другихъ, благоразумный директоръ долженъ выразить знакомъ или физіономіей, что онъ осуждаетъ его поступокъ, расправу-же произвести наединѣ" (§ 4). Ди-

ректоръ долженъ беречь ученика отъ дурнаго товарищества и дружбы; инструкція обращаетъ особенное вниманіе родителей и директоровъ на выборъ слугъ (каждому ученику дозволялось имѣть свою прислугу) (§ 6). Онъ не долженъ оставлять дѣтей безъ занятій или безъ опредѣленныхъ игръ и развлеченій и безъ надзора за ними (§ 7). Дѣйствуя на ученика предостереженіемъ, объясненіями, примѣромъ и убѣжденіемъ, директоръ долженъ постоянно обращать вниманіе его на плоды, происходящіе отъ его поступковъ для него самого, и дать ему на дѣлѣ почувствовать такіе плоды. Приводятся примѣры и даже формулы изреченій, въ которыхъ директоръ можетъ дать ученику почувствовать плоды его поступковъ. „Привыкаетъ дитя лгать, пускай на себѣ самомъ испытаетъ плоды лжи, именно, что *лжецу никто не вѣритъ*. Хочетъ ученикъ поиграть, проситъ позволенія, обѣщая приложить потомъ всѣ старанія къ приготовленію урока, директоръ можетъ сказать: *„кто трудится, долженъ послѣ труда отдохнуть и развлечься.—Развѣ я могу вѣрить твоимъ обѣщаніямъ и словамъ, когда ты столько разъ рѣшался обманывать меня?—Заслужи довѣріе — и я буду тебѣ вѣрить.—Какъ ты хотѣлъ, такъ люди и поступаютъ съ тобою.—Частая твоя ложь возбудила во мнѣ недовѣріе къ тебѣ и, можетъ быть, большую, чѣмъ слѣдуетъ, непріятную для тебя осторожность. — Убѣдись-же, что, причиняя другимъ обиду, самъ на себѣ несешь ее“* (§ 8). Директоръ будетъ пользоваться привязанностью и послушаніемъ со стороны дѣтей, если самъ будетъ обходиться съ ними „съ полною нѣжностью, справедливостью, осторожностью, вѣжливостью и любовію“. Строго запрещается ему въ отношеніяхъ къ своимъ кліентамъ „брань, порывистость, злость или мщеніе, употребленіе оскорбительныхъ словъ, прозвищъ, проклятій, побоевъ и насилій“ (§ 9). Директоръ долженъ строго выдерживать свое достоинство; „только-бы въ собственномъ примѣрѣ и поступкахъ не давалъ никакого соблазна (żadnej okazyi i zaczepki), легко тогда можетъ руководить дѣтей и управлять ими“ (§ 10). „Принявъ свою должность, директоръ тотъ-часъ долженъ смотрѣть на своихъ кліентовъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣя къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ («jak na własne dzieci, okazując ojcowskie ku nim serce rzeczą samą») (§ 12). На директорѣ сполна лежитъ забота о пріученіи дѣтей ко всему домашнему порядку, чистотѣ и

приличіи въ цѣлой внѣшности ихъ, объ исправномъ приготовленіи ими уроковъ, о соблюденіи должнаго такта въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ къ нимъ отношеніе. Онъ долженъ также съ тѣмъ или другимъ изъ кліентовъ его „часто дѣлать визиты старшимъ, ровесникамъ, роднымъ, навѣщать больныхъ въ госпиталяхъ, оказывать съ нимъ помощь и утѣшеніе несчастнымъ“ (§ 13)...

Полагаемъ, что этихъ выписокъ достаточно для того, чтобы убѣдиться съ одной стороны въ крайней заботливости школы о воспитаніи и глубокой гуманности воспитательныхъ пріемовъ, съ другой стороны—въ крайней идеализаціи воспитанія и въ глубокихъ противурѣчіяхъ его. Всякій родитель и воспитатель нашего времени подпишется подъ этимъ гуманизмомъ и въ то-же время остановится въ недоумѣніи предъ цѣлою воспитательною системою. Крайняя идеализація, напрасная вѣра въ силу наставленій и предписаній выступаетъ со всею яркостью, когда просматриваемъ тогдашніе списки учениковъ и вѣдомости о директорахъ. Возрастъ учениковъ по этимъ спискамъ оказывается весьма разнообразнымъ, отъ 6 до 28 лѣтъ. Въ каждомъ классѣ лучшіе изъ учениковъ—меньшаго и средняго возраста. Огромное число директоровъ — въ возрастѣ отъ 14 до 16 и 17 лѣтъ, а не мало директоровъ, имѣвшихъ всего по 13 и 12 лѣтъ! И вотъ изъ какихъ отроковъ составляется воспитательный орденъ, который всецѣло долженъ посвятить себя своему призванію и въ точности выполнять идею воспитанія! Эта-то первая юность и отрочество обязывается проникнуться отеческими чувствами къ ученикамъ, хотя-бы и меньшимъ себя, „смотрѣть на нихъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣть къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ“! Это-то дѣтство возводится въ священное учрежденіе, имѣющее право несогласія и апелляціи не только въ отношеніи къ учителямъ, но и къ префекту и къ ректору! Что могло быть плодомъ этого учрежденія, кромѣ извращенія чувства чести и собственнаго достоинства—того самаго чувства, о которомъ такъ тщательно и найболѣе заботится вся эта система! Что могло произойти въ цѣломъ поведеніи директоровъ и учениковъ, кромѣ яркихъ декорацій всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, педантизма, самомнѣнія, напускнаго благородства! Не говоримъ о противурѣчіи въ самомъ основаніи нравственности, которая требуетъ воспитывать дѣтей на христіанской любви къ ближнимъ и къ Богу

и вмѣстѣ съ тѣмъ вкоренять въ сердцахъ ихъ то „чувство, которое имѣетъ основаніемъ самолюбіе".

Наконецъ—ученики, эта среда, на которую направлены всѣ эти напряженныя заботы о самоотверженіи и силѣ вліянія учительскаго состава, о направленіи всего преподаванія, о значеніи директоровъ, — этотъ матеріалъ, изъ котораго должна возникнуть новая порода людей, имѣющихъ преобразовать и спасти отечество. Послѣ сказаннаго о направленіи и духѣ преподаванія, о задачахъ института директоровъ, понятенъ типъ примѣрнаго ученика. Этотъ типъ окончательно обрисовывается въ изложеніи обязанностей учениковъ, заключающемся въ уставѣ (преимущественно въ главахъ 18, 19, 21, 24, 25) и въ инструкціяхъ ректорамъ, учителямъ и директорамъ.

Въ школы (среднія и высшія учебныя заведенія) принимались только шляхетскія дѣти. Какъ ни глубоко проникнуты были школьные реформаторы идеями равенства, но, до реформы государственнаго строя, должны были сдѣлать эту уступку закоренѣлому сословному предразсудку шляхты. Тѣмъ рѣшительнѣе однако была коммисія просвѣщенія въ своихъ требованіяхъ отъ учениковъ—будущихъ гражданъ, во имя отечества. Въ историческомъ характерѣ шляхты школьная система находила много полезнаго для своихъ цѣлей матеріала: гоноръ, честолюбіе, значеніе гражданина Рѣчи Посполитой и защитника отечества. Первый параграфъ спеціальной главы устава объ ученикахъ (18) внушаетъ новоприбылому, какъ первую обязанность, смотрѣть на себя, какъ на молодаго гражданина, который долженъ, „стремиться къ тому, чтобы стать гражданиномъ зрѣлымъ". Въ силу такого взгляда на ученика, послѣдній обставленъ всѣми гарантіями шляхетскаго права и гонора. Онъ имѣлъ право самъ о себѣ хлопотать, начиная съ записи себя въ число учениковъ до личныхъ жалобъ не только на директора, но и на учителей, префекта, даже на ректора (предъ визитаторомъ) (18, 4). Внушая учителю отвѣчать ученикамъ на урокахъ „вѣжливо, съ предупредительностью", уставъ напоминаетъ ему, что онъ „имѣетъ дѣло съ людьми разсудительными, хотя и дѣтьми" (14, 2). Въ наставленіяхъ всѣмъ служащимъ и директорамъ требуется особенно заботиться объ осторожности въ отношеніи къ чувству чести и собственнаго достоинства ученика.

При поступленіи въ школу, молодой шляхтичъ былъ освобожденъ отъ всякихъ формальностей: достаточно было явиться къ префекту и записаться въ число учениковъ, на всѣ предметы и классы, начиная съ перваго, или только на нѣкоторые предметы. Никакого экзамена при поступленіи въ школу не требовалось. Никакой платы за право ученія не полагалось. За неуспѣхъ въ наукахъ не полагалось исключеніе изъ школъ; шляхтичъ воленъ былъ сидѣть за скамьею, сколько ему угодно, лишь-бы велъ себя хорошо. Возрастъ для поступленія въ школу не былъ опредѣленъ: въ спискахъ встрѣчаемъ даже семи и шестилѣтнихъ дѣтей и въ то-же время въ одномъ съ ними классѣ видимъ пятнадцати и шестнадцати-лѣтнихъ. Въ старшихъ классахъ, наряду съ 14—15 лѣтними сидѣли двадцатисеми и двадцативосьми-лѣтніе. Удаленіе изъ школы допускалось, послѣ предувѣдомленія родителей, но „безъ оглашенія". Исключенія изъ школы допускались только за нѣкоторые нравственные проступки. Но и въ этомъ случаѣ, ученикъ былъ гарантированъ правомъ апелляціи къ визитатору и тѣмъ болѣе могъ расчитывать на успѣхъ своей апелляціи, что протоколъ совѣта школы объ исключеніи не подлежалъ немедленному исполненію, а представляемъ былъ предварительно на усмотрѣніе академическаго визитатора, или ректора главной школы, который могъ утвердить или отмѣнить это постановленіе совѣта школы (Уст. гл. 26, 11).

За это уваженіе къ достоинству гражданина, ученикъ обязанъ былъ всецѣло отдаться въ распоряженіе новой системы воспитанія. Непослушаніе начальникамъ и учителямъ считалось въ числѣ четырехъ грѣховъ (другіе три: воровство, пьянство и распущенность), въ случаѣ которыхъ либеральнымъ идеямъ повязывали глаза и молодаго гражданина сѣкли розгами (о семъ безъ опредѣленія числа ударовъ, гл. 26, 6—9). Самыми обыкновенными наказаніями, послѣ замѣчаній и выговоровъ, были также не идущія въ тактъ съ чувствомъ чести и самолюбіемъ, именно: стояніе въ классѣ на колѣняхъ, стояніе въ коридорѣ при проходѣ учениковъ съ таблицей въ рукахъ, на которой было написано: *лѣнивъ, неуживчивъ, непослушенъ и т. д.* Ученикъ обязанъ былъ учиться въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ году безъ перерыва и не выѣзжать къ родителямъ ни на какіе праздники, кромѣ лѣтнихъ каникулъ, положенныхъ съ 29 іюля по 29 сентября (по новому стилю). Наканунѣ Рождества Хри-

стова уроки прекращались и возобновлялись на третій день праздника. Равнымъ образомъ ученіе прекращалось въ страстной четвергъ и возобновлялось на третій день пасхи. Родители видѣли въ этомъ распоряженіи неуваженіе къ религіи и, по старому обычаю, забирали дѣтей на праздники. Но коммисія просвѣщенія ревниво оберегала это требованіе: директорамъ, учителямъ и начальствующимъ предписывалось объяснять родителямъ благотворность этого порядка, а учениковъ за отъѣздъ на праздникъ положено было оставлять въ томъ-же классѣ на второй годъ безусловно, а за вторичный отъѣздъ не принимать въ тѣ-же школы.

Ежедневно въ семь часовъ утра всѣ ученики должны были присутствовать въ костелѣ на литургіи. Изъ костела расходились по классамъ. Ежедневно, кромѣ вторника и четверга, полагалось по четыре часовыхъ урока, отъ 8 до 10 и отъ 2 до 4 часовъ. Отъ 10 до 11 часовъ положены были необязательные предметы — иностранные языки. По вторникамъ и четвергамъ полагалось только утреннихъ два урока, и эти дни назывались поэтому рекреаціонными. Если въ одинъ изъ прочихъ четырехъ дней случится праздникъ, то въ слѣдующій рекреаціонный день уроки полагались и послѣ обѣда.

Въ квартирахъ каждый ученикъ долженъ былъ все время непремѣнно быть чѣмъ-нибудь занятъ. Послѣ приготовленія уроковъ и другихъ работъ, данныхъ учителями на домъ, ученики должны были заниматься своимъ домашнимъ хозяйствомъ: наблюдать за храненіемъ и выдачею съѣстныхъ припасовъ, непремѣнно чистить свое платье, обувь, стлать постель, содержать всѣ свои вещи и себя самихъ въ чистотѣ и опрятности, устраняя всякую роскошь въ одежѣ, равно какъ и скупость въ ней, ежедневно провѣтривать квартиру, сами должны (малые—съ директоромъ) ходить къ своимъ портнымъ, сапожникамъ и под., въ случаѣ необходимости заказать или починить платье, обувь и т. под., вообще должны были укрѣплять себя въ быту, свойственномъ мущинѣ, въ упражненіяхъ, закаливающихъ силу, и стыдиться въ себѣ „нѣжности и деликатности женской“ (niewieściej). По приведеніи въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ, ученики занимались играми по назначенію директора, или подъ предводительствомъ его отправлялись на базаръ, въ лавки, аптеки, мастерскія и

под., сообразно указаніямъ въ инструкціи для учителей экономіи, искусствъ и ремеслъ. Въ девять часовъ ложились спать.

Въ дни рекреаціонные, а такъ-же въ праздники, послѣ обѣда, всѣ ученики, во главѣ своихъ директоровъ, должны были отправляться на прогулку „безъ отговорки непогодой, развѣ префектъ отмѣнитъ". Прогулка происходила за-городомъ и состояла въ разнообразныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ префекта или учителя. „Эти упражненія, говоритъ уставъ (гл. 25, 2), должны служить для развитія крѣпости, гибкости, ловкости тѣла, мужества и отваги, и соотвѣтствовать цѣли. Таковы: игра въ мячъ, при которой нужно живо убѣгать и возвращаться; игра въ балонъ или большой мячъ, бросаніе камней въ воду, бѣгъ въ перегонку до назначеннаго мѣста, верховая ѣзда, измѣреніе огородовъ, полей, трудныхъ для приступа мѣстъ и т. п.". „Но наиболѣе предписываются *упражненія военныя,* которыя, развивая гибкость и ловкость тѣлесную, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваютъ силу и крѣпость духа, вдохновляютъ чувствомъ чести" (глава 21, 3). „Свойственными шляхетской молодежи должны считаться упражненія, состоящія въ солдатской выправкѣ, въ штурмѣ и оборонѣ какого-либо мѣста, вообще научающія *военному строю, порядку и военному закону.* Ничто болѣе не помогаетъ возбужденію мужества, силы духа, благороднаго великодушія и стародавняго рыцарскаго духа, какъ эти упражненія молодежи. Юноши, надлежаще руководимые, научатся различать благородную отвагу отъ истиннаго мужества и храбрости, заранѣе убѣдятся въ той истинѣ (и приготовятся къ исполненію ея), что каждый гражданинъ во всѣхъ странахъ, особенно въ республикѣ (rzeczy pospolitej) долженъ быть солдатомъ, т. е. охранителемъ своего отечества, не глядящимъ вспять, но руководимымъ справедливостью и честью. Начальствующіе и руководящіе воспитаніемъ должны самымъ тщательнымъ образомъ предохранять молодежь въ этихъ играхъ и развлеченіяхъ отъ всякаго коварства, вѣроломства, притѣсненія и обиды слабыхъ сильными, отъ пустаго удальства, и строго наказывать за подобные поступки. Съ другой стороны, много поможетъ дѣлу, когда отважныхъ, безстрашныхъ, храбрыхъ, побѣдителей на играхъ и упражненіяхъ они будутъ открыто хвалить, не унижая другихъ, награждать ихъ вѣтками или вѣнками, ставить ихъ на челѣ другихъ во

время подобныхъ упражненій; когда будутъ при этомъ заохочивать учениковъ воспѣвать своего товарища (побѣдителя) въ стихахъ. Такое нераздѣльное, физическое и нравственное воспитаніе способно будетъ дать обществу почтенныхъ людей, а отечеству добрыхъ гражданъ" (гл. 25, 2).

Приходится сказать при этомъ, въ заключеніе нашего обозрѣнія системы среднихъ школъ: „а ларчикъ просто открывался!" Всѣ эти разсужденія о значеніи военныхъ упражненій для шляхетской молодежи, для развитія великодушія и рыцарства, сами собою падаютъ, при сравненіи ихъ съ наставленіемъ учителю сельской школы, воспитывавшей не гражданъ, но безправныхъ лицъ, въ строго крѣпостномъ духѣ;—ему внушалось коротко, лаконически—въ играхъ сельскихъ дѣтей соблюдать всѣ установленія, какія предписаны для среднихъ школъ. Эти разсужденія очевидно нужны были только для отвода глазъ зоркихъ наблюдателей—посланниковъ сосѣднихъ державъ, которыя не могли бы ожидать равнодушно (какъ это потомъ и случилось), пока вся страна превратится въ одинъ сплошной военный лагерь и все молодое поколѣніе, безъ различія сословій, въ сплошную армію. Къ сожалѣнію, нужно признать, что это именно было завѣтною мыслію тогдашнихъ школьныхъ реформаторовъ, это было отдаленною и конечною цѣлію системы ихъ. Наставленія учителю исторіи, права и морали относительно политики завоеваній, эти пылкія и настойчивыя внушенія возбуждать учениковъ противъ того, „что было хитростью, подлостью, насиліемъ, грабежомъ, наѣздомъ, присвоеніемъ чужой собственности", все это, въ соединеніи съ порывистостью заботъ о военныхъ упражненіяхъ, отравляло новую школьную систему въ самомъ источникѣ ея [1]): образованіе стало неразлучно съ задорной

[1]) Любопытны мотивы, къ которымъ прибѣгали впослѣдствіи для защиты этой системы и основной ея задачи поборники ея во времена Варшавскаго Герцогства, когда на вѣнскомъ конгрессѣ рѣшенъ былъ вопросъ объ учрежденіи Царства Польскаго. Въ организаціонномъ комитетѣ, учрежденномъ по этому случаю, поднялись сильныя нареканія на систему образованія за ея враждебность истинной религіи, за матеріализмъ, за солдатчину. Одинъ изъ членовъ этой коммисіи и тогдашнихъ министровъ, другъ главнаго представителя этой системы Станислава Потоцкаго, извѣстный своимъ напыщеннымъ краснорѣчіемъ Матусевичъ, отвергая упреки въ анти-религіозности и матеріализмѣ, о военныхъ упражненіяхъ учениковъ такъ от-

политикой и съ мечтами о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ...

Первоначально военныя упражненія, какъ и прочія игры, производились дѣйствительно подъ руководствомъ префектовъ. Забавно было это молодое воинство подъ командою ксендза-префекта! Странны были эти почтенные монахи-піаристы, найболѣе ретиво упражнявшіе своихъ питомцевъ въ военныхъ „муштрахъ". Но скоро дѣло вышло на болѣе прямую дорогу: для военныхъ упражненій нанимаемы были отставные унтеръ-офицеры, появились деревянныя сабли, ружья, пушки, даже военная форма на ученикахъ, во время упражненій, устроялись примѣрныя сраженія, взятіе и оборона крѣпостей. Даже каневскіе базиліане, содержавшіе съ ничтожнымъ пособіемъ отъ коммиссіи просвѣщенія едва-ли не самую плохую въ цѣломъ краѣ школу, не нашли чѣмъ лучше встрѣтить прибывшаго въ 1787 году на свиданіе съ императрицею Екатериною II польскаго короля Станислава Понятовскаго, какъ выставкою своихъ учениковъ, сполна одѣтыхъ и вооруженныхъ по-солдатски. („Dziennik podróży króla Stanisława Augusta na Ukrainę" г. 1787.—*Дневникъ поѣздки короля Станислава Августа на Украйну 1787 г.*—

зывался: »польскій народный характеръ отличаютъ двѣ важныя черты: рыцарскій духъ и любовь къ отечеству. Онѣ не противны религіи и потому ихъ нужно укрѣплять. Раждаются для насъ новыя обязанности благодарности къ монарху, котораго справедливо можно назвать коронованнымъ ангеломъ. Чѣмъ-же мы отвѣтимъ ему на благодѣянія, если не *станемъ для него щитомъ, который могъ бы защищать его* (!). Нынѣшнее состояніе края таково, что неизбѣжно ведетъ его къ уменьшенію войска. Чтобы за этимъ не послѣдовалъ упадокъ военнаго духа, надлежитъ еще въ школахъ внушать его въ сердца молодежи и даже играмъ учениковъ давать рыцарскій характеръ, дабы всегда имѣть солдата, наименѣе обременительнаго для страны и найболѣе приготовленнаго на случай нужды (do potrzeby). Пускай будутъ на челѣ образованія обязанности добраго христіанина, но, вмѣстѣ съ правилами религіи, пускай оно проникается тѣмъ, что возбуждаетъ обязанности обывателя и солдата, словомъ—пускай девизомъ его будетъ: Богъ, отечество, слава«. (Изъ дѣлъ архива варшавскаго учебнаго округа 1815 г. Akta... ustaw organicznych № 1, vol. 1, lit. A). Предсѣдателемъ организаціонной коммисіи былъ Ланской, однимъ изъ членовъ Новосильцовъ.—Поборники школьной системы, завѣщанной временемъ реформы, успѣли отстоять ее для Царства Польскаго, но въ 1820 году она пала вмѣстѣ съ Станиславомъ Потоцкимъ, послѣ чего началось сильное броженіе въ краѣ.

Лукаш. 11, 327 и 328 въ примѣчаніи). Молодое войско, воспитанное въ новыхъ идеяхъ, гордое своимъ предназначеніемъ, рвалось сразиться съ врагами идеальнаго отечества. Такихъ враговъ въ то время Польша имѣла внутри себя гораздо больше, чѣмъ извнѣ. Молодое войско, особенно въ большихъ городахъ, такъ-же имѣло предъ собою живыхъ враговъ отечества. То была для нихъ главнымъ образомъ *Палестра*—пріютъ многочисленной, большею частію не окончившей курса шляхетской молодежи, практически обучавшейся канцелярской судебной казуистикѣ. Для школьниковъ палестранты были представителями дикой старины, противниками новаго духа, въ особенности послѣ того, какъ приготовленное, по порученію сейма 1776 г., однимъ изъ членовъ коммиссіи просвѣщенія, Андреемъ Замойскимъ, новое судебное уложеніе[1]) было отвергнуто послѣдующимъ сеймомъ, какъ неблаговременное. Вспомнимъ рѣзкій отзывъ Пирамовича объ этомъ старомъ польскомъ судопроизводствѣ (prawnictwo), какъ о мерзости, подъ которою скрыли истинное право „дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ“ (въ рѣчи 1783 г.). Визиты и школьные рапорты жалуются, что палестранты первые нападали; молодое войско принимало бой. Но вслѣдъ за тѣмъ на сторонѣ палестры появлялись толпы праздношатающихся молодыхъ шляхтичей—кунтушниковъ и городскихъ мѣщанъ, и бой принималъ такіе размѣры, что для прекращенія его часто требовалось содѣйствіе дѣйствительныхъ войскъ.

Новыя идеи сильно враждовали съ сословностью, съ привиллегіями высшихъ классовъ и проповѣдывали равенство всѣхъ, братство. Школьные польскіе реформаторы не могли помириться съ старшиною, сдѣлавшею образованіе исключительною принадлежностью шляхты. Они хорошо понимали эту застарѣлую болѣзнь Польши, исключавшую всю массу мѣщанъ и крестьянъ изъ числа гражданъ—защитниковъ отечества. Въ кружкѣ этихъ реформаторовъ давно уже бродили мысли о надѣленіи мѣщанъ правами гражданства и даже объ освобожденіи крестьянъ, какъ найлучшемъ способѣ усилить организмъ Польши. Но они понимали, что шляхта составитъ необоримую стѣну противъ этихъ попытокъ и скорѣе

[1]) *Zbiór praw sądowych. Warszawa, r. 1788.*

разрушитъ Польшу, чѣмъ откажется отъ своихъ правъ, потому что, по убѣжденію ея, Польша—это она. Потому-то только робко, стороною высказывались тогда эти мысли. Реформаторы школы нашли средство, не трогая правъ шляхты, приложить могущественную силу школы ко всѣмъ низшимъ, безправнымъ классамъ, чтобы обратить ихъ въ надежныхъ защитниковъ отечества. Нужна была ловкость Пирамовичей, чтобы не возбудить въ шляхтѣ подозрѣнія и не уничтожить этого дѣла въ самомъ началѣ. Вотъ какъ объясняетъ идею сельской школы Пирамовичъ въ рѣчи своей 7 марта 1786 г., по случаю выхода въ свѣтъ перваго полнаго учебника для этихъ школъ[1]). „Въ составѣ и въ цѣломъ содержаніи этого учебника издатели руководились тѣмъ правиломъ, чтобы все направлено было къ истинному (?) просвѣщенію, которое опредѣляется потребностями народа и его обязанностями въ отношеніи къ своимъ панамъ, сельскому быту и къ самимъ себѣ. Если посполитые люди пойдутъ по указанію наукъ, назначенныхъ для нихъ, то они не могутъ стать иными, какъ только вѣрными краю и своимъ панамъ, старательными въ исполненіи своихъ обязанностей, справедливыми, полными любви и милосердія къ ближнимъ, любящими правду, трезвость, добрый домашній порядокъ и трудъ. Нѣтъ ничего желательнѣе, чтобы образованіе равномѣрно распространялось по всему краю и изливало свои благодѣянія на всѣ сословія народа. Ревность побуждаетъ распространять свѣтъ просвѣщенія во всѣхъ слояхъ, на которые Провидѣніе подѣлило человѣческій родъ. Высшіе классы, призванные къ управленію страною, имѣютъ свои науки, которыя должны руководить ихъ въ законодательствѣ и судѣ, возвышать души ихъ къ благородству, свойственному имъ по самому рожденію, укрѣплять въ нихъ сознаніе того, что они—опекуны и охранители страны, совѣтники и стражи отечества. Тѣ-же, которымъ свыше предопредѣлено посвящать свой трудъ на продовольствіе правителей и охранителей своихъ и воздѣлывать плоды земные для общей пользы и выгоды, или заниматься приготовленіемъ ремесленныхъ издѣлій и предметовъ, необходимыхъ для владѣтелей, землевладѣльцевъ и для всѣхъ тѣхъ, кто нуждается въ нихъ, тѣ найдутъ въ назначенныхъ для дѣтей ихъ наукахъ нрав-

[1]) О немъ будетъ ниже

ственныя и физическія свѣдѣнія, соотвѣтственныя призванію ихъ. Осторожность всегда должна управлять рукою, которая берется раскрывать истину,—осторожность, основанная на ясномъ пониманіи обстоятельствъ и взглядовъ страны. Опасно было-бы вдругъ ниспровергать общее убѣжденіе. Истина должна приводить только къ добродѣтели и ни къ чему другому. Если-бы блескъ ея разомъ ударилъ на слабыя и неприготовленныя очи, то могъ-бы лишить ихъ и остатка свѣта, навсегда ослѣпить".

Приготовляя новую организацію для низшихъ школъ, коммисія просвѣщенія 1) тщательно развѣдывала, гдѣ имѣлись школьные фундуши и спѣшила взять ихъ въ свое вѣдѣніе; 2) при распредѣленіи по-іезуитскихъ костеловъ и зданій между епархіальными учрежденіями, она постановляла непремѣннымъ условіемъ содержаніе при нихъ первоначальныхъ школъ; 3) обращалась къ содѣйствію помѣщиковъ для учрежденія школъ въ имѣніяхъ ихъ; 4) открыла нѣсколько школъ на счетъ общихъ эдукаціонныхъ суммъ. По установленіи организаціи этихъ училищъ, названныхъ *парафіальными*, коммисія сдѣлала распоряженіе о воспрещеніи училищъ инаго типа и о немедленномъ закрытіи таковыхъ, если-бы онѣ гдѣ нибудь появились, о чемъ должны развѣдывать проректоры, ректоры и визитаторы школъ.

Уставъ постановилъ лишь самыя общія правила о *парафіальныхъ* школахъ (гл. 22). Въ развитіе этихъ правилъ издано было особое распоряженіе (Przepis) объ организаціи ихъ. Парафіальныя школы раздѣлялись на большія и меньшія (większe i mniejsze). Въ первыхъ положено было обучать: религіи, нравственности, чтенію и письму, счету, началамъ измѣренія, огородничеству, земледѣлію, сохраненію здоровья, леченію скота, сообщать свѣдѣнія о мѣстной торговлѣ, промыслахъ, ремеслахъ, хозяйственныхъ орудіяхъ, постройкахъ и т. п. „Въ меньшихъ школахъ, въ которыхъ обыкновенно учатся только сельскія дѣти, эти науки преподаются въ меньшемъ размѣрѣ, приспособительно къ мѣстнымъ потребностямъ" (глав. 22, 4). Для обученія этому курсу какъ въ большихъ, такъ и въ меньшихъ школахъ, положенія (Przepis) назначаютъ ни больше, ни меньше, какъ 12 лѣтъ! „А потому, говорятъ онѣ, дѣти должны начинать первое свое обученіе съ четырехъ и пяти лѣтъ, дабы въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ они уже могли быть

приготовленными на службу отечества."—Время ученія для деревенскихъ школъ назначается отъ св. Михаила до св. Войцѣха (29 сент. до 23 апр. по нов. ст.); въ городскихъ училищахъ тотъ-же срокъ, что и для „высшихъ школъ".—Коммисія выражала желаніе, чтобы такія школы устроены были въ каждомъ городѣ и въ каждомъ сельскомъ приходѣ.

Но если могло быть обойдено затрудненіе съ предубѣжденіемъ шляхты, то какъ обойти его съ учителями? Какимъ образомъ не только надѣлить каждый приходъ учителями новаго духа, но и преобразить хотя нѣсколькихъ наличныхъ учителей—органистовъ по идеямъ Руссо и Кондильяка? Хотя коммисія просвѣщенія постановила учредить учительскіе институты въ Ловичѣ и въ Кѣльцахъ, хотя въ 1787 году примасъ Польши Михаилъ Понятовскій приступалъ къ учрежденію этихъ институтовъ на свой счетъ, а Пирамовичъ тогда-же составилъ планъ организаціи ихъ, но добросовѣстный Лукашевичъ[1]) сознается, что онъ нигдѣ не нашелъ какихъ-либо документовъ, доказывающихъ дѣйствительное существованіе этихъ институтовъ, хотя ему доступны были всѣ бумаги тогдашней коммисіи просвѣщенія и документы всѣхъ школъ. Коммисія просвѣщенія, издавая *Положеніе* (Przepis) о парафіальныхъ школахъ, хотя и выразила свой идеальный взглядъ на начальнаго учителя, однако благоразумно покорилась необходимости. „Коммисія народнаго просвѣщенія, говорится въ самомъ началѣ этого *положенія*, желала-бы, чтобы каждый, посвятившій себя учительству, прежде всего поступалъ на должность учителя парафіальной школы и, начиная съ этого перваго ступеня, постепенно восходилъ по лѣстницѣ учительской до самыхъ высшихъ степеней въ академіяхъ. Но, пока это осуществится, пока не устранено будетъ ложъ-

[1]) *Historya szkół* т. II, стр. 417 и 418. Не смотря на ясное указаніе Лукашевича, не смотря на то, что доселѣ не имѣется какихъ либо документовъ дѣйствительнаго существованія этихъ институтовъ, послѣдующіе польскіе историки и обозрѣватели этого періода доселѣ продолжаютъ утверждать, что институты не только существовали, но приносили краю ожидаемые отъ нихъ плоды, а г. *Зарускій* (Dawne wychowanie w Polsce. 1878 г.) насчитываетъ десятокъ тысячъ школъ, появившихся будто-бы въ Польшѣ спустя всего пять лѣтъ послѣ открытія институтовъ!..

ное мнѣніе о низкомъ уровнѣ поста парафіальнаго учителя, пока не будутъ приготовлены для этихъ мѣстъ способные кандидаты, тѣмъ временемъ приходскіе священники поставятъ на эти мѣста такихъ лицъ, какихъ найдутъ способными" (§ 1 и 2). Первыя парафіальныя школы съ новымъ курсомъ могли появиться только въ 1786 году, такъ какъ въ 1785 году коммисія просвѣщенія издала первый учебникъ основнаго курса ихъ. Это былъ: Elementarz dla szkół parafialnych narodowych" (*Букварь для приходскихъ народныхъ школъ*), напеч. въ Краковѣ и заключающій въ себѣ: 1) *Обученіе чтенію и письму*, съ статьями для чтенія и наставленіями для учителя, состав. піаристомъ Копчинскимъ, 2) *Краткій катехизисъ*, 3) *Нравственныя наставленія* (nauka obyczajów), состоящія въ изложеніи общихъ обязанностей ученика и человѣка низшаго класса, составл. самимъ Пирамовичемъ, 4) *Счисленіе* (nauka rachunków), составл. піаристомъ Гавронскимъ и заключающее въ себѣ первыя четыре дѣйствія ариѳметики съ понятіями о мѣрѣ, вѣсѣ и т. п.[1]). По основному своему духу, по пріемамъ обученія, какъ и по составу своему, этотъ учебникъ такъ-же далеко отстоялъ отъ тогдашнихъ букварей, съ неизбѣжными въ нихъ нѣжными похвалами розгѣ, какъ желанные коммисіей просвѣщенія учители—отъ наличныхъ тогда сельскихъ органистовъ. Кромѣ того, этотъ учебникъ далеко не обнималъ собою всѣхъ предметовъ, положенныхъ въ курсѣ начальныхъ школъ и требовавшихъ для прохожденія его двѣнадцать лѣтъ. Пылкій Пирамовичъ, глубоко вѣрившій въ силу наставленій, рѣшился съ одной стороны восполнить учебникъ, съ другой стороны приготовить наличныхъ учителей къ исполненію мыслей коммисіи въ возможной полнотѣ ихъ. Съ этою цѣлію онъ составилъ: „Powinności nauczyciela, mianowicie zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia", (Обязанности учителя, главнымъ образомъ въ приходскихъ школахъ и способы выполненія ихъ), сочиненіе напечатанное въ 1787 г. и предписанное коммисіей въ руководство для всѣхъ парафіальныхъ учителей.

Едва-ли какая либо педагогическая литература представитъ другое, такое же полное и всестороннее наставленіе начальному

[1]) О лицахъ, участвовавшихъ въ составленіи Букваря, упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1786 года.—*Nauka obyczajów*—Пирамовича издана была особо въ 1862 году редакціей варшавской *Gazety rolniczej*, служившей органомъ извѣстнаго тогда земледѣльческаго общества.

учителю, какое дастъ эта книга Пирамовича (13+211 стр. in 8). Это писалъ не только человѣкъ просвѣщенный, хорошо соображавшій всѣ, даже самыя мелкія подробности своей задачи и имѣвшій обширныя свѣдѣнія о предметѣ, но энтузіастъ, фанатикъ идеи, безпредѣльно преданный ей и безусловно вѣрившій въ силу ея, въ возможность для тогдашняго сельскаго учительскаго типа проникнуться духомъ ея и осуществить ее на крестьянскихъ дѣтяхъ, съ помощію только напряженія воли. Это не простое изложеніе наставленій, не рядъ спокойныхъ объясненій и указаній, но одна непрерывная педагогическая проповѣдь, горячая, идущая отъ сердца; авторъ направилъ все свое вниманіе на чувство и воображеніе учителя, онъ старается увлечь его, покорить, проникнуть духомъ своей идеи. Польская деревня представляется ему крѣпостническимъ раемъ, въ которомъ благодѣтельные паны сходятся въ благородномъ и самоотверженномъ служеніи счастью крестьянина и высоко ставятъ постъ сельскаго учителя,—учитель, просвѣщенный образецъ всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, возлагаетъ на олтарь отечества всѣ свои силы,—крѣпостной человѣкъ, надѣленный всѣми добродѣтелями своего званія, охотно несетъ ихъ на службу своимъ панамъ и отечеству! Каждое положеніе и наставленіе въ отдѣльности проникнуто гуманностью, многія изъ нихъ глубоко педагогичны и приложимы къ сельской школѣ во всякое время и въ каждомъ мѣстѣ, не мало такихъ наставленій и правилъ, которыя слѣдовало бы зарубить каждому современному учителю начальной, особенно сельской школы; но всѣ онѣ вмѣстѣ, въ своемъ духѣ и направленіи, производятъ тяжелое впечатлѣніе напряженныхъ усилій позолотить польское крѣпостное ярмо, сдѣлать тѣло и душу крестьянина возможно лучшею машиною панскихъ выгодъ и политическихъ видовъ Польши. И здѣсь Пирамовичъ строитъ все свое педагогическое зданіе на *правѣ натуры*, въ которой сокрыта, по тогдашнему міровоззрѣнію, воля Божія, а натура крестьянъ—крѣпостное состояніе! „Божія воля, говоритъ онъ, предопредѣлила имъ такое состояніе“... Если бы авторомъ руководила дѣйствительно христіанская мысль, состраданіе къ угнетенному и приниженному классу, забота о воспитаніи человѣка—христіанина, который и въ неволѣ сознаетъ себя свободнымъ, сыномъ Божіимъ, тогда вся филиппика Пирамовича получила бы иное направленіе и иное освѣщеніе. Но это холодное

предопредѣленіе, эта воля натуры, дающая только обязанности и никакихъ *правъ*, освящающая рабство, это есть нѣчто единственное въ христіанскомъ педагогическомъ мірѣ, обнаруживающее всю страстность посторонняхъ, политическихъ видовъ, орудіемъ которыхъ сдѣлана школа.

Безъ сомнѣнія, потребуется большое усиліе, чтобы воспитать учителя, способнаго исполнить эту задачу. Пирамовичъ хорошо зналъ человѣка и способы возбужденія его. Онъ сразу поднимаетъ учителя на такую высоту, на которой и у современнаго учителя закружилась бы голова. „Человѣкъ, призванный къ завѣдыванію парафіальною школою и къ обученію дѣтей въ деревняхъ и мѣстечкахъ, долженъ смотрѣть на свою службу, какъ на дѣло величайшей важности во всѣхъ отношеніяхъ. Задача призванія его состоитъ въ томъ, чтобы въ своемъ обученіи онъ обнялъ все, что составляетъ благо ввѣренныхъ ему учениковъ, какъ въ дѣтствѣ ихъ, такъ и въ дальнѣйшей жизни". Для лучшаго уразумѣнія своихъ обязанностей, Пирамовичъ требуетъ отъ учителя: 1) „прежде всего обращайся съ молитвою къ отцу свѣта Богу, чтобы Онъ подкрѣплялъ тебя въ твоихъ трудахъ и занятіяхъ, поддерживалъ твое усердіе и услаждалъ горечь"; 2) „употреби все усиліе, чтобы въ разговорахъ съ умными и опытными людьми почерпать для себя необходимыя для тебя свѣдѣнія, получать рѣшеніе твоихъ недоумѣній, какъ лучше поступать съ учениками во всѣхъ отношеніяхъ; 3) совѣтуетъ читать педагогическія книги, изъ которыхъ однако не указываетъ ни одной [1]), „а пока добудешь другія книги, читай эту,

---

[1]) На польскомъ (и на латинскомъ) языкѣ печатались въ то время преимущественно рѣчи при открытіи ученія въ высшихъ школахъ, на публичныхъ экзаменахъ, рѣчи профессоровъ при вступленіи въ должность и под., проэкты и уставы школьной организаціи и т. п. Общій педагогическій интересъ, но слишкомъ отдаленный для сельскаго учителя, имѣли слѣдующія книги: *Rozmowa filozofa z politykiem o trojakiem w Polsce młodzi wychowaniu*, 1756, графа Тарновскаго; *Rozmowa o celu i najpierwszym edukacyi końcu*, 1757,—произведеніе учениковъ піарскихъ школъ (конечно выправленное); *Przyaciel młodych*, 1781 г., перев. съ французскаго: *O edukacyi dzieci*, 1781, Локка, переводъ съ франц. изданія; *Adela i Theodor*, 1787,—письма о воспитаніи M-me de Gentis; *O publicznej edukacyi porównanej z prywatną*, 1789, *O domowym ćwiczeniu dzieci w naukach*, 1784, Ролленя, переводъ Толочки; *Spo-*

она достаточно поможетъ тебѣ въ твоей задачѣ, если ты будешь часто, внимательно совѣтоваться съ нею и повѣрять ею все твое поведеніе". Четвертое и пятое правило внушаетъ предварительно обдумывать каждый свой урокъ, всякое слово, поступокъ, движеніе и т. п. на урокахъ. Какъ учителямъ высшихъ школъ, такъ и начальному учителю въ особенности онъ внушаетъ болѣе всего размышленіе съ самимъ собою. Онъ даетъ ему даже формулу ежедневныхъ размышленій съ самимъ собою: „размышляй самъ съ собою ежедневно: волею Бога, любвеобильнаго Отца всѣхъ людей, я призванъ посвятить всѣ свои силы обученію дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ людьми набожными, добродѣтельными, знающими въ своемъ хозяйствѣ, здоровыми и крѣпкими, вообще счастливыми. О, Боже, какъ велика, какъ похвальна задача моего служенія! Вижу, каковъ мой долгъ и мои обязанности".

Эти обязанности весьма сложны. Учитель долженъ хорошо знать тѣ предметы, которымъ будетъ обучать дѣтей; онъ долженъ имѣть ясное и полное пониманіе всѣхъ нуждъ селянина, или горожанина, каждой работы, каждаго ремесла и орудія, всякаго сельскаго производства, торговли, садоводства, земледѣлія, всѣхъ домашнихъ принадлежностей и т. п., и всему научить ученика, что нужно для его личнаго счастія и счастія отечества, отнюдь не выводя его за черту крѣпостнаго быта, дабы не возбудить противныхъ обязанностямъ его стремленій. Учитель—„все" для ученика. „Провидѣніе поставило его отцомъ и опекуномъ для дѣтей". Онъ долженъ имѣть къ ученикамъ: „любовь, отеческое сердце, заботливость, стараніе о благѣ ихъ". Онъ главный распорядитель ихъ не только въ школѣ, но и дома; онъ долженъ часто посѣщать ихъ дома и наблюдать, все-ли исполняютъ они по указаніямъ его, имѣютъ-ли необходимое платье, постель, здоровую пищу, провѣтривается-ли ежедневно изба, достаточно-ли родители даютъ имъ времени для прогулокъ и т. п., и, если-бы замѣтилъ неисправность за

---

sób zaszczepienia w dzieciach obyczajów i nauk, podany rodzicom i tym, którzy się zatrudniają perwiastkowym ich przysposobieniem do tych dwoch zamiarów, 1787. Послѣднія два сочиненія ближе всѣхъ касаются интересовъ начальнаго учителя, но только образованнаго. Не упоминаемъ здѣсь о французскихъ перепечаткахъ того времени.

самими родителями, долженъ имъ замѣтить о томъ „наединѣ“ и т. п. „Но недостаточно умѣть исполнять обязанности учителя, нужно еще имѣть свойства и надлежащія качества сердца, воли и быта“. „Цѣлою своею жизнію и цѣлымъ своимъ бытомъ онъ долженъ давать дѣтямъ примѣръ набожности, почтенія, трезвости и чистоты“ и т. д., „въ словахъ, движеніяхъ, во всемъ поведеніи своемъ сохранять приличіе и достоинство, не придавая себѣ смѣшной манеры въ походкѣ, говорѣ“ и т. д. Если-бы учитель нашелъ необходимымъ наказать кого-либо изъ учениковъ, въ особенности обратиться къ тѣлесному наказанію (do chlosty i plag), онъ „долженъ предварительно дать понять провинившемуся и другимъ ученикамъ, что онъ вынужденъ взяться за розгу, заклинать ихъ и просить, чтобы не давали ему поводовъ къ тому“, долженъ наказывать „съ тяжелою скорбію“ (z umartwieniem), „пускай болѣетъ сердцемъ (ubolewa) надъ виновнымъ и ожидающимъ наказанія“. Подобные пріемы доброты учителю диктуются во всѣхъ другихъ положеніяхъ. Облегчая такимъ образомъ учителю исполненіе его задачи, Пирамовичъ не забываетъ главнаго рычага естественной нравственности, самолюбія и всюду обращается къ нему, какъ лучшему средству возбудить и укрѣпить энергію его. Всего болѣе онъ старается проникнуть его чувствомъ собственнаго достоинства, мыслію о высокой важности его призванія, о чемъ внушаетъ ему ежедневно размышлять и съ самимъ собою, черпая въ собственномъ чувствѣ и совѣсти главное утѣшеніе для себя. „Что за радость, что за утѣшеніе для того человѣка, которому собственная совѣсть даетъ доказательства того, что онъ своимъ стараніемъ и трудомъ содѣйствовалъ благу людей“! Онъ увѣряетъ также учителя—этого прежняго слугу приходскаго ксендза, униженно выпрашивавшаго на панскомъ дворѣ то кусокъ поля, то мѣрку *збожа,* подобострастно ловившаго улыбку панскаго *экономa,*—что „всѣ разумные и почтенные граждане, родители дѣтей, даже пастыри духовные, равно служащіе при панскомъ дворѣ, помѣщики и всѣ паны, зная, какою великою заботою о людскомъ благѣ занятъ учитель, будутъ имѣть службу и личность его въ почтеніи и уваженіи“.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ самой программы обученія по руководству Пирамовича, отмѣтимъ только болѣе характеристическія черты его.

Общею чертою наставленій по каждому предмету служитъ непремѣнное указаніе выгодъ этого предмета и занятій имъ для дѣтей и для родителей ихъ. Вмѣстѣ съ указаніемъ такихъ сторонъ, которыя мѣтко совпадаютъ съ нуждами сельскаго быта, Пирамовичъ въ каждомъ случаѣ выражаетъ и заботу о томъ, чтобы учитель не выступилъ за черту крѣпостнаго сословія и не возбудилъ въ дѣтяхъ стремленій къ тѣмъ понятіямъ и ощущеніямъ, которыя не свойственны ихъ „званію“.

Обученіе чтенію и письму рекомендуется совмѣстное, что было цѣлымъ переворотомъ сравнительно съ прежнимъ *силлябизованіемъ*. Для чтенія требуется дѣлать строгій выборъ книгъ и статей, сообразно „званію“ дѣтей и ихъ родителей. Всего лучше читать: „наставленія объ обязанностяхъ“, изложенныя въ Букварѣ 1785 г., статьи религіозныя, а также „отрывки изъ священной исторіи, о хозяйствѣ, огородничествѣ, о нѣкоторыхъ болѣзняхъ людей и скота, о леченіи ихъ и т. п., ничего не сообщая при этомъ, что выше ихъ пониманія и состоянія“. Для упражненій въ письмѣ полагается составленіе „просьбъ, документовъ и разсказовъ, краткихъ и ясныхъ, притомъ о такихъ дѣлахъ, которыя случаются или могутъ случиться въ деревняхъ и мѣстечкахъ, какъ напримѣръ нужда пойти съ просьбою во дворъ (къ помѣщику) или къ другимъ властямъ (сельскимъ). Толковый учитель долженъ дать имъ образцы на эти случаи. Смотря по времени и обстоятельствамъ хозяйственнымъ, пускай записываютъ, сколько на которомъ полѣ посѣяно, сколько и какого зерна собрано, умолочено, продано и под. Иногда прикажетъ имъ написать свойственныя ихъ возрасту и сословію письма, содержаніемъ которыхъ долженъ быть или спросъ о чемъ-нибудь, или донесеніе, или совѣтъ. Такимъ способомъ учитель сдѣлаетъ эту науку и полезною, и безупречною“. „Грамотность, наставляетъ Пирамовичъ, тогда только была-бы вредною, когда крестьянинъ, считая себя грамотнымъ, пренебрегалъ-бы своими обязанностями, опускалъ-бы хозяйство, оставлялъ отцовское жилище, бросалъ-бы земледѣльческое, ремесленное или торговое сословіе и уносился-бы напраснымъ любопытствомъ въ чтеніе книжекъ, безполезныхъ для него“. „Красивое письмо, заключаетъ онъ наставленіе, для этихъ людей не нужно, напрасно ушло-бы на это много времени и принужденія... Прикажетъ имъ только писать чисто, не пачкать бумагу“.

При обученіи *счисленію*, требуется брать примѣры исключительно изъ крестьянскаго быта и особенно упражнять учениковъ въ составленіи реестровъ хозяйственныхъ предметовъ, для чего „брать у хорошихъ дворскихъ счетчиковъ образцы счетовъ зернового хлѣба и денегъ, по которымъ ученики должны составлять свои реестры".

Выгоды обученія *измѣренію* Пирамовичъ указываетъ въ томъ, что при немъ удобнѣе соразмѣрить количество посѣва и сбора и что знатока этого дѣла могутъ „взять во дворъ", такъ какъ помѣщики въ то время всюду приступали къ измѣренію своихъ полей. Обученіе должно было идти исключительно практическимъ способомъ. „Показавши ученикамъ инструменты и давши понятіе о каждомъ изъ нихъ, учитель выходитъ съ ними въ поля, огороды, на площади и на дѣлѣ показываетъ употребленіе ихъ и способы измѣренія". Въ школѣ ученики будутъ чертить эти инструменты, причемъ не должно заботиться о красотѣ рисунка: „черченіе хотя и неловкое будетъ для нихъ упражненіемъ (zabawa), для красивыхъ чертежей есть школы" (высшія). При измѣреніи требуется обучать мѣрамъ и вѣсамъ—краевымъ и пограничнымъ.

Наука о *постройкахъ* также производилась практическимъ или наглядным способомъ. Учитель, объяснивъ ученикамъ, каковъ долженъ быть матеріалъ для построекъ, какъ его обработываютъ, складываютъ, заставляетъ дѣтей чертить сельскія строенія, также не заботясь „о красотѣ чертежа"; потомъ обходитъ съ дѣтьми деревню, указывая удобства или неудобства постройки того или другаго предмета, какъ-то: домовъ, сараевъ, крышъ, стѣнъ, оконъ, дверей и т. п., входитъ съ ними въ мельницы и т. д. „Но найболѣе принесетъ пользы, говоритъ Пирамовичъ, если ученики, во время работъ при костелѣ или на панскомъ дворѣ, будутъ присматриваться, какъ складно строятъ деревянныя зданія филипоны (русскіе раскольники) и горали" (жители карпатскихъ горъ). Пирамовичъ надѣется, что этимъ способомъ обученія школы будутъ доставлять деревнѣ и цѣлому краю „мельниковъ, пильщиковъ, бочарей, плотниковъ" и т. п.

Совершенно въ томъ-же духѣ и тѣмъ-же способомъ должно производиться обученіе: торговлѣ, промысламъ, земледѣлію и огородничеству, причемъ то-же внушается учителю „не говорить съ

учениками о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ отношенія къ ихъ званію и средѣ.

Что касается *физическаго воспитанія*, то для него предписываются тѣ-же пріемы и способы, какіе положены для „высшихъ школъ“, тѣ-же прогулки, игры, тотъ-же „военный муштръ“. Различіе только въ томъ, что при военныхъ упражненіяхъ не упоминается о возбужденіи чувства чести, рыцарскихъ доблестей и т. п., а требуется исключительно закаливать (hartować) силы учениковъ, съ употребленіемъ и нѣкоторыхъ особенныхъ пріемовъ, „свойственныхъ ихъ званію“, напр. „пріучать ходить босыми, безъ обуви, развѣ ужъ слишкомъ холодно, или болѣзнь случится, или приключится что-либо другое, требующее обуви“.

Нравственное воспитаніе, выходя изъ признанія крѣпостнаго состоянія Божіимъ предопредѣленіемъ, имѣло задачею всѣ добродѣтели, свойственныя этому званію, именно: „справедливость, любовь къ ближнему, милосердіе, терпѣніе, стыдливость, трезвость, повиновеніе закону, панамъ своимъ и всему высшему начальству“. Безъ сомнѣнія, при этомъ не упоминается ни о какомъ правѣ натуры крѣпостнаго человѣка. Если Пирамовичъ говоритъ иногда объ уваженіи къ самолюбію крестьянскихъ учениковъ, то, не имѣя для него опоры въ натурѣ крѣпостнаго человѣка, онъ часто самъ себѣ противурѣчитъ, напр. когда совѣтуетъ учителю „наиболѣе употреблять тѣ наказанія, которыя пристыжаютъ виновнаго“. Нравственное воспитаніе ставилось выше всего и безусловно подчиняло себѣ всѣ прочія задачи школы. „Если-бы учитель, говоритъ Пирамовичъ, напрягалъ всѣ свои усилія къ достиженію этой цѣли (т. е. воспитанію учениковъ въ указанныхъ добродѣтеляхъ) и успѣвалъ въ ней, то, хотя бы ему не удалось научить дѣтей чему-либо другому, онъ не имѣлъ-бы въ чемъ винить себя предъ Богомъ и людьми и былъ-бы достоинъ похвалы и награды“. Крестьянскія дѣти воспитываются въ добродѣтеляхъ иначе, чѣмъ шляхетскія. „Вся наука, говоритъ Пирамовичъ, должна состоять, выражусь такъ, въ заправѣ ихъ къ добру посредствомъ навыка“. Предлагаются разные способы этой заправы, состоящіе въ пользованіи разными случаями, чтобы дѣтей натолкнуть на доброе дѣло и отвлечь отъ порока. Большою новостью въ начальной школѣ являлось пѣніе свѣтскихъ пѣсень, замѣнявшихъ собою прежнее совершенствованіе въ пѣніи латинскихъ

стиховъ, литаній и т. п. Пирамовичъ находитъ, что пристойныя и веселыя пѣсни много помогаютъ воспитанію. Пѣсня развеселитъ, оживитъ, дастъ пріятное развлеченіе; „посредствомъ пѣсни можно даже влагать въ душу дѣтей набожность, любовь къ ближнему, охоту къ труду, разныя добродѣтели, отвращать отъ проступковъ, праздности и т. п.“

Проектъ парафіальной школы остался неисполненнымъ, — не потому, какъ думаютъ польскіе историки, что раздѣлъ Польши помѣшалъ исполненію его, но по неприложимости его на дѣлѣ. Кромѣ внутренняго противурѣчія, какое представляетъ система воспитанія идеальнаго крѣпостнаго человѣка, важнымъ препятствіемъ къ учрежденію школъ служило отсутствіе опредѣленныхъ средствъ къ существованію школы и учителя, разсчетъ исключительно на великодушіе и милость пановъ и ксендзовъ. Только по границамъ Пруссіи, успѣвшей въ это время, при помощи простаго практическаго способа (школьные эффораты и обязательность школьныхъ складокъ), быстро распространить школы по деревнямъ, стали появляться *парафіальныя* школы, содержимыя при костелахъ по старому типу. Достаточно заглянуть въ тогдашнія «wizyty», чтобы убѣдиться въ крайней фантастичности школьной статистики г. Заруцкаго (Dawne wychowanie szkolne w Polsce), насчитывающаго въ Польшѣ въ 1790 году 9,316 парафіал. школъ и 296,400 учащихся въ нихъ.

Намъ остается сказать о женскомъ образованіи. Но о немъ мы можемъ сказать не многое. Коммисія просвѣщенія оказалась совершенно безсильною въ преобразованіи воспитанія славившейся тогда въ цѣлой Европѣ польки. Тутъ всѣ старанія коммисіи разбивались о примѣры въ семействахъ даже самихъ членовъ ея, какъ напр. одного изъ наиболѣе видныхъ Адама Чарторыжскаго, жена котораго была извѣстною въ Европѣ красавицей и куртизанкой, или—въ домѣ предсѣдателя ея, епископа Массальскаго, племянница котораго, герцогиня де-Линь, обратила епископскій домъ въ пріютъ едва-ли не самой веселой жизни на Литвѣ и найболѣе содѣйствовала растратѣ дядей ея огромныхъ суммъ изъ по-іезуитскихъ капиталовъ,—или жена даже самаго преданнаго учебной реформѣ Игнатія Потоцкаго, его брата Станислава Потоцкаго, бу-

дущаго продолжателя плановъ коммисіи... Широкимъ потокомъ разливалось въ высшихъ кругахъ тогдашней Польши модное воспитаніе, такъ тѣсно совпадавшее съ слабыми сторонами польской женщины, любившей веселиться и нравиться. Французскіе пансіоны, французскія гувернантки низвели все воспитаніе до умѣнья читать, писать, говорить по-французски, играть на клавикордахъ и гитарѣ, прелестно танцовать, всего-же болѣе—нравиться [1]). „Что сказать о женскомъ воспитаніи?—пишетъ Колонтай къ Малаховскому. Жалкое подражаніе намножило въ столицѣ пансіоновъ. Модѣ принесены въ жертву добрые обычаи; хорошій тонъ превратилъ благородныхъ панепокъ въ комедіантокъ, въ искусныхъ танцовщицъ... Мы трудимся надъ воспитаніемъ женщины только для того, чтобы она развлекала насъ и кружила намъ головы, нисколько не думая о томъ, чтобы она заботилась о нашемъ характерѣ и нашихъ обычаяхъ, чтобы она укрѣпляла въ насъ мужество и содѣйствовала доброму управленію..." Большинство шляхты продолжало держаться противоположной крайности, лишавшей женщину всякаго знакомства со свѣтомъ и дѣлавшей ее крайне не опытною и не твердою въ отношеніи къ соблазнамъ свѣта, именно—монастырскаго воспитанія. Главными воспитательными пріютами служили для этой части шляхты [2]) монастыри *визитокъ* и *сакраментокъ*. Въ 18 вѣкѣ является стремленіе къ воспитанію женщины низшихъ классовъ, чѣмъ занялись спеціально *шаритки* (сестры милосердія) и *фелиціанки*. Эта заботливость о бѣдныхъ классахъ сосредоточилась преимущественно на русскихъ областяхъ, на русской простой женщинѣ, начиная отъ границъ сплошнаго польскаго населенія, по которымъ расположены были школы шаритокъ (Холмъ, Бѣла, Бѣлостокъ). Въ половинѣ 18 вѣка появились *маріавитки*, съ спеціальною задачею обращенія евреекъ въ христіанскую вѣру; но онѣ поселились и развили свою дѣятельность исключительно въ Бѣлоруссіи, подъ руководствомъ ксендза Іосифа Турчиновича. Онѣ имѣли свои монастыри и школы: въ Минскѣ, Мстиславлѣ, Слонимѣ, Полоцкѣ, Оршѣ, Головчинѣ, Витебскѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Мозыри, Пинскѣ, Бобруйскѣ и др. На Волыни и Украйнѣ напротивъ не видимъ ни одного

[1]) Лукашевичъ, т. II, стр. 439.
[2]) Лукашевичъ, т. II, стр. 435, 436.

изъ этихъ пріютовъ.—монахини пугались казацкихъ бунтовъ и народнаго настроенія.

Коммисія просвѣщенія, не имѣя никакихъ средствъ къ учрежденію общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, ограничивалась заохочиваніемъ монахинь къ развитію учебной дѣятельности и подчиненіемъ всѣхъ частныхъ пансіоновъ вѣдѣнію ректоровъ окружныхъ школъ и визитаторовъ, постановивъ при этомъ, чтобы 1) содержаніе пансіоновъ разрѣшаемо было только способнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнымъ дамамъ, 2) курсъ обученія составляли: чтеніе и письмо по-польски, счисленіе, ручныя работы, исторія, особенно отечественная, географія, религія и нравственность. Но визитаторы доносили, что нѣтъ возможности заставить содержательницъ подчиниться требованію коммисіи. Послѣдняя рѣшилась испробовать для успѣха женскаго образованія средство, съ помощію котораго Пруссія въ концѣ этого столѣтія успѣла сильно распространить первоначальныя школы, именно—*эффораты*, т. е. мѣстныя общества для содѣйствія успѣхамъ школъ, для ближайшаго надзора за ними и т. п. Дамскіе Эффораты—надѣялась коммисія—привлекутъ дамъ высшаго круга, измѣнятъ взгляды высшаго общества на воспитаніе женщины. Но эта рѣшимость пришла уже тогда, когда три державы направляли свои арміи для прекращенія въ Польшѣ всякихъ проектовъ и самаго бытія ея.

Надежды польскихъ реформаторовъ не исполнились: школа не спасла Рѣчь Посполитую отъ полнаго разрушенія. Поляки жалуются, что имъ не дали достроить начатое зданіе по уставамъ 1783 года и по конституціи 3-го мая; они выражаютъ полную увѣренность, что завершеніе этого зданія поставило-бы Польшу въ ряду самыхъ цвѣтущихъ государствъ Европы. Но учебные уставы, планы, наставленія, способы ихъ исполненія, цѣли и задачи воспитанія, ходъ и успѣхи его, словомъ, найболѣе жизненный нервъ предположеннаго польскаго государства, полный и ясный обликъ идеальнаго зданія—на лицо: система, полная внутреннихъ противурѣчій, не могла внести единства въ разрозненныя и враждующія общественныя силы, напротивъ только увеличивала антагонизмъ ихъ; естественная, эгоистическая нравственность не могла примирить

двѣ враждующія народности, обуздать произволъ шляхты, поднять низшіе классы на степень живыхъ органовъ общества и государства; безсвязное нагроможденіе наукъ, съ ослабленіемъ образовательнаго элемента въ пользу узкаго, поверхностнаго практицизма, дрессировка воли подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства и воображенія приводили не къ сознанію дѣйствительныхъ болѣзней и нуждъ общества и государства, но къ постройкѣ воздушныхъ замковъ, отвлеченнаго, призрачнаго отечества,—не къ дѣйствительному, спокойному и упорному труду надъ обновленіемъ народныхъ силъ, но къ мечтаніямъ о легкой возможности осуществить идеалъ сильнаго польскаго государства и къ постояннымъ нареканіямъ на препятствія извнѣ. Европа охотно уступитъ Польшѣ честь „перваго примѣра устройства отдѣльной государственной магистратуры надъ общественнымъ образованіемъ“ (министерства народнаго просвѣщенія)[1]) и перваго объединенія системы образованія въ государствѣ. Въ замѣнъ того Европа получаетъ отъ Польши первое доказательство того, какъ опасно обращать школу въ орудіе политическихъ видовъ.. Отдаемъ полную честь попыткамъ Польши приложить къ школѣ то, что было лучшаго въ воспитательныхъ идеяхъ XVIII вѣка, и распространить благо просвѣщенія на все свое населеніе. Понимаемъ всѣ трудности первой пробы этого важнаго дѣла и неизбѣжность увлеченій и ошибокъ, цѣнимъ усилія дѣятелей реформы. Польшѣ выпала трудная доля созидать эту реформу среди взволнованныхъ страстей цѣлаго края, среди грома пушекъ, глядя въ раскрытую предъ нею бездну... Тѣмъ глубже и ошибки! Тѣмъ непростительнѣе было-бы повторять эти ошибки, воздвигать на нихъ алтарь національнаго образованія, какъ это сдѣлано во времена Варшавскаго Герцогства и въ первые годы Царства Польскаго, указывать на эту реформу, какъ на извѣстный памятникъ національной дѣятельности, какъ это доселѣ видимъ въ польской литературѣ (и въ исторіи школъ—Лукашевича).

Въ частности, что обѣщала эта реформа въ виду долгой и упорной борьбы между двумя основными народностями бывшей Польши? То, что такъ рельефно представлено было извѣстнымъ

[1]) Это выраженіе взято нами изъ докладовъ Станислава Потоцкаго саксонскому королю—варшавскому герцогу и императору Александру I въ 1814 году. Эти доклады имѣются въ дѣлахъ архива варшавскаго учебнаго округа.

организаторомъ новой общественности въ Галиціи, гр. Голуховскимъ въ знаменитомъ его изреченіи: „мазуръ+русинъ=полякъ". Вы этомъ отношеніи польская, дореформенная старина была снисходительнѣе и благоразумнѣе просвѣтительной новизны. Реформа, безусловно исключающая всѣ другіе типы школы на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой, не сдѣлала ни единой уступки въ пользу русской народности; народность, составлявшая половину государства, такъ ярко доказавшая преданность своимъ началамъ продолжительною и упорною борьбою съ нимъ, почеркомъ реформаторскаго пера уничтожена; реформа видитъ на ея мѣстѣ только поляка, громящаго политику русскаго царства въ отношеніи исконныхъ, родныхъ областей ея именемъ „хитрости, наѣзда, насилія, грабежа, присвоенія чужой собственности". Даже базиліане, наиболѣе соотвѣтственные слуги Рѣчи Посполитой, нашлись вынужденными вступить въ борьбу со школьною реформою. Если первоначальное невниманіе къ ней со стороны какихъ-нибудь уманскихъ, или каневскихъ базиліанскихъ монаховъ могло быть только послѣдствіемъ невѣжества, то дальнѣйшая оппозиція и распространеніе ея во всѣхъ базиліанскихъ школахъ должны были имѣть иной смыслъ. Оппозиція усилилась до того, что коммисія просвѣщенія угрожала закрыть всѣ базиліанскія школы, если они не будутъ исполнять уставы ея въ точности. Угроза подѣйствовала и въ 1785 году. Провинціалъ базиліанскій увѣдомилъ коммисію, что отселѣ базиліане будутъ исполнять эти уставы во всѣхъ отношеніяхъ [1]). Но и послѣ этого базиліане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжали упорствовать. Не можетъ быть, чтобы эта оппозиція имѣла основаніемъ, какъ думаетъ Лукашевичъ, слѣпое пристрастіе къ Альвару и старой риторикѣ. Въ визитаторскихъ рапортахъ часто попадаются нареканія, что базиліане не хотятъ праздновать въ своихъ школахъ римско-католическихъ праздниковъ. Одинъ изъ числа первыхъ четырехъ визитаторовъ, посланныхъ отъ имени коммисіи просвѣщенія, Головчицъ, выражается о любарскихъ базиліанахъ, что они „портятъ своимъ греческимъ обрядомъ и соблюденіемъ своихъ праздниковъ единство (въ религіозномъ обученіи), указанное въ уставахъ коммисіи" [2]). Какъ въ той-же визитѣ, такъ и другихъ выражается

[1]) Historya szkół II, стр. 444 въ примѣчаніи.

[2]) Archivum do dziejów literatury i oswiaty w Polsce. 1877. Краковъ.

сожалѣніе, что хотя большинство базиліанскихъ учениковъ, а иногда и всѣ почти ученики ихъ римско-католики, но базиліане празднуютъ и свои праздники, что, по мнѣнію визитаторовъ, отнимаетъ много времени отъ науки. Съ 1789 г.,—года народныхъ волненій на Волыни, эти жалобы визитаторовъ прекращаются или выражаются мягче. Это уже не религіозная нетерпимость прежняго, стараго времени, но фанатизмъ политическій, который, предпочитая нравственность естественную, подчинилъ политическимъ видамъ и свою римско-католическую религію [1]). — Съ другой стороны, коммисія просвѣщенія не дала никакого мѣста въ школахъ русскому языку. Что въ русскихъ областяхъ Польши было въ то время стремленіе къ изученію своего языка и къ усвоенію общерусскаго литературнаго языка, это показываетъ изданіе въ Полоцкѣ (въ 1770 г.) и въ Почаевѣ (въ 1778) русской грамматики. Авторъ послѣдняго изданія, базиліанинъ Любовичъ, посвящая свою книгу: „Grammatyka rossyiska“ извѣстному Адаму Чарторыжскому, владѣльцу обширнѣйшихъ имѣній на Волыни, говоритъ въ своемъ посвященіи, что русскій языкъ пользуется „особеннымъ вниманіемъ“ при дворѣ этого князя. Авторъ изданнаго въ Варшавѣ въ 1825 году русско-польскаго словаря, Якубовичъ, въ предисловіи къ нему говоритъ, что у него имѣлась рукопись подъ заглавіемъ: *Начальная наука польская съ россійскою 1795 года.* Извѣстно такъ-же изданіе, напечатанное въ 1795 г. Микульскимъ: Łatwy sposób nauczenia się po rossyjsku i po polsku (Легкій способъ выучиться по-русски и по-польски).

Между тѣмъ, оставалось во всей силѣ постановленіе сейма 1764 года о томъ, чтобы сыновья русскихъ священниковъ (porowicze), не поступившіе до пятнадцатилѣтняго возраста на духовную службу или не записавшіеся въ ремесло, обращаемы были въ крѣпостные крестьяне мѣстнаго владѣльца—коллятора. Какая духовная служба возможна для пятнадцатилѣтняго мальчика? Легко-ли было переходить въ податное сословіе—ремесленника? Лука-

---

Т. I, стр. 47. Тамъ-же, см. отзывы Головчица объ этомъ предметѣ въ другихъ базиліанскихъ школахъ, подъ рубрикою: *Nabożeństwo.*

[1]) Базиліанскихъ школъ было въ это время 13, именно: въ югозападномъ краѣ 9: въ Барѣ, Бучачѣ, Умани, Каневѣ, Любарѣ, Овручѣ, Острогѣ, Шаргородѣ и Владимірѣ волынскомъ, въ сѣверозападномъ краѣ четыре: въ Вильнѣ, Жировицахъ, Березвечѣ и въ Борунахъ.

шевичъ признаетъ этотъ законъ „варварскимъ“, но утѣшается тѣмъ, что онъ побудилъ священниковъ къ крайнимъ усиліямъ, чтобы дать своимъ сыновьямъ образованіе, и что новыя школы, особенно базиліанскія, наполнялись священническими сыновьями, которые потомъ поступали или въ священники, или въ канцеляріи, въ учители, или наконецъ въ частную службу (къ помѣщикамъ). Но неизвѣстный авторъ сочиненія: „Uwagi polityczne do prawideł religii i zdrowej filozofii zastosowane“ (Варшава, 1789 г.) свидѣтельствуетъ, что послѣдствіемъ этого закона, „свойственнаго XI и XII, а не XVIII вѣку“, была вражда священниковъ къ Польшѣ и бѣгство священническихъ сыновей „за границу“, т. е. въ русское царство, „для избавленія отъ крѣпостнаго состоянія“. Итакъ, одна часть единственной въ то время свободной русской молодежи (исключительно уніатская), поступая въ школы, принуждаема была въ нихъ чуждаться своего обряда и языка, чтобы потомъ окончательно потеряться въ канцеляріяхъ и панскихъ дворахъ, другая (преимущественно православная) предпочитала этому образованію бѣгство изъ родныхъ пепелищъ! Но стало затруднительнымъ для русскаго мальчика научиться даже грамотѣ. Коммисія просвѣщенія не успѣла распространить въ русскихъ областяхъ узаконеннаго ею типа парафіальныхъ училищъ; но она строго наблюдала посредствомъ визитаторовъ, дабы всѣ школы иного образца не были допускаемы. Церковныя школы, эти единственные пріюты русской народности въ краѣ, прекращали свое долговѣчное существованіе и свою послѣднюю поддержку русской народности! Становилось невозможнымъ въ цѣломъ краѣ научиться даже церковно-славянскому чтенію, чтобы церкви не оставались безъ богослуженія. Бунтъ на Волыни (1789 г.), испугавшій визитатора того времени до того, что онъ поспѣшилъ вернуться въ Краковъ, вѣроятно не даромъ заставилъ польскіе суды искать главныхъ виновниковъ его въ средѣ русскихъ священниковъ...

По визитѣ 1789 года мы и начнемъ знакомство съ школами, существовавшими въ южной Руси, т. е. на Украйнѣ, Подольи и Волыни, на пространствѣ отъ Холма до Винницы и Бара. Къ этому времени окончены почти всѣ приготовленія коммисіи просвѣщенія къ точному исполненію новыхъ уставовъ во всѣхъ школахъ. Визита 1789 г. полнѣе визитъ другихъ лѣтъ (визиты оканчиваются 1792 годомъ). 1789 годъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ судьбѣ юго-западнаго края.

Е. Крыжановскій.

Люди Старой Малороссіи.

2. МИЛОРАДОВИЧИ.

Милорадовичи вышли въ Малороссію изъ Сербіи около 1713 г., въ числѣ трехъ братьевъ: Александра, Михаила и Гавріила. Случилось такъ: въ началѣ 1711 г., Петръ Великій, готовясь къ войнѣ съ турками, искалъ искусныхъ агентовъ между подчиненными Турціи славянами, для возбужденія послѣднихъ противъ мусульманъ. Однимъ изъ такихъ агентовъ вызвался быть сербъ Михаилъ Милорадовичъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Милорадовича—служить царю, Головкинъ, въ письмѣ 3 марта 1711 г., отвѣчалъ, что царь, „познавъ искусство и вѣрность Милорадовича въ воинскихъ дѣлахъ противъ враговъ христіанскаго имени и св. креста, опредѣлилъ его полковникомъ христіанскихъ войскъ", при чемъ Милорадовичу послано было пятьсотъ червонцевъ, съ обѣщаніемъ, что если онъ успѣетъ „возбудить христіанъ къ брани противъ врага креста Христова, то получитъ высокую милость и награжденіе". Въ концѣ 1712 г. Милорадовичъ пріѣзжалъ въ Москву „отъ черногорскаго народа" за жалованьемъ для войны съ турками [1]), а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ братьями, переѣхалъ въ Россію искать обѣщанныхъ „милостей", такъ какъ, по его словамъ, въ войнѣ съ турками онъ потерялъ все свое состояніе.

Въ это время Петръ Великій началъ уже вводить въ Малороссіи новые порядки, желая лишить гетманскую власть прежняго значенія и тѣмъ сдѣлать гетманщину на будущее время безопасною. Съ этою цѣлью, Царь старался полковничьи уряды замѣщать людьми по личному своему выбору, на вѣрную службу которыхъ онъ могъ-бы разсчитывать болѣе, чѣмъ на службу

[1]) Опись Сенатскаго Архива, Баранова, № 247.

людей мѣстныхъ, получавшихъ уряды отъ гетмана. Видя въ Милорадовичѣ человѣка способнаго, Царь рѣшилъ — дать ему полковничій урядъ въ Малороссіи, надѣясь, что бездомный выходецъ постарается заслужить эту милость. Хотя свободныхъ полковничьихъ урядовъ въ это время и не было, но тогдашній гадяцкій полковникъ Чарнышъ легко могъ быть смѣщенъ за свои насилія, на которыя давно уже жаловались его полчане. Затрудненіе было только въ томъ, что Чарнышъ былъ женатъ на падчерицѣ Скоропадскаго, котораго царю не хотѣлось обижать. Но когда умеръ генеральный судья Туранскій, царь приказалъ на мѣсто послѣдняго перевести Чарныша, а гадяцкое полковничество отдалъ Михаилу Милорадовичу.

Гадяцкіе полчане, терпѣвшіе уже передъ тѣмъ, въ продолженіи пяти лѣтъ, „несносныя кривды“ отъ Чарныша, поворно приняли новаго полковника, хотя Чарнышъ попробовалъ было, чрезъ своихъ агентовъ, вооружать народъ противъ Милорадовича [1]). Скоро однакоже оказалось, что новый полковникъ, не заботясь объ устройствѣ „полковыхъ порядковъ“, поставилъ себѣ исключительною цѣлью—личную наживу на счетъ полчанъ, для чего не стѣснялся никакими мѣрами. Встрѣтивъ сначала нѣкоторое противодѣйствіе въ своихъ насиліяхъ со стороны полковой старшины, Милорадовичъ постарался устранить послѣднюю отъ всякаго участія въ управленіи полкомъ, замѣняя, гдѣ нужно было, полковыхъ урядниковъ — своими слугами, тоже сербами. Извѣстный лѣтописецъ Григорій Грабянка, бывшій въ это время гадяцкимъ полковымъ судьею, писалъ гетману, что „съ назначеніемъ Милорадовича, всѣ слуги его въ дѣла судейскія вмѣшиваются и сами суды судятъ, а къ настоящему судьѣ и къ другой полковой старшинѣ запрещаютъ обращаться; сельскихъ урядниковъ кіями бьютъ, въ колодки забиваютъ и уряды отъ нихъ отнимаютъ. Теперь весь городъ нашъ въ большомъ смятеніи: полковничьи слуги толпами ходятъ съ кольями по рынку; хватаютъ людей, мучатъ ихъ, бросаютъ въ тюрьмы и держатъ тамъ пока не откупятся. А кто сталъ было жаловаться полковнику на своеволіе его слугъ, то тѣхъ „Милорадовичъ самъ за лобъ

[1]) Вслѣдъ за назначеніемъ Милорадовича, „подписокъ“ Чарныша ѣздилъ по гадяцкому полку, возбуждая козаковъ противъ Милорадовича: „дурнѣи козаки! для того вы слухаете сего полковника (Милорадовича)—плута, цыгана, шалвѣра! — Сей такій, якъ и запорожци,—може и васъ съ собою за море запровадить, альбо за границу выведши, вѣчне запропастить“! Арх. генер. канц., № 369.

ворочаючи по двору и кіемъ бьючи немилостиво, примовляетъ, что и многимъ тутъ нужно дать знать себе"!

И дѣйствительно Милорадовичъ далъ знать себя гадяцкимъ полчанамъ.

Черезъ три года послѣ назначенія его полковникомъ, гадяцкіе полковые урядники писали Скоропадскому: „въ счастливое рейментарство ясневельможности вашей, по всѣмъ полкамъ старшина и народъ, оправившись послѣ шведской руины, благодарятъ Бога, великаго государя и вельможность вашу. Только мы, гадяцкіе полчане, несчастливы: едва стали мы приходить въ себя, послѣ разоренія жилищъ нашихъ шведами, какъ „затурбовалъ" насъ полковникъ своими строгостями; сталъ онъ отбирать на себя городскіе и старшинскіе доходы, отчего запустѣли въ полку ратуши, а потомъ отдалъ власть надъ полкомъ и судовое управленіе—слугамъ своимъ; а тѣ слуги чинятъ въ полку великія бѣдствія: козаковъ заставляютъ исполнять самыя низкія работы, позаѣзжали на смерть лошадей ихъ, бѣгая за добычами; разбиваютъ людей по дорогамъ и грабятъ по ярмаркамъ. И вотъ четвертый годъ ждемъ мы избавленія отъ этого ярма!—Теперь мы, полковые урядники, только носимъ титулы, а въ дѣйствительности не имѣемъ никакого значенія, такъ какъ полковникъ, уничтоживъ общіе для козаковъ и крестьянъ ратушные суды, сдѣлалъ судилищемъ свой полковничій домъ, въ которомъ и отправляетъ всякіе суды вмѣстѣ съ своими слугами, минуя насъ, старшину, чтобъ мы не мѣшали дотла обдирать безвинныхъ людей. И стало теперь у насъ такъ: что̀ слуга—то и судья, а полковые есаулы—слуги да возницы! полковничій приказчикъ—полковникъ наказный. И разоряя такими порядками народъ, запрещаютъ еще и жаловаться, говоря, что никто уже насъ не можетъ оборонить. А когда мы, видя уничтоженіе козацкихъ вольностей и тяжкія полчанамъ обиды, отважились было просить полковника, чтобы пересталъ онъ мучить козаковъ, чтобы не позволялъ женѣ своей и сыну мѣшаться въ полковыя дѣла и называть старшину полковую и сотниковъ собаками, а старшинскихъ женъ — „нецнотами"; то на просьбу нашу получили такой отвѣтъ: „дамъ, говоритъ, фискаламъ—старшинѣ по триста кіевъ и какъ отобью кожу отъ костей, тогда скажу ѣхать къ государю съ жалобою"!—Получивши такой „суровый" отвѣтъ и потерявши уже всякую надежду на улучшеніе нашего горькаго положенія, рѣшились мы просить вашу ясневельможность избавить

насъ отъ такого тяжкаго ярма или дозволить подать жалобы царскому величеству, ибо не вѣдаемъ, что и чинить намъ далѣе. Часть полковой старшины и теперь уже оставила полковой городъ, не смѣя оставаться въ домахъ, гдѣ приходилось запираться и мѣсяца по два сидѣть, не видя свѣта, какъ только въ окно. Умилосердися, ясневельможный пане, и не дай отъ такой враждебной завзятости нашего полковника въ конецъ намъ разориться"[1]).

Просьба эта осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ гетманъ не имѣлъ власти судить поставленнаго царемъ полковника.

Однакоже Милорадовичъ, узнавъ объ этой жалобѣ, рѣшился принять мѣры, чтобы крѣпче утвердиться на мѣстѣ, и поѣхалъ въ Москву просить на свой урядъ царской грамоты. Зная, что гетманъ полученную имъ жалобу можетъ представить царю, Милорадовичъ пожелалъ заручиться свидѣтельствомъ мѣстнаго духовенства, въ которомъ послѣднее должно было опровергнуть обвиненія полковой старшины, заявивъ, напротивъ, о достоинствахъ своего полковника. Для этого Милорадовичъ самъ составилъ „благодарственный листъ" о томъ, что гадяцкіе полчане, будучи вполнѣ довольны своимъ полковникомъ, „чинятъ благодарствіе пресвѣтлѣйшему монарху за присылку такого расторопнаго и отважнаго „кавалера" [2]), доброправнаго, доступнаго и ко всѣмъ милостиваго полковника". Листъ этотъ Милорадовичъ послалъ сначала въ сотенные свои городки — въ Зеньковъ и Опошню, къ тамошнимъ протопопамъ, предлагая имъ, вмѣстѣ съ остальнымъ духовенствомъ, подписать тотъ листъ, при чемъ увѣрялъ ихъ, что такой точно листъ уже подписанъ гадяцкимъ протопопомъ и всѣми сотниками. Получивъ листъ съ подписями зеньковскихъ и опошанскихъ священниковъ, Милорадовичъ сталъ требовать подписей и отъ сотниковъ, изъ которыхъ многіе и подписались. Но гадяцкій протопопъ не только самъ отказался подписывать „благодарственный листъ", но и священникамъ своей протопопіи запретилъ. Съ послѣдними Милорадовичъ расправился самъ, заставивъ ихъ подписаться на „листѣ"—побоями и грабежомъ имущества, а на протопопа пожаловался кіевскому архіе-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Михаилъ Милорадовичъ въ своихъ подписяхъ называлъ себя почему-то „македонскимъ кавалеромъ".

рею и „привелъ протопопа подъ запрещеніе, что отъ Богоявленія даже до Вознесенія не священнодѣйствовалъ, доколѣ при крестномъ цѣлованіи не выполнилъ воли полковника". Добывъ наконецъ желаемый „благодарственный листъ", Милорадовичъ отправился съ нимъ въ Москву и выхлопоталъ тамъ царскую грамоту, подтверждавшую за нимъ гадяцкое полковничество [1]). Такъ передаетъ современникъ Милорадовича подробности полученія имъ грамоты, добавляя, что, возвратившись съ этою грамотою въ Гадячъ, Милорадовичъ „сталъ еще больше гнать тѣхъ, кто не хотѣлъ подписываться на томъ листѣ. Самъ Милорадовичъ разсказывалъ одному изъ своихъ сотниковъ, что, кромѣ грамоты, просилъ онъ у гр. Головкина еще и денежнаго награжденія за свои потери въ турецкую войну, но канцлеръ отвѣчалъ: „имѣешь теперь гадяцкій полкъ—такъ съ него и наживайся себѣ!"

Обезпечивъ себя царскою грамотою, Милорадовичъ „учинился въ полку самовластителемъ, какъ-бы въ своей отчинѣ", не стѣсняясь уже ни чѣмъ въ своихъ преслѣдованіяхъ той старшины, которая не хотѣла вполнѣ подчиниться его произволу. Вотъ одинъ изъ случаевъ, какъ Милорадовичъ безпричинно оскорблялъ своихъ сотниковъ, разсказанный очевидцемъ: „въ нынѣшній походъ подъ Царицынъ, полковникъ, въ виду всего войска, избилъ полковаго сотника, Ивана Пиратинскаго, почтеннаго и всѣми уважаемаго старика, за то только, что борзая собака сотника на охотѣ перегнала полковничьихъ собакъ и поймала зайца. Пойманнаго зайца сотникъ хотѣлъ было поднести полковнику, но лишь только подошелъ къ нему, какъ тотъ, не давши ему и слова вымолвить, ударилъ сотника оловянною фляшкою въ спину, а затѣмъ сталъ бить его кулаками по головѣ. Сотникъ обратился было къ находившейся тутъ-же старшинѣ съ просьбою написать объ этомъ случаѣ протестъ, но Милорадовичъ закричалъ: „писали вы уже челобитную гетману, такъ я ту челобитную употребилъ, какъ самъ зналъ" (что срамно и пояснять),—„тоже будетъ и съ новою вашею жалобою!..." [2]) Убѣдившись, вѣроятно, этимъ доводомъ, Пиратинскій никакой жалобы и не подавалъ.

---

[1]) Этою грамотою, царь, подтверждая Милорадовичу чинъ полковничества гадяцкаго, „повелѣвалъ гетману, генеральной старшинѣ и полковникамъ—Милорадовича въ томъ чинѣ надлежащимъ образомъ имѣть, а гадяцкаго полка старшинѣ и козакамъ онаго почитать и всякое должное ему послушаніе отдавать и принадлежащими къ тому уряду маетностями и доходами владѣть". Черниг. Губ. Вѣд. 1855 г., № 51.

[2]) Арх. генер. канц., № 369.

Лишивъ полковую старшину всякаго значенія, Милорадовичъ сталъ распоряжаться козаками, какъ своими „подданными", заставляя ихъ нести личную себѣ службу.—Такъ козаки полковой сотни жаловались, что загоняютъ ихъ понедѣльно—сторожить полковничій дворъ, чего прежде никогда не бывало, и заставляютъ при этомъ печи топить, дрова рубить, кони поить, воду таскать. Вдовъ козачьихъ также загоняютъ къ полковнику для всякой работы: бѣлье моютъ, посуду на кухнѣ чистятъ, хаты бѣлятъ и всякое дѣло дѣлаютъ, что прикажутъ, наравнѣ съ наемными работницами"[1].

Прибывъ въ гадяцкій полкъ бѣднякомъ, Милорадовичъ поставилъ главною себѣ цѣлью—нажиться. Въ этомъ отношеніи полковничьи уряды были самыми выгодными мѣстами для наживы, такъ какъ полковникъ всегда получалъ большіе доходы отъ одного полковаго суда, предсѣдательствуя въ которомъ, онъ опредѣлялъ по своему усмотрѣнію размѣръ „судовыхъ накладовъ", которые взыскивались съ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ. Обыкновенно бывало такъ, что за всякое болѣе или менѣе важное преступленіе (разбой, кражу, прелюбодѣяніе) подсудимый отдавалъ на судей весь свой скотъ, а часто поступался и земельнымъ имуществомъ. Полковникъ дѣлилъ „наклады" между полковыми урядниками, оставляя себѣ львиную часть. Кромѣ того полковники получали возможность пріобрѣтать отъ своихъ полчанъ земельные участки по низкой цѣнѣ, запрещая бѣднякамъ продавать ихъ участки другимъ, кромѣ его, полковника, лицамъ. При этомъ полковники впрочемъ старались по возможности давать этимъ покупкамъ хотя внѣшнюю законную форму. Но Милорадовичъ даже и этого не дѣлалъ: окруживъ себя слугами, выведенными изъ Сербіи, онъ открыто насильничалъ съ помощью этихъ слугъ надъ своими полчанами, ни чѣмъ не стѣсняясь. Не главною помощницею Милорадовича въ этихъ насиліяхъ была жена его, Ульяна Степановна, [illegible] которой рѣзко выдѣляется изъ современныхъ ей „паній".

Милорадовичъ вышелъ изъ Сербіи вдовцомъ съ однимъ сыномъ, Степаномъ. Черезъ годъ послѣ полученія полковничества, онъ женился на дочери генеральнаго есаула Степана Бутовича—

[1]) Тамъ-же, № 754.

Ульянѣ. Между прочимъ браку этому предшествовали уже близкія отношенія между вѣнчавшимися, послѣдствіемъ которыхъ было то, что на пятомъ мѣсяцѣ послѣ брака Ульяна Степановна уже родила Милорадовичу сына, Николая. Не смотря на такое начало сближенія, Милорадовичъ нашелъ во второй женѣ ревностную помощницу въ заботахъ объ устройствѣ своего благосостоянія.

Ульяна Степановна была женщина замѣчательной энергіи, при чемъ вся эта энергія направлена была къ одной стяжательности, для удовлетворенія которой она, какъ и мужъ, тоже не разбирала средствъ. Заботясь объ умноженіи своего благосостоянія, Ульяна Степановна распоряжалась въ полку, какъ хозяйка. На полковыя дѣла она имѣла такое вліяніе, что гадицкая старшина просила гетмана, чтобы „пани полковница въ дѣла полковыя не вмѣшивалась, старшину не безчестила, судовъ не судила, декретовъ старшиною писанныхъ не уничтожала, указовъ своихъ по полку не разсылала и женъ ихъ не безчестила-бъ"[1].

Получивъ отъ отца въ приданое слободку Бутовку (близъ Городни, черниговск. губ.), Ульяна Степановна сама распоряжала въ ней хозяйство изъ Гадяча, за 300 верстъ, письменно наставляя тамошняго своего старосту въ веденіи „господарства", и не упускала при этомъ никакихъ мелочей. Сохранившіяся ея письма къ бутовскому старостѣ хорошо рисуютъ дѣятельную полковницу. Въ одномъ изъ нихъ напр. полковница пишетъ: „Семене, слуга нашъ, пишешь ты, что городняне очень тѣснятъ нашихъ бутовскихъ людей, въ ихъ поляхъ[2]); поэтому крѣпко тебѣ приказываемъ не уступать городнянамъ и по возможности отбиваться отъ нихъ. Если случится, что наши люди застанутъ на своихъ поляхъ городнянъ, приказываемъ грабить ихъ лошадей и воловъ; да вообще дѣлай при этомъ такъ: если городняне заграбятъ у бутовчанъ десять лошадей,—ты заграбь у нихъ двадцать!—Да управляйся въ господарствѣ рачительнѣе: смотри за хоромами, перекрой конюшню и амбаръ, чтобы крыши не протекали.—Слышно намъ здѣсь, что свиней у тебя совсѣмъ мало

[1]) Тамъ-же, № 369.

[2]) Бутовка была поселена на земляхъ, отнятыхъ Бутовичемъ у жителей Городни, вслѣдствіе чего послѣдніе продолжали и въ это время спорить съ бутовскими слобожанами за отнятыя земли.

и то конечно отъ твоего нерадѣнія: какъ пригонять свиней съ поля, то вы сгоняете всѣхъ ихъ въ одну кучу и при этомъ свиньи ѣдятъ поросятъ. Ты долженъ досматривать, чтобъ этого не было. Если плохой свинарь попался, такъ прикажи войту, чтобы нанялъ хорошаго, за цѣну, какую и люди платятъ".

Будучи такою рачительною хозяйкою, Ульяна Степановна требовала отъ слугъ безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній и за малѣйшія провинности наказывала ихъ иногда съ ужаснымъ звѣрствомъ. Одинъ изъ ея „подданныхъ", крестьянинъ с. Малыхъ Будищъ, Андрей Пугачъ, жаловался въ 1733 г. тогдашнему гадячскому полковнику Грабянкѣ, что отдалъ онъ малолѣтнюю свою дочь, Ефросинью, бывшей полковницѣ Ульянѣ на прокормленіе и услугу, ради своего убожества и вдовства, у которой полковницы та дочь его и жила лѣтъ семнадцать, безъ всякой платы, занимаясь тканьемъ ковровъ. Случилось, что въ этомъ году, лѣтомъ, въ отлучку Ульяны изъ дому, дочь пришла къ нему, отцу, въ гости; но не пробыла она у него и трехъ дней, какъ прибѣжали за нею слуги Милорадовички и взяли ее въ Гадячъ. И какъ только привезли дочь въ Гадячъ, продолжаетъ Пугачъ, Милорадовичка сейчасъ-же приказала тѣмъ слугамъ, положивши дочь его на полу, бить канчуками (нагайками) сначала по спинѣ и животу, а потомъ, раздвинувъ ноги, по прочимъ частямъ, сама-жъ Милорадовичка „черевиками" очи ей выдавила и зубы повыбивала... Отъ такого безчеловѣчнаго истязанія изуродованная дочь его умерла на третій день. И хотя гадячскій намѣстникъ и запрещалъ священнику хоронить Ефросинью, пока не осмотрятъ ея гражданскія власти, однако тотъ священникъ, будучи подкупленъ Милорадовичкою, замученную Ефросинью похоронилъ..."[1]

Съ такою женою Милорадовичъ успѣшно устраивалъ свое благосостояніе.

„На рангъ" гадяцкаго полковника принадлежали два мѣстечка: Комышная и Рашавка, которыя при Мазепѣ присоединены были къ „гадячскому замку", (принадлежавшему „на булаву" гетмановъ), а потомъ опять возвращены гадяцкимъ полковникамъ, при Чарнышѣ, по родству послѣдняго съ Скоропадскимъ. Крестьяне этихъ мѣстечекъ отданы были и Милорадовичу „въ послушаніе".

---

[1]) Арх. генер. канц., № 402.

Жители Комышной и Рашавки, занимаясь преимущественно ремеслами, отличались своею зажиточностью; но уже Чарнышъ наложилъ было на нихъ руку, увеличивъ размѣръ прежнихъ повинностей, а Милорадовичъ, кромѣ того, привлекъ къ „послушанію“ и козаковъ, жившихъ въ его ранговыхъ маетностяхъ, хотя козаки были всегда свободны отъ „подданническихъ повинностей“, отбывая только воинскую службу.

Комышанскіе козаки жаловались гетману, что Милорадовичъ „лѣса ихъ рубитъ и пустошитъ самовольно, и то дерево на свои строенія употребляетъ, а ихъ принуждаетъ косить ему сѣно, орать, жать, молотить, и тѣ всѣ работы отбываютъ они полковнику, наравнѣ съ посполитыми“. — Посполитые комышанскіе терпѣли разумѣется еще больше: „они были замучены ежедневною панщиною, такъ что на свое хозяйство не оставалось и времени.“ „Ежегодно даемъ, писали Комышане, осенщиву—отъ вола и отъ коня по 12 шаговъ (грошей) и по четверику овса; силою заставляютъ насъ покупать панскій сыръ, по 50 золотыхъ (20 к. ас.) за бочку, икру по полталера за 10 фунт., ягоды водочныя по гривнѣ за ведро“.—Тоже самое было и у рашавчанъ; но какъ послѣдніе были преимущественно ремесленники, то Милорадовичъ бралъ съ нихъ повинности натурою—тулубами, сапогами и прочими ихъ издѣліями.

Еще въ Сербіи Милорадовичъ занимался купеческимъ промысломъ[1]; тамъ онъ вѣроятно и пріобрѣлъ тотъ опытъ, который такъ легко и выгодно было ему прилагать къ дѣлу на гадяцкомъ полковничествѣ. Сынъ его, Степанъ, разсказываетъ о торговыхъ оборотахъ отца въ Гадячѣ, что съ октября 1715 по 1719 г. по всему гадячскому полку шинковалась водка только его отца; при этомъ каждая куфа (бочка) продавалась по 20 р. и болѣе, а покупалась у глуховскаго войта по 12 рублей, а у другихъ и дешевле,—что отецъ бралъ также подряды на поставку водки въ Москву, по нѣскольку тысячъ ведеръ, что въ 1724 г., когда отецъ назначенъ былъ командиромъ малороссійскаго отряда, посланнаго въ сулацкій походъ, взялъ онъ съ собою 57 бочекъ водки и продалъ тамъ бочку по 140 рублей, да кромѣ того во-

[1] Одинъ сербскій монахъ разсказывалъ въ 1721 г., что онъ пріѣхалъ въ Малороссію „по знакомости своей съ п. полковникомъ гадяцкимъ (т. е. Милорадовичемъ) въ Бухарештахъ, еще подъ часъ житія его тамъ купеческимъ способомъ“. Арх. генер. канц., № 191.

зилъ онъ туда-же для продажи табакъ, сало и масло. Въ 1725 г., туда-же выправлено было 30 бочекъ водки, которая продана была по той-же цѣнѣ. Торговалъ отецъ и волами, которыхъ ежегодно до самой смерти отправлялъ онъ въ Шліонскъ (Силезію) и въ Петербургъ партіями по пять и по шесть сотъ воловъ"[1]. Такихъ размѣровъ торговые обороты для того времени были очень значительны, при чемъ Милорадовичъ получалъ тѣмъ большіе барыши, что весь механизмъ этихъ оборотовъ производилъ онъ даровымъ трудомъ своихъ полчанъ. Посылая на Сулакъ водку, Милорадовичъ за вырученныя деньги приказывалъ накупать тамъ мѣстныхъ товаровъ—шелковъ, сафьяновъ и проч., которые затѣмъ раздавалъ насильно своимъ полчанамъ, для мелочной продажи. При этомъ онъ назначалъ товарамъ цѣну высшую противъ стоимости и продавецъ волей-неволей долженъ былъ платить за распроданный товаръ цѣну, назначенную полковникомъ. Для мелочной распродажи этихъ товаровъ, Милорадовичъ выбиралъ изъ своихъ крестьянъ—людей зажиточныхъ, которые-бы, на всякій случай, могли отвѣтить предъ нимъ и своимъ имуществомъ.

Приводимъ нѣсколько показаній тѣхъ крестьянъ, которымъ Милорадовичъ поручалъ распродажу своихъ товаровъ.

Григорій Моренецъ разсказываетъ, что Милорадовичъ поручалъ ему не разъ продавать шелкъ, цѣну которому назначалъ по десять золотыхъ за фунтъ, а онъ, Моренецъ, не могъ сбыть его и по два талера за фунтъ;[2] за сафьянъ назначалъ цѣну по 5 рублей за „бунтъ", а продавалъ Моренецъ по семи копъ (3 р. 50 к.) за бунтъ; цѣна рису назначена была по рублю за камень (50 фунт.), а проданъ по талеру за камень. Да кромѣ того ѣздилъ онъ, Моренецъ, по приказу Милорадовича въ Крымъ за виномъ, на своихъ лошадяхъ и на своихъ же харчахъ, посыланъ былъ также въ „Шлёнскую дорогу" два раза, и гонялъ туда по 200 быковъ, тоже на своихъ харчахъ и своими лошадьми, на что истратилъ 34 р. 73 к.

Андрей Туръ говоритъ, что Милорадовичъ принуждалъ его распродавать свои товары, при чемъ назначалъ имъ цѣны высшія противъ стоимости: шелкъ отданъ былъ полковникомъ по 1 р. 80 к.

---

[1]) Арх. генер. канц., № 4206.

[2]) Золотой=20 коп. асс., а талеръ=60 коп. асс. „Битый" же талеръ равняется серебряному рублю.

за фунтъ, а проданъ по 1 р.; за „бунтъ“ сафьяна назначено было 5 р., а проданъ по 3 р. 50 к.; „китаю два тюма“—по 10 р., а проданъ по 7 р. Посылалъ полковникъ Тура и въ Крымъ—продавать тамъ его масло; а въ Крыму покупалъ онъ вино; а на дорожные расходы полковникъ денегъ не давалъ.

Семенъ Кириченко, козакъ м. Комышной, отца котораго Милорадовичъ повернулъ въ посполитые, также точно распродавалъ полковничные товары, при чемъ приходилось полковнику уплачивать гораздо больше, чѣмъ выручалось отъ продажи. Да возилъ Кириченко въ Царицынъ и въ Крымъ водку и масло, на своихъ подводахъ, и не получалъ отъ полковника за то никакой платы.—Такими способами наживался Милорадовичъ на счетъ своихъ крестьянъ, которые кромѣ того платили ему „чиншъ“ и отбывали усиленную „панщину“.

Земельныя свои богатства Милорадовичъ пріобрѣталъ и увеличивалъ на счетъ козаковъ, у которыхъ безнаказанно отнималъ разнаго рода угодья. Какія насилія позволялъ себѣ при этомъ Милорадовичъ, примѣромъ можетъ служить исторія его съ козакомъ Баляснымъ. Въ 1720 г., Балясный устроилъ, съ позволенія гетмана, селитренный заводъ около м. Веприка и варилъ селитру два года свободно. Приготовился варить онъ селитру и на третій годъ, какъ неожиданно получилъ приказъ отъ полковницы (Милорадовичъ въ это время былъ въ Москвѣ) прекратить вареніе, такъ какъ она сама думаетъ устроить на томъ мѣстѣ, которое принадлежало Балясному, свою селитроварню. Балясный хотѣлъ было жаловаться въ Малороссійскую Коллегію (это было въ 1724 г.) но, припомнивъ, какъ много полковница поувѣчила людей, рѣшился терпѣть насиліе, „здоровья ради“, и найдя удобное мѣсто, подъ с. Цѣпками, сталъ устраивать другой заводъ. Но Ульяна и здѣсь не позволила Балясному варить селитру, объявивъ, что право селитроваренія въ гадяцкомъ полку должно принадлежать одному полковнику. Балясный пробовалъ было просить полковницу не мѣшать ему варить селитру подъ Цѣпками, уступая за то уже отнятый веприцкій свой заводъ, но позволенія не получилъ. Тогда имѣя въ рукахъ позволеніе гетмана, подтвержденное и Коллегіей, Балясный сталъ варить селитру въ своемъ новомъ заводѣ, не обращая вниманія на запрещеніе. Вскорѣ затѣмъ возвратился въ Гадячъ и самъ Милорадовичъ. Призвавъ Баляснаго къ себѣ, полковникъ предложилъ ему—или прекратить селитроваренье подъ Цѣпками, или уступить ему, Милорадовичу, веприцкій заводъ, выдавъ

уступочный актъ. Баляскый согласился на послѣднее условіе и выдалъ полковнику актъ на веприцкій заводъ, оговоривъ, что уступаетъ одинъ заводъ, безъ буртовъ. Вслѣдъ затѣмъ Баляскый умеръ, а Милорадовичъ отправился въ Сулацкій походъ. Пользуясь отсутствіемъ полковника, Баляскый—сынъ пожаловался Вельяминову, описавъ, какъ у отца его отнятъ былъ веприцкій заводъ, на которомъ селитровареніе разрѣшено было Баляскому —отцу самою Коллегіей. Въ отвѣтъ на жалобу Вельяминовъ спросилъ у гадяцкаго наказнаго полковника, варитъ ли Баляскый селитру. Наказный Штишевскій отвѣчалъ, что ни Баляскый - отецъ не варилъ послѣдніе годы, ни сынъ его не варитъ, „того ради, что полковникъ своею волею тотъ заводъ изволилъ занять на свою особу".

Возвратившись изъ похода и узнавъ о поданной жалобѣ въ Коллегію, Милорадовичъ призвалъ Баляскаго и приказалъ ему дополнить полученный отъ отца его на веприцкій заводъ актъ прибавкою объ уступкѣ и тамошнихъ буртовъ. Баляскый не согласился. Затѣмъ Милорадовичу случилось быть въ м. Опошнѣ, гдѣ жилъ Баляскый. Придравшись къ послѣднему, что тотъ не выѣхалъ къ нему на встрѣчу, полковникъ „приказалъ Баляскаго оковать на арматѣ (пушкѣ) двумя цѣпями, въ самый праздникъ сошествія св. Духа, и велѣлъ держать подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ, что и нужды ради человѣческой пускать не велѣлъ". Отпустивъ наконецъ съ арматы Баляскаго, Милорадовичъ снова сталъ требовать уступки веприцкихъ буртовъ; но Баляскый не уступалъ. Желая добиться требуемой уступки, полковникъ приказалъ посадить Баляскаго „на самой бездѣльной лошади и гналъ его передъ собою въ свой хуторъ, за 30 верстъ отъ Опошни. А пріѣхавъ въ хуторъ, держалъ Баляскаго въ индичникѣ два дня, подъ тайнымъ карауломъ. Но Баляскый все не соглашался на уступку буртовъ. Тогда Милорадовичъ отослалъ непокорнаго полчанина въ Гадячъ, гдѣ Баляскаго снова приковали къ пушкѣ. Въ это время Милорадовичъ получилъ указъ Малороссійской Коллегіи ѣхать въ Глуховъ „для отвѣтствія противъ челобитчиковъ" и—Баляскый, изъ опасенія, былъ освобожденъ.

Въ Глуховъ однакожъ Милорадовичъ не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнями. По возвращеніи изъ Сулацкаго похода онъ дѣйствительно сталъ болѣть и написалъ въ это время свое завѣщаніе, по которому всѣ свои гадяцкія имѣнія, городскіе дворы, мель-

ницы, хутора и разныя земли, назначилъ женѣ и сыну Николаю вмѣстѣ. Сыну Степану Милорадовичъ ничего не оставлялъ потому, что, какъ объяснилось въ завѣщаніи, онъ ему „досталъ маетность своимъ стараніемъ“ и кромѣ того выдѣлилъ уже часть, когда Степанъ женился.

Въ сентябрѣ 1726 г. Михайло Милорадовичъ умеръ. Имѣніями умершаго, на основаніи духовнаго завѣщанія, завладѣла вдова его вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ. Старшій сынъ Милорадовича —Степанъ въ это время жилъ въ с. Позникахъ (около Лохвицы), которое получилъ за женою отъ тестя своего, Михаила Гамалѣи, и которое утверждено было за нимъ, по старанію отца, и царскою грамотою.

Находя, что братъ Николай, какъ незаконный сынъ отца, не имѣетъ права на завѣщанное ему наслѣдство, Степанъ Милорадовичъ обратился въ генеральную канцелярію съ просьбою, чтобы вдова отца выдала ему часть отцовскаго наслѣдства. [1]) Но Ульяна Степановна поспѣшила помириться съ пасынкомъ; миръ со-

---

[1]) Приводимъ здѣсь перечень этихъ требованій. „Вѣдѣніе добръ отца моего, полковника гадяцкого Михаила Милорадовича, коликое число требую я отъ панеи, кромѣ того, що дѣтямъ моимъ леgовано въ духовницѣ отческой.—Портретъ его императ. величества (Петра В.), отцу моему еще не жонатому пожалований.— Крестъ щирозлотний, зъ Македоніи вивезенний.—Грамоту его импер. величества, данную на чинъ полковничества.—Писма его-жъ императ. величества, въ нашу сторону (въ Сербію) до отца писанніе.—Денегъ тысячу рублей.—Дворъ въ Гадячу, которий еще не женившися отецъ мой мало бувъ не достроивъ.—Два шинка, одинъ въ Гадячомъ, а другий въ с. Бабкахъ—Вѣлчуру лямпартовую, подшитую песками, зъ gузиками болшими срѣбными позлоцаними, которие отецъ у мене взялъ.—Соболей паръ трохъ.—Шабель двѣ, которие отецъ изъ собою въ Гадячъ привезъ: една каменіями осажена, а другая сребромъ окована, турецкая.—Кубковъ два срѣбныхъ позлоцанихъ болшихъ и кружку сребраную позлоцаную болшую жъ, что привезъ зъ собою зъ Москвы.—Коней двоє верховихъ зъ кулбаками и рондами, а именно: тую кулбаку, что отецъ мой зъ Москви привезъ зъ собою, подъ срѣбро оправную и рондъ камѣниемъ осажованной, а другую кулбаку зъ рондомъ, что гетманъ съ конемъ далъ.—Пистолѣтовъ паръ трохъ, пару французскихъ, а двѣ тулской работы.—Флинту турецкую оправную подъ сребро и подъ позлоту.—Гвинтовку тулской работи.—Коней четверо стада покойнаго отца моего.— Кобылъ девять и дриgанта (жеребца).—Воловъ 20, коровъ 10 и бугая.—Лисичихъ футеръ шлямовихъ завойковихъ двѣ жъ, съ тихъ лисицъ, что отецъ мой зъ Сулаку прислалъ.—Овецъ съ баранами 70.— Барсовъ два—коней верховихъ покривать.— Алембикъ одинъ.—Казанковъ дворовыхъ три.—Винничнихъ казановъ два.—Тарѣлокъ цѣнованихъ 12 и полумисковъ 12. Селѣтри зъ обохъ заводовъ 2 куфи (бочки).—Жита осмачокъ—15, пшеницы 10. гречки—8 и овса—6. Стефанъ Милорадовичъ“. Архивъ генер. канцел., № 4206.

стоялся при посредствѣ тогдашняго Глуховскаго дѣльца Валькевича и Степанъ Милорадовичъ выдалъ мачихѣ обязательство „о нечелобитствованіи впредь объ отцовскихъ имѣніяхъ". Въ послѣдствіи Степанъ утверждалъ, что росписку эту онъ выдалъ „по своему чужестранству, въ невѣдѣніи малороссійскихъ правъ и порядковъ," при чемъ и былъ обманутъ мачихою. Однакоже дѣло этимъ и кончилось. Вдова Милорадовича скоро вышла вторично замужъ, за Петра Черныша, и продолжала владѣть имѣніями Милорадовича, болѣе двадцати лѣтъ, пока не явились новые претенденты на эти имѣнія, въ лицѣ сыновей Степана Милорадовича.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, многіе сыновья малороссійскихъ пановъ стали начинать свою службу при дворѣ, поступая туда камеръ-лакеями. Мѣста эти получались вѣроятно при посредствѣ Алексѣя Разумовскаго, который не отказывалъ въ покровительствѣ своимъ землякамъ. Камеръ-лакеемъ при дворѣ началъ службу и старшій сынъ Степана Милорадовича—Петръ. Живя при дворѣ, Петръ Милорадовичъ имѣлъ возможность получить совѣты знающихъ людей относительно возможности начать новое дѣло объ имѣніяхъ дѣда съ его вдовою. Знающіе люди находили, что можно начать дѣло о незаконномъ рожденіи Николая Милорадовича и на этомъ основаніи можно и отобрать у него отцовскія имѣнія. Но такъ какъ право на этотъ споръ принадлежало жившему еще старшему брату Николая—Степану, то требовалось, чтобы послѣдній свое право на отысканіе отцовскаго наслѣдства передалъ сыновьямъ, что и было сдѣлано, съ помощью извѣстнаго по Литовскому Статуту „улиточнаго" акта. Заручившись этимъ актомъ, Петръ Милорадовичъ подалъ въ 1747 г., вмѣстѣ съ братьями, въ сенатъ челобитную, въ которой объяснялъ, что „дѣдъ ихъ, истцовъ, въ 1716 г., въ послѣднихъ числахъ іюля, по причинѣ своего вдовства, женился въ Малой Россіи на дочери генеральнаго есаула Бутовича, бывшей въ дѣвкахъ Ульянѣ, которая, живя съ дѣдомъ ихъ въ законномъ супружествѣ, тогожъ года въ декабрѣ противъ 6-го числа, то есть на пятомъ, по выходѣ своемъ въ замужество, мѣсяцѣ, родила не законно въ дѣвкахъ еще ею прижитаго сына Николая, который, будучи нынѣ въ совершенномъ возрастѣ, считается между бунчуковыми товарищами и пишется рода ихъ прозваніемъ Милорадовичемъ; а понеже о не законномъ рожденіи бабою ихъ Ульяною сына Николая извѣстно почти во всей Малой Россіи и таковые не законнорожденные въ число степенныхъ фамилій не пріемлются, того ради не законно-

рожденнаго сына Бутовичевны Николая отъ наслѣдія имѣній Михайла Милорадовича истцы просили „отрѣшить". Прося передать эту челобитную для рѣшенія въ генеральный судъ, истцы заявляли отводъ отъ участія въ рѣшеніи противъ есаула Валькевича, подскарбія Скоропадскаго и судьи Лысенка. Перваго Милорадовичи устраняли потому, что онъ, при рѣшеніи дѣла писаря генеральнаго суда Пиковца и бунчуковаго товарища Журавки, „обличенъ явнымъ плутовствомъ"; Скоропадскаго—потому, что „онъ Валькевичу другъ и одинъ съ другимъ при рѣшеніи дѣлъ, никогда не споритъ и безъ взаимнаго согласія ничего не дѣлаютъ"; наконецъ Лысенка—на томъ основаніи, что „онъ по своему простосердечію, при рѣшеніи дѣлъ не споритъ, а соглашается съ сентенціею Валькевича и Скоропадскаго, о чемъ и сенату довольно извѣстно". Просьба Милорадовичей была во всемъ сенатомъ уважена и дѣло передано было для рѣшенія въ генеральный судъ. Взявъ отпускъ, Петръ Милорадовичъ пріѣхалъ въ Глуховъ хлопотать, чтобъ не было „волокиты", хотя сенатъ и повелѣлъ суду „учинить по челобитной Милорадовичей рѣшеніе безъ наималѣйшаго продолженія".

Въ концѣ января 1748 г. изъ суда посланъ былъ канцелярист Дембовскій „за сыскомъ отвѣтчицы Бутовичевны". Но отыскать Ульяну Степановну было не легко; прослыхавъ о челобитной дѣтей пасынка, она стала переѣзжать съ мѣста на мѣсто и „ѣздила болѣе ночью, а не днемъ", почему Дембовскій вернулся въ Глуховъ, не сыскавъ отвѣтчицы Милорадовичей. Судъ послалъ другаго канцеляриста, Леонтовича, приказавъ, „чтобъ онъ, гдѣ ее заслышитъ, туда и ѣхалъ", для врученія указа о вызовѣ къ суду на 7 марта. Отвѣтчица наконецъ найдена была въ Прилукѣ, въ домѣ племянника своего, Якова Тарновскаго, но оказалась больною. Судъ предложилъ ей прислать вмѣсто себя повѣреннаго; но Ульяна Степановна хотѣла дѣло затянуть... Петръ Милорадовичъ съ своей стороны настаивалъ на скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, указывая на то обстоятельство, что онъ „за несвоевременную свою явку изъ отпуска ко двору, опасуется отвѣта". Судъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ явки отвѣтчицы и допросилъ свидѣтелей о не законномъ рожденіи Николая. Нѣсколько свидѣтелей положительно утвердили, что Михайло Милорадовичъ женился на Ульянѣ Бутовичевнѣ въ

концѣ іюля 1716 г., а въ декабрѣ того-же года Ульяна родила сына Николая. На основаніи этихъ показаній, судъ въ іюлѣ 1748 г. рѣшилъ дѣло Милорадовичей тѣмъ, что Ульяна Степановна, какъ вышедшая замужъ вторично, должна быть лишена права на имѣніе перваго мужа, а сынъ ея Николай, какъ не законнорожденный, не имѣетъ права на наслѣдство Михайла Милорадовича и не долженъ зваться Милорадовичемъ. Отказалъ судъ только въ отобраніи отъ Ульяны Степановны села Козловки, которое она выхлопотала себѣ съ сыномъ, по смерти Милорадовича, за его службы; тутъ ужъ суду ничего нельзя было сдѣлать потому, что на Козловку Ульянѣ лично дана была царская грамота.

Генеральный судъ неправильно рѣшилъ это дѣло, такъ какъ и Ульяна Степановна и сынъ ея Николай имѣли законное право на имѣнія Михайла Милорадовича, на основаніи его духовнаго завѣщанія, о которомъ судъ ничего не сказалъ въ своемъ рѣшеніи. Лишенный не только имѣній, но и отцовскаго прозвища, Николай поѣхалъ было хлопотать о перевершеніи дѣла въ Петербургъ, но не имѣя тѣхъ знакомствъ, какія были у его племянника Петра, ничего повидимому не добился и безслѣдно гдѣ-то потерялся [1]).

Придворная служба Петра Милорадовича дала ему возможность вполнѣ устроить свое благосостояніе: сначала онъ получилъ черниговское полковничество, а потомъ, въ 1763 г., женился на правнукѣ извѣстнаго Павла Полуботка, за которою взялъ въ приданое половину Полуботковскихъ имѣній и сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей черниговскаго намѣстничества. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1798 г., въ лохвицкомъ своемъ селѣ Гамалѣевкѣ, гдѣ въ тамошней церкви и похороненъ.

Какъ только умеръ Михайло Милорадовичъ, младшій его братъ Гаврило немедленно отправился въ Москву — искать тамъ гадяцкаго полковничества. Гаврило Милорадовичъ выѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Михайломъ; послѣдній награжденъ былъ полковничествомъ, а Гаврилу даны были въ Малороссіи два села: Нехаевка и Калюжинцы.

---

[1]) Въ дневникѣ Ханенка за 1749 г., во время пребыванія въ Петербургѣ, отмѣчено: „явился у насъ бывшаго полковника Милорадовича сынъ nothus Николай и о матери своей спрашивалъ".

Ставъ „державцею“, Гаврило Милорадовичъ немедленно началъ тѣснить козаковъ, жившихъ въ его маетностяхъ, чтобы на счетъ ихъ увеличить свои богатства. При этомъ онъ производилъ такія-же насилія, какъ и братъ его надъ гадяцкими полчанами. Уже въ 1715 г. нехаевцы подали гетману длинный перечень тѣхъ обидъ, которыя имъ пришлось испытать отъ „полковника македонскаго“ въ первые-же годы его „державства“. Вотъ эти обиды:

1) Нестора Доценка, козака, тирански истязалъ за то, что купилъ ниву у мужика (крестьянина Милорадовича) еще прежде его державы; ниву отнялъ и не только денегъ не возвратилъ, но еще сковалъ его съ тѣмъ мужикомъ за ноги и держалъ такъ недѣлю, пока Доценко не откупился, давъ талеръ.

2) Ивана Осовика, козака, такъ избилъ, что тотъ нѣсколько недѣль пролежалъ, а билъ за то, что тотъ „изволеніемъ Божіимъ“ погорѣлъ; да еще требовалъ и корову.

3) Яцка Хоменка, козака, безъ всякой вины, билъ такъ, что кровь сквозь одежду выступала, а потомъ отнялъ у него лѣсъ и вырубилъ его на свои постройки.

4) У Хвеська Манджоса, крестьянина, отнялъ лѣсъ, стоившій золотыхъ 100; а пока не отнялъ, хотѣлъ Хвеська повѣсить, да только желѣзомъ оковалъ; и тотъ, не смогши носить на себѣ желѣза, долженъ былъ лѣсъ уступить, а самъ пошелъ въ другое село.

5) Ирину крестьянку тирански истязалъ и вѣшалъ за руки къ сволоку и за то только, что купила кварту водки у солдата (а не въ шинкѣ Милорадовича), и отслуживаетъ теперь Ирина свою вину уже другой годъ.

6) Дмитра Свинарчука „стремглавъ“ повѣсивши, по пятамъ такъ билъ, что недѣли три лазилъ на колѣняхъ, пока раны зажили; а билъ безъ всякой вины.

7) Пива наварилъ много бочекъ; только то пиво прокисло и стало никуда негоднымъ: не пили его не только люди, но и свиньи; а онъ, Милорадовичъ, приказалъ то пиво раздавать крестьянамъ; и—принимали то пиво съ плачемъ и тутъ-же, при старостѣ, вонъ выливали, а платили за пиво, что хотѣлъ [1]).

Получивъ эту жалобу, Скоропадскій написалъ Милорадовичу, чтобы онъ не обращался такъ „сурово“ съ людьми; но Милорадовичъ не признавалъ надъ собою власти гетмана, о чемъ ему

---

[1]) Арх. генер. канц., № 1018.

прямо и заявилъ. Не зная, что съ нимъ дѣлать, Скоропадскій писалъ въ 1718 г. царю: „полковники Василій Танскій и Гаврило Милорадовичъ, имѣя въ Украинѣ маетности, живутъ *ни подъ чіею командою, самовольно;* и того-бъ ради объ оныхъ сдѣлать опредѣленіе, подъ чьею командою имъ быть и кому ихъ, по челобитнымъ на ихъ въ разныхъ дѣлахъ, судить; а его де, гетмана, они не слушаютъ“ [1]). Не получивъ никакого разрѣшенія на свою просьбу и получая постоянныя жалобы на Гаврила Милорадовича, за его насилія, Скоропадскій рѣшился наконецъ произвести по этимъ жалобамъ слѣдствіе; для этого посланъ былъ, въ 1720 г., въ Нехаевку бунчуковый товарищъ Чуйкевичъ. Но Милорадовичъ не призналъ за гетманомъ права производить надъ нимъ слѣдствіе. Чуйкевичъ изъ Нехаевки донесъ Скоропадскому, что Милорадовичъ, „при не укротимой своей противъ козаковъ завзятости“, не допускаетъ его къ слѣдствію. Призвалъ Чуйкевичъ одного козака для очной ставки, а Милорадовичъ приказалъ того козака забить въ колодки; а когда я сталъ возражать, говоритъ Чуйкевичъ, то Милорадовичъ, „оказавши противъ меня свои сарказмы“, захватилъ всѣ мои бумаги и ушелъ къ себѣ домой. Видя, что производство порученнаго ему слѣдствія невозможно, Чуйкевичъ вернулся въ Глуховъ [2]). Послѣ этого Скоропадскій уже и не трогалъ „македонскаго кавалера“, который продолжалъ жить „ни подъ чіею командою“ и самовластвовать въ своихъ маетностяхъ, пока не умеръ братъ его Михайло. Гаврило Милорадовичъ переѣхалъ въ Россію, какъ и старшій братъ его вдовцомъ. Бывая въ Москвѣ, онъ тамъ высваталъ себѣ вторую жену, какую-то Прасковью Андреевну, „служительку отъ двора князя Меншикова“. Узнавъ о смерти брата Михайла, Гаврило Милорадовичъ отправился въ Москву вмѣстѣ съ женою, которая должна была ему помочь въ искательствѣ гадяцкаго полковничества. Но хлопоты о полковничествѣ оказались не легкими: около года пришлось жить Милорадовичу въ Москвѣ, пока наконецъ удалось ему выпросить у Меншикова гадяцкое полковничество.

Прослыхавъ объ этомъ искательствѣ, гадяцкіе полчане надѣялись, что только что поставленный гетманъ Апостолъ сможетъ отстранить Гаврила Милорадовича и дастъ возможность

---

[1]) Чтенія моск. общ. ист. и др. 1859, I, 282.

[2]) Арх. генер. канц., № 652.

гадячанамъ выбрать себѣ полковника „вольными голосами". Съ такою просьбою и обратились къ гетману гадяцкіе полковые урядники, какъ только Апостолъ провозглашенъ былъ гетманомъ. „Довольно натерпѣлись мы бѣдъ, писали они гетману, отъ Чарныша и Михайла Милорадовича, которые, наѣхавъ въ нашъ полкъ со стороны и желая съ другими „застарѣлыми" полковниками въ богатствѣ сравняться, прежде всего стали добывать себѣ „грунта", чѣмъ такъ стѣснили народъ, что чуть не пустъ остается нашъ полкъ теперь. А теперь слышно, что о гадяцкомъ полковничествѣ старается Гаврило Милорадовичъ; этотъ пожелаетъ тоже прежде всего нажиться, какъ видно и изъ писемъ его, которыя онъ сюда пишетъ. Скупитъ онъ послѣдніе грунта у людей и станетъ порабощать остальныхъ козаковъ для работъ на тѣхъ-же грунтахъ. А порядковъ никакихъ въ полку онъ намъ не устроитъ. Если Гаврило Милорадовичъ назначенъ будетъ полковникомъ, то должно быть прійдется и намъ, старшинамъ, уступать ему свои грунта, потому что козаки, какіе имѣли грунтики, уже распродали ихъ, а сами разошлись въ разныя мѣста; а въ полку скоро некому будетъ и войсковую службу отбывать". Въ заключеніе старшина просила гетмана—позволить гадяцкимъ полчанамъ выбрать полковника изъ среды себя вольными голосами. Исполнить эту просьбу Апостолъ не имѣлъ права; впрочемъ и заявлена она была поздно: вслѣдъ за подачею ея гетману, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ полученъ былъ указъ о назначеніи гадяцкимъ полковникомъ Гаврила Милорадовича. При этомъ говорили, что полковничество выхлопотала Милорадовичу жена его черезъ Меншикова.

Вступивъ въ управленіе полкомъ, Гаврило Милорадовичъ скоро доказалъ на дѣлѣ, что опасенія полчанъ были вполнѣ основательны.

Въ началѣ 1728 г., гадяцкій судья Штишевскій писалъ гетману, что, противъ желанія полчанъ, присланъ въ Гадячъ полковникомъ Гаврило Милорадовичъ, не имѣющій ни заслугъ, ни способностей („кромѣ—что онъ двора князя Меншикова служительку за собою держитъ"); пріѣхавъ въ полкъ, онъ сейчасъ-же сталъ „затѣвать полчанамъ нестерпимыя обиды, здирства и побои". Затѣмъ Штишевскій перечисляетъ насилія Милорадовича,—какъ беретъ онъ взятки за судъ, отнимаетъ у козаковъ земли, рубитъ ихъ лѣса и проч. Донесеніе Штишевскаго подтверждали всѣ гадяцкіе полчане, подавшіе гетману особую жалобу, что

Милорадовичъ, „оставя правленіе полковыхъ дѣлъ, уѣхалъ въ ранговыя свои маетности и тамъ только тѣмъ и занимается, что однихъ полчанъ безмилосердно кіями бьетъ, а другихъ по тюрьмахъ и на арматахъ (пушкахъ) окованныхъ по нѣсколько недѣль истязуетъ". Правду этой жалобы засвидѣтельствовали своими подписями, между прочими, и игумены двухъ гадяцкихъ монастырей. Впрочемъ Апостолъ и не сомнѣвался въ правдивости жалобъ, такъ какъ, имѣя свой домъ въ Сорочинцахъ, поблизу ранговыхъ маетностей Милорадовича—Рашавки и Комышной, онъ зналъ все, что тамъ дѣлается. Поѣхавъ вслѣдъ затѣмъ въ Москву, Апостолъ просилъ коллегію иностранныхъ дѣлъ защитить гадяцкихъ полчанъ отъ Милорадовича. А между тѣмъ изъ Гадяча приходили новыя жалобы, которыя гетманъ препровождалъ въ ту-же коллегію. Насилія Милорадовича были такъ явны, что Головкинъ наконецъ разрѣшилъ Апостолу произвести слѣдствіе по жалобамъ гадяцкихъ полчанъ, а потомъ въ іюлѣ 1728 г. распорядился, чтобы Милорадовича прислали въ Москву „для изслѣдованія показанныхъ отъ него козакамъ обидъ" [1]). Произведенное по жалобамъ на Милорадовича слѣдствіе отослано было въ Москву чрезъ Штишевскаго, который долженъ былъ личными уликами еще болѣе подтвердить справедливость слѣдствія. Судъ надъ Милорадовичемъ въ Москвѣ тянулся около года; только въ іюнѣ 1729 г. гетманъ получилъ наконецъ указъ, что такъ какъ Милорадовичъ сознался въ своихъ преступленіяхъ, „того ради полковникомъ ему не быть, а жить ему, Милорадовичу, въ Нѣжинѣ и довольствоваться пожалованными маетностями—Нехаевкою и Калюжинцами" [2]). Милорадовичъ однако-же поселился не въ Нѣжинѣ, а въ Калюжинцахъ, гдѣ, проживъ годъ, осенью 1730 г. умеръ [3]).

Гаврило Милорадовичъ оставилъ единственнаго сына — Антона, сыновья котораго были первыми предводителями дворянства въ глинскомъ уѣздѣ полтавской губерніи [4]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Матер. для отечеств. исторіи, Судіенка, I, 17, 39, 59, 86.

[2]) Арх. генер. канц.

[3]) Вдова его вышла вторично замужъ за кн. Ивана Шаховскаго.

[4]) Родословная графовъ и дворянъ Милорадовичей. Каменецъ-Подольскъ. 1880. 8°. 13 стр.

Матеріалы для исторіи кіевской духовной академіи.

Кіевская академія не имѣетъ своей исторіи за время отъ преобразованія ея въ 1819 г., послѣ котораго она утратила свой вѣковой общеобразовательный и общесословный характеръ и стала спеціальнымъ, высшимъ духовнымъ учебнымъ заведеніемъ. Хотя въ 1869 году она торжественно и съ глубокимъ сочувствіемъ всей Россіи отпраздновала 50-ти лѣтній юбилей этого новаго своего существованія, хотя этотъ юбилей вообще возбудилъ въ средѣ академіи интересъ къ изученію родной старины и далъ толчокъ къ открытію при ней церковно-археологическаго общества и музея древностей, хотя, наконецъ, и послѣ юбилея прошла уже больше, чѣмъ десятилѣтняя давность; однако все-таки объ исторіи кіевской академіи, исторіи полной, систематической, до сихъ поръ ничего не слышно. Никто изъ современныхъ дѣятелей академіи не рѣшился еще спеціально погрузиться въ ея архивъ и вынесть оттуда хотя такой трудъ, какой сдѣлалъ для петербургской академіи г. Чистовичъ[1]), не говоря уже о такомъ, какимъ недавно почтилъ московскую академію воспитанникъ ея и нынѣшній почтенный ректоръ, о. протоіерей С. К. Смирновъ[2]). Правда, есть книжка покойнаго В. И. Аскоченскаго, посвященная исторіи новой кіевской академіи[3]). Но эта книжка представляетъ лишь внѣшній и бѣглый обзоръ академической жизни, притомъ доведенный только до 50-хъ

---

[1]) Исторія С.-Петербургской духовной академіи—сочиненіе *Иларіона Чистовича*. Спб. 1857 г.

[2]) Исторія Московской духовной академіи—до ея преобразованія (1814—1870). Москва, 1879 г.

[3]) Исторія Кіевской духовной академіи, по преобразованіи ея въ 1819 г.« Спб. 1863 г.

годовъ, и не можетъ идти въ сравненіе съ другимъ капитальнымъ его трудомъ, посвященнымъ старой кіевской академіи и извѣстнымъ подъ заглавіемъ: *Кіевъ, съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіею*[1]). Составленный проф. И. И. Малышевскимъ ко времени юбилея кіевской академіи въ 1869 г. и тогда-же вышедшій очеркъ ея исторіи съ 1819 года написанъ, правда, рукою искусною, но основанъ не столько на изученіи первичныхъ источниковъ, сколько на обобщеніи хранящихся въ средѣ академіи мнѣній и преданій о характерѣ главныхъ руководителей ея въ это время. Почтенный во всякомъ случаѣ этотъ трудъ[2]) уважаемаго профессора, въ связи съ другимъ его, болѣе уже документальнымъ, трудомъ: *Дѣятельность митр. Евгенія въ званіи предсѣдателя конференціи кіевской духовной академіи*,[3]) — будетъ имѣть важное руководительное значеніе для будущаго прагматическаго историка кіевской академіи. Но все это болѣе матеріалы, или подготовительныя работы для исторіи академіи, а не сама желаемая исторія, которой давно-бы уже пора появиться на свѣтъ Божій, прежде всего—какъ желанному знаку любви современнаго академическаго поколѣнія къ старинѣ дорогаго для него учрежденія, затѣмъ—въ удовлетвореніе любознательности и въ поученіе новому студенчеству и наконецъ для опредѣленія и уясненія значенія кіевской академіи въ общемъ ходѣ русскаго просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи. Прежніе академическіе дѣятели (пр. митр. Макарій Булгаковъ и Аскоченскій) засвидѣтельствовали свою любовь къ воспитавшему ихъ заведенію капитальными трудами по исторіи *старой* академіи—до 1819 г. Новымъ дѣятелямъ, для которыхъ академія съ 1819 г. тоже сдѣлалась уже *старою*, пора вспомнить любовно своихъ отошедшихъ въ область исторіи предшественниковъ. Это было-бы дѣломъ и сердечной дани *академическому братству*, которое, по самой идеѣ своей, должно помнить не только живыхъ, но и умершихъ своихъ членовъ и поминаетъ послѣднихъ и доселѣ ежегодной заупокойной молитвой 31-го

---

[1]) Вышелъ въ Кіевѣ—въ 1856 году, въ двухъ томахъ.

[2]) См. книгу: „*50-лѣтній юбилей Кіевской д. Академіи*“. Кіевъ. 1869 г.

[3]) См. въ „*Трудахъ Кіевской дух. Академіи*“ 1867 года. Вышелъ и отдѣльной брошюрой.

декабря, по установленію еще приснопамятнаго *Петра Могилы*. Рядомъ съ этою умилительною памятію объ отшедшихъ въ вѣчность братьяхъ—дѣятеляхъ науки и просвѣщенія—еще большій интересъ получали-бы ученыя изслѣдованія ихъ жизни и трудовъ. Главнѣйшимъ источникомъ для желаемой исторіи кіевской академіи долженъ, конечно, послужить академическій архивъ: сюда существенно должно быть направлено вниманіе изслѣдователя прошлыхъ академическихъ судебъ. Но есть много матеріаловъ для этого и внѣ архива, и болѣе, можетъ быть, цѣнныхъ, чѣмъ матеріалы архивные, большею частію официальные, представляющіе дѣло только съ внѣшней формальной стороны. Болѣе интереса представила-бы академія внѣ официальныхъ рамокъ ея дѣятельности,—въ частномъ бытѣ ея служащихъ и студентовъ, въ судьбѣ и дѣятельности ея воспитанниковъ на различныхъ жизненныхъ путяхъ; но объ этомъ архивъ академическій очень мало или вовсе ничего не дастъ. Вотъ такіе-то матеріалы должны розыскивать и приводить въ извѣстность сами воспитанники академіи, гдѣ-бы кто изъ нихъ ни находился, чтобы подготовить побольше данныхъ для всесторонней исторіи своей Almae matris... И это должно дѣлать тѣмъ скорѣе и настойчивѣе, что представителей первыхъ курсовъ кіевской академіи почти вовсе не осталось. Есть-ли напр. еще въ живыхъ воспитанники перваго курса кіевской академіи, товарищи знаменитаго Иннокентія?! А между тѣмъ личныя воспоминанія воспитанниковъ—это лучшій матеріалъ для исторіи академіи... Но гдѣ эти воспоминанія? кто собиралъ ихъ?... Помнится, вскорѣ послѣ юбилея кіевской академіи, въ 1869 г., уважаемый нашъ библіографъ, С. И. Пономаревъ, котораго теплая душа отзывается на всякое выдающееся жизненное явленіе, не будучи воспитанникомъ кіевской академіи, приглашалъ всѣхъ ея воспитанниковъ собирать матеріалы для ея исторіи и присылать ихъ къ нему [1]). Чѣмъ кончилась попытка почтеннаго библіографа, мы не знаемъ; но тотъ-же юбилей навелъ и насъ на мысль—собирать матеріалы для исторіи кіевской академіи, и до сихъ поръ намъ удалось найти нѣкоторые цѣнные матеріалы, которыми время-отъ времени мы намѣрены дѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

[1]) Ст. *Кіевскія Еп. В.* 1870 г. №№ 5—6-й.

Пріобрѣтеніемъ этихъ матеріаловъ мы обязаны главнымъ образомъ семейству такого лица, о которомъ, по связи предметовъ, приходится сказать здѣсь нѣсколько словъ. Это также одинъ изъ воспитанниковъ кіевской академіи перваго ея курса, Александръ Ивановичъ Бѣлюговъ, товарищъ извѣстнаго проповѣдника Иннокентія. Онъ, по окончаніи академическаго курса въ 1823 г., былъ назначенъ въ Кишиневъ профессоромъ духовной семинаріи по классу физико-математическихъ наукъ, но скоро оставилъ духовно-училищную службу для гражданской. Сначала (въ 1826 г.) онъ поступилъ чиновникомъ въ столь извѣстный изъ біографіи Пушкина попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края и служилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, подъ начальствомъ хранителя и пѣстуна Пушкина, Ивана Никитича Инзова, ставшаго послѣднему *во отца мѣсто,* во время его изгнаннической жизни въ Кишиневѣ. Съ 1840-хъ годовъ Бѣлюговъ служилъ въ бессарабской палатѣ государственныхъ имуществъ, а за упраздненіемъ оной, вышелъ въ отставку и жилъ въ Кишиневѣ, на покоѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, получая пенсію. Умеръ онъ глубокимъ старикомъ въ 1878 г. Семейство Бѣлюговыхъ издавна пользовалось въ Кишиневѣ самымъ искреннимъ уваженіемъ и слыло здѣсь однимъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ. Дочь Бѣлюгова, дѣвица Любовь Александровна, займетъ свѣтлую страницу въ исторіи просвѣщенія Бессарабіи: она первая основала въ Кишиневѣ на свои средства женскую гимназію и повела ее такъ хорошо, что земство взяло ее подъ свое вѣденіе, оставивъ въ ней начальницей Любовь Александровну, и теперь эта гимназія—*земская гимназія.* Смерть Любови Ал. Бѣлюговой (въ 1872 г.) была оплакана не одними ея родителями: на могилѣ ея кишиневское общество поставило памятникъ, а въ основанной ею гимназіи учредило стипендію ея имени. Съ Ал. Ив. Бѣлюговымъ намъ удалось познакомиться, къ сожалѣнію, только за годъ до его смерти. До конца жизни своей онъ интересовался своею родною академіею и въ день ея юбилея въ 1869 г. послалъ ей восторженную привѣтственную телеграмму [1]). Вдова Александра Ивановича, многоуважаемая Вѣра Егоровна, по нашей просьбѣ, передала въ наше распоряженіе письма слѣдующихъ лицъ къ ея мужу: 1) сту-

[1]) См. „*Пятидес. юбилей кіевской д. академіи*“, стр. 332.

дента петербургской духовной академіи *Луки Епифановича*—1818—1821 г., 2) инспектора кіевской академіи, архимандрита (впослѣдствіи архіепископа) *Смарагда*—1824—1825 г., 3) *Ивана Алексѣевича*, въ послѣдствіи *Иннокентія, Борисова*—1820—1825 г., 4) баккалавра кіевской академіи *Якова* (впослѣдствіи епис. *Іустина*) *Михайлова*—1823—1827 г., 5) учителя бѣлогородской семинаріи *Петра Иваницкаго*—1830—1831 г., 6) инспектора калужской д. семинаріи, игумена *Антонія (Жуминскаго)*—1830—1832 г., 7) академика *Юрія Венелина*—1832—1833 г., и 8) подполковника *Бородаевскаго*—1835—1836 г.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ писемъ мы сообщаемъ въ настоящій разъ письма *Иннокентія*, этого первенца кіевской академіи, перваго магистра перваго ея курса. Всѣхъ его писемъ шесть. Три писаны еще во время его студенчества въ кіевской академіи; три другія изъ Петербурга, гдѣ Иннокентій сначала былъ инспекторомъ семинаріи, а потомъ—баккалавромъ академіи. Студенческія письма Борисова показываютъ, что между нимъ и Бѣлюговымъ существовала во время ихъ студенческой жизни самая нѣжная, сердечная дружба. Первое письмо писано изъ *Минска*, куда авторъ ѣздилъ на каникулы 1820 г. Письмо это не представляетъ особаго интереса: въ немъ описывается дорога отъ Кіева до Минска, бывшая не безъ приключеній, рисуются картины береговъ Днѣпра и Березины, по поводу послѣдней вспоминается извѣстный эпизодъ отечественной войны; вообще письмо дышетъ молодымъ, еще пахнущимъ школой, краснорѣчіемъ, но въ немъ уже видѣнъ будущій великій ораторъ и стилистъ. Второе письмо 1821 года, писанное также изъ Минска въ Кіевъ, интересно лишь тѣмъ, что рисуетъ теплое отношеніе автора—студента къ академіи, не смотря на нѣкоторыя неудобства жизни въ ней, зависѣвшія „паче всего *отъ эконома*“... Третье письмо писано въ каникулы 1823 г., значитъ—уже по окончаніи Борисовымъ академич. курса; оно писано изъ Харькова; въ немъ Борисовъ открылся своему другу, что *далъ обѣщаніе поступить въ монашество* и радуется данному обѣщанію. Къ сожалѣнію, отъ этого письма остался только конецъ, а начало опять возвратилось къ автору—уже *Иннокентію*, въ Петербургъ, какъ это узнаемъ мы изъ письма 4-го, писаннаго въ 1824 г. въ Кишиневъ изъ Петербурга, гдѣ авторъ былъ уже инспекторомъ

семинаріи. Поступленіе въ монашество и начавшаяся служебная дѣятельность охладили нѣсколько пылъ дружескихъ чувствъ бывшаго студента Борисова, теперь уже *Иннокентія*, къ его товарищу, и онъ цѣлый годъ не писалъ Бѣлюгову. Бѣлюговъ, вмѣсто того, чтобы самому писать, послалъ Иннокентію первую половину его собственнаго прошлогодняго письма, какъ-бы въ улику измѣны чувствъ со стороны прежняго горячаго друга... Иннокентій понялъ такой пріемъ Бѣлюгова именно какъ слѣдствіе *„любви нѣжной, но раздраженной"*, и вотъ всѣми силами старается увѣрить друга, что онъ *тотъ-же*, преданный ему всѣмъ сердцемъ. Какъ ни задушевно это письмо, но видно, что жизненные интересы прежнихъ друзей разошлись. Для того, повидимому, чтобы опять соединить ихъ, Иннокентій дѣлаетъ тонкій намёкъ другу о поступленіи въ монашество... Пятое письмо послѣдовало скоро за предъидущимъ и было отвѣтомъ на откровенную бесѣду друга, заявившаго о своемъ не желаніи принять монашество. Иннокентій повидимому хвалитъ его за такое рѣшеніе; но въ сущности этотъ отказъ и былъ, вѣроятно, причиной, почему между прежними друзьями уже не могло быть прежнихъ отношеній... У Иннокентія были другіе идеалы... Онъ не безъ удовольствія пишетъ о своихъ связяхъ съ членами синода... Монашество, какъ по всему видно, онъ принялъ по твердо-обдуманному намѣренію, — безъ страха передъ нимъ... Въ этомъ случаѣ онъ совершенно отличенъ отъ другаго своего товарища и земляка *Якова Евдокимовича Михайлова*, впослѣдствіи *Іустина*. Письма этого послѣдняго къ Бѣлюгову, писанныя непосредственно послѣ принятія имъ монашества, полны самаго глубокаго трагизма... Иннокентій—это была натура болѣе крѣпкая, практическая. Шестое и послѣднее письмо писано чрезъ годъ, именно какъ-бы въ доказательство того, что между прежними друзьями разстояніе все болѣе и болѣе увеличивалось, вслѣдствіе установившейся у нихъ неодинаковости первѣйшихъ жизненныхъ интересовъ. На этомъ письмѣ и оборвалась переписка между бывшими задушевнѣйшими друзьями за студенческой скамьей. Между ними не нашлось новыхъ близкихъ точекъ соприкосновенія. Иннокентію хотѣлось имѣть друга, но уже не на почвѣ сердечныхъ отношеній, не на почвѣ прошлаго, юношескаго, а на почвѣ одинаковости стремленій въ будущемъ. На вопросъ Бѣлюгова: здоровъ-ли онъ, Иннокентій, съ понятнымъ

желаніемъ участія, рисуетъ предъ академическимъ товарищемъ состояніе своего *умственнаго* здоровья. Эта страница Иннокентіевскаго письма—есть драгоцѣнное автобіографическое показаніе. Она вводитъ насъ въ самую, такъ сказать, лабораторію тогдашней умственной жизни великаго русскаго богослова—мыслителя и проповѣдника, въ самую глубь его задушевныхъ думъ. Иннокентій въ это время перешелъ уже изъ семинаріи въ петербургскую академію—профессоромъ богословія и всецѣло погрузился въ мыслительную дѣятельность, въ умственное созерцаніе. Его пытливый умъ жаждалъ пищи. Начиная описывать это свое душевное состояніе, эту нравственную свою „скептику", онъ называетъ ее *болѣзнію ума своего;* но въ концѣ концовъ находитъ эту постоянную неудовлетворенность ума, это вѣчное стремленіе его къ истинѣ—самымъ *здоровымъ,* самымъ привлекательнымъ и желательнымъ для себя состояніемъ. Для насъ дорогъ этотъ свѣжій, могучій голосъ въ защиту правъ человѣческаго разума даже въ религіозной области. Правда, въ немъ видно нѣкоторое увлеченіе господствовавшими тогда идеями Шеллинга, какъ сознается и самъ Иннокентій. Но безъ увлеченій въ *процессѣ искапія* истины никогда не можетъ быть неостывающаго, всегда горячаго увлеченія и къ *самой истинѣ,*—положительной, уже найденной, откровенной... Безъ внутренней теоретической борьбы съ самимъ собою, — той борьбы, которую переживалъ Иннокентій и которую онъ описываетъ въ своемъ письмѣ,— безъ этой священной борьбы никогда не выходитъ крѣпкихъ умовъ, плодовитыхъ для человѣчества и церкви Божіей на землѣ. Приверженцы умственнаго застоя въ богословской области, къ которымъ отчасти принадлежалъ и положительный умъ митрополита Евгенія (на это намекаетъ и самъ Иннокентій въ письмѣ своемъ) упрекали Иннокентія въ *неологизмѣ.* Но если-бы въ средѣ властныхъ представителей русской церкви и вообще среди русскихъ богослововъ было побольше такихъ неологовъ, такихъ горячихъ поборниковъ и талантливыхъ работниковъ живой, творческой богословствующей мысли, — тогда не закралась-бы въ нашу церковно-богословскую область эта умственная апатія, эта приниженность, забитость мысли, и богословствующей, и проповѣдующей, это раболѣпство предъ рутиной, это мудрованіе сообразно съ обстоятельствами, „по стихіямъ міра", а не по Христу... Тогда не могло-бы быть противъ нашей

церкви и тѣхъ упрековъ въ недостаткѣ *духа мудрости*, какіе теперь раздаются на страницахъ газеты „Русь". Да, Иннокентій былъ великій геній отечественной церкви!

Помѣщаемыя теперь письма его представляютъ первые проблески его ума, таланта, стиля, краснорѣчія... Впрочемъ приглашаемъ самихъ читателей оцѣнить ихъ интересъ и значеніе.

Л. М.

I

ПИСЬМА ИВАНА АЛЕКСѢЕВИЧА (А ПОСЛѢ ИННОКЕНТІЯ) ВОРИСОВА КЪ А. И. ВѢЛЮГОВУ.

1820—1825 г.

1).

Милой Сашинька!

Исполняя обѣщаніе, пишу къ тебѣ изъ Минска. Не знаю, съ чего начать? Описывать ли то, что я видѣлъ въ дорогѣ, или, не утомляя твоего воображенія бѣгомъ за нашею колесницею, прямо представить предъ него картину Минска. Послѣдняя пріятнѣе, но и перваго нельзя оставить. Наша дорога къ Минску едва не содѣлалась путемъ къ Стиксу, и твой другъ былъ, можетъ быть, на одинъ шагъ отъ Хароновой лодки. Не спрашивай, какъ это могло быть; я самъ горю нетерпѣніемъ разсказать тебѣ сіе. Слушай!—Отъ Кіева до Чернигова мы ѣхали такъ покойно, такъ весело, какъ только можно было намъ желать. Ласковый пріемъ черниговскихъ профессоровъ заставилъ насъ забыть, что мы въ дорогѣ. Отъ Чернигова мы еще имѣли двѣ или три хорошія станціи, доколѣ не свернули съ петербургскаго тракта. Вмѣстѣ съ нимъ удалялось отъ насъ спокойствіе. Дорога наша длинными песчаными отлогостями вела насъ къ Днѣпру.[1]) Днѣпръ здѣсь совсѣмъ не тотъ, что въ Кіевѣ. Утесистые, покрытые дремучимъ лѣсомъ и пескомъ берега издали грозятъ путнику. Необыкновенный разливъ воды придавалъ ужаса картинѣ. Между тѣмъ мы переправились благополучно, ѣхавъ паромомъ около 5 верстъ по

---

[1]) Въ подлинникѣ вездѣ пишется *Днепръ* чрезъ е.

большой дорогѣ. Слѣдующія станціи стоятъ всѣ на правомъ берегу Днѣпра. Какіе виды! Неопытные, мы любовались ими, незная, что насъ окружаютъ тысячи опасностей, изъ коихъ каждая можетъ быть гибельною. Такъ мы начали думать, когда на одной изъ станцій разсказали намъ, что шайка разбойниковъ, составившаяся въ продолженіи 1812, 13 и 14 годовъ, и доселѣ ограничивавшаяся нападеніемъ на однихъ беззащитныхъ, нынѣ съ ужаснымъ остервененіемъ грабитъ и разбиваетъ самыя почты. Сіи разсказы насъ смутили: но мы немного поуспокоились, когда Днѣпръ, теперь уже непріятный спутникъ—началъ отходить отъ нашей дороги. Спокойствіе сіе продолжалось не долго. Предъ нами, какъ предъ богатырями въ сказкѣ, опять рѣка Березинъ.[1]) Она не болѣе Десны, но ужаснѣе Днѣпра. Берега ея, особенно правой крутъ, лѣсистъ, дикъ и неприступенъ. Намъ надобно было ѣхать около 40 верстъ по ея берегу: но мы рѣшились тутъ же переправиться чрезъ нее, промѣнявъ почтовую дорогу на проселочную. Краткость пути и то, что послѣдняя была нарочно дѣлана для Государя, насъ соблазнили. Переѣздъ состоитъ изъ 40 верстъ, а мы при самомъ началѣ осмеркли. Я не суевѣръ: но желаю разсказать вамъ случай, встрѣтившійся намъ при переправѣ чрезъ Березинъ. Переправившись, начали впрягать лошадей: одна изъ нихъ, вырвавшись изъ рукъ ямщика, ушла въ воду и поплыла назадъ. Тремя лодками едва могли ее воротить. Можетъ быть, это было случайнымъ слѣдствіемъ упрямства сего животнаго: только послѣдующее показало, что это можно было почесть предвѣстіемъ. Мы ѣхали около 4 часовъ по берегу. Глубокіе пески, казалось, тянули назадъ нашихъ тощихъ коней. Унылый звонъ колокольчика умножалъ меланхолію; мы, какъ бы предчувствуя угрожающее намъ нещастіе, сидѣли молча, утѣшаясь тою мыслію, что удаляемся, какъ казалось, отъ береговъ Березина, на которые мы не могли взирать безъ ужаса. Вдругъ лѣсъ, насъ окружавшій, уступаетъ нашимъ взорамъ, мы видимъ себя на высокой горѣ, между двумя рѣками—Березиномъ и Днѣпромъ. Тѣни набережныхъ деревъ, отражаясь въ зеркальныхъ пучинахъ сихъ рѣкъ, кажется, стерегли сіе ужасное мѣсто. Одинъ видъ, при полночной тишинѣ, могъ устрашить безстрашнаго. Таковъ театръ нашей

---

[1]) Авторъ употребляетъ это имя въ мужескомъ родѣ: *Березинъ*, хотя ниже переходитъ и въ женское *Березина*.

опасности: вотъ она! Едва успѣли мы достигнуть средины сего ужаснаго мѣста, вдругъ сзади насъ раздается свистъ; изъ стремнины, прилегающей къ Днѣпру, выбѣгаетъ тройка и во весь опоръ скачетъ за нами! Я не могу описать вамъ того, что мы тогда чувствовали, пусть ваше воображеніе дополнитъ сіе. Скажу только, что сабля, вооружась коею я считалъ себя неприступнымъ, теперь выпала изъ моихъ рукъ. Едва-ли не таже участь постигла пистолетъ въ рукахъ Александра Андреевича. [1]) Опомнившись отъ страха, мы всѣ трое принялись гнать лошадей, и быстротѣ ихъ ногъ обязаны тѣмъ, что злодѣи, видя невозможность догнать, свернули въ бездну, изъ которой выбѣгли. Одна опасность миновалась: но кто могъ увѣрить насъ, что другая, ей подобная, не ожидаетъ на пути? Таковые расчеты заставили насъ, немедля, искать скораго убѣжища, которымъ содѣлалась лежащая въ сторонѣ деревня. Здѣсь бутылка добраго вина подкрѣпила наше малодушіе, и мы предались мечтаніямъ о случившемся съ нами. Что, естьлибы наши враги выбѣгли намъ на встрѣчу? Намъ не миновать-бы ихъ рукъ. Можетъ быть, сія ночь была бы послѣднею, и пучины Днѣпра служили бы для насъ могилою. Въ сихъ мрачныхъ мысляхъ мы продолжали путь, столь-же ужасный по мѣстоположенію. Приближаясь къ Бобруйской крѣпости, мы встрѣчены были новостію, увеличившею и оправдавшею наши опасенія. 10 человѣкъ изъ каторжныхъ работниковъ, коихъ присылаютъ въ сію крѣпость, ушли. Такихъ людей единственное убѣжище лѣсъ, а занятіе разбои, а мы путники: какъ же не бояться?—Въ семъ страхѣ достигли мы до Бобруйска. Сію крѣпость называютъ щитомъ средней Россіи. По сему не излишне будетъ сказать о ней нѣсколько словъ. Она стоитъ на правомъ берегу Березина, и съ сей стороны кажется неприступна. Съ другой—ограждена валами земляными, точно такъ, какъ печерская. Только она пространнѣе печерской; а теперь еще распространяется вверхъ по теченію рѣки на версту. Внутренность крѣпости наполнена каменными, огромными и прекрасными зданіями. Онѣ всѣ казенныя. Обыватели живутъ въ форштатахъ, которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ крѣпость,

---

[1]) Кто былъ этотъ *Александръ Андреевичъ*? Въ одномъ письмѣ изъ Петербурга Иннокентій тоже вспоминаетъ его, уже какъ живущаго въ Петербургѣ, и называетъ его своимъ единственнымъ другомъ.—Мы склоняемся думать, что это былъ *Александръ А. Максимовичъ*, бывшій баккалавромъ кіевской академіи, а затѣмъ переѣхавшій въ Петербургъ на гражданскую службу.

разстояніемъ отъ нея на 1 версту. Въ сихъ форштатахъ стояла осадная французская армія, и по долговременномъ, безуспѣшномъ усиліи, принуждена была отступить. Отъ Бобруйска оставалось намъ еще 180 верстъ пути. Березинъ, кажется, преслѣдовалъ насъ. Мы ѣхали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на одинъ сажень отъ воды. Мѣсто перехода французской арміи, которое по разчетамъ нашихъ полководцевъ должно было послужить для нея общею могилою, и которое въ самомъ дѣлѣ содѣлалось такою для третьей части его (sic!) многочисленнаго войска, удовлетворяя нашему любопытству, ослабило, естьли не изгнало нашъ страхъ. Березина воды, кажется, совершенно забыли громъ войны, на нихъ раздававшійся. Едвали какая рѣка сравнится съ нею въ тихости теченія. Берега ея вообще унылы, дики и покрыты дремучими лѣсами. Они-то затрудняли болѣе переходъ для Наполеона, который безпрепятственно перешагивалъ Рейнъ, Ельбу, Гвадалквивиръ – въ сравненіи съ Березиной великаны. На семъ мѣстѣ нѣтъ никакого памятника, и, безъ указанія, трудно его узнать. Уже три года Березинъ разливается въ необыкновенной степени —какъ бы желая обмыть берега свои, упоенные кровью убитыхъ. Съ умиленіемъ мы проѣхали сіе мѣсто. Березина ушла отъ насъ въ право. Одинъ лѣсъ остался неотлучнымъ спутникомъ нашимъ до самаго Минска. Около 500 верстъ проѣхать лѣсомъ, нигдѣ не прерывающимся, всегда густымъ, не рѣдко занимающимъ самую дорогу—это составляетъ разительный контрастъ съ россійскими дорогами, гдѣ видишь себя непрестанно окруженнымъ желтѣющимися нивами, и ожидаешь лѣса, какъ пріятной защиты отъ палящаго солнца. Наконецъ, сквозь тысячи опасеній, мнимыхъ и дѣйствительныхъ страховъ, добрались мы до Минска, тому уже двѣ недѣли. Ласковый пріемъ заставляетъ забыть всѣ непріятности дороги. Городъ довольно хорошій, особенно садъ общественный. Онъ едвали не превосходитъ кіевскаго—разнообразностію. Жидовъ здѣсь столько, сколько ихъ нѣтъ во всѣхъ *нашихъ* губерніяхъ. Въ шабашъ городъ кажется пустынею. Каждый жидъ есть живая лавка. Вамъ стоитъ только сказать ему слово: и все, что угодно, предъ глазами. Мы имѣли довольно случаевъ видѣть ихъ услужливость и способность обманывать. Но для васъ это не новость. Приближающійся конецъ бумаги напоминаетъ о окончаніи письма: но заключить жидами не пріятно. Скажу еще нѣчто о себѣ. 7 или 8 мы примемъ обратный путь;—опять вступимъ въ длинную аллею опасностей. Представленіе ихъ такъ пугаетъ мое воображе-

ніе, что я желалъ бы не выѣзжать изъ Кіева. Естьли щастливо достигнемъ нашихъ пенатовъ; то вмѣстѣ съ тобою воскурю имъ ѳиміамъ; естьли-же.... воспоминаніе друга есть единственная жертва, коей я отъ тебя требую. До свиданія!—Цѣлую тебя.

Тебя любящій студентъ Борисовъ.

1820. Августа 3.

Моимъ любезнымъ номерантамъ засвидѣтельствуйте мое почитаніе. Ульяну Петровичу[1]) я имѣлъ намѣреніе писать особенно; но краткость времени, доказательствомъ и выраженіемъ коей служитъ сіе письмо, не допустили меня его исполнить. Дайте ему прочесть сіе письмо—а болѣе никому. Онъ добрый человѣкъ и искренній другъ.

Прощай, Сашичька!

2.

Любезный другъ!
Александръ Ивановичъ!

Пишу къ тебѣ не для того, чтобы занять тебя письмомъ симъ, но единственно въ томъ намѣреніи, чтобы исполнить данное при отъѣздѣ обѣщаніе писать къ тебѣ. А по сему не стану описывать того, что случалось съ нами въ дорогѣ, ни того, что мы видѣли въ Слуцкѣ, хотя то и другое стоило-бы Донкишотовыхъ мѣльницъ. Скажу только, что мы такую щастливую дорогу имѣли до Слуцка, что желали-бы и теперь найти ее такового-же. Равнымъ образомъ въ Слуцкѣ семинарскіе экзамены заняли насъ такъ хорошо, что мы и не видѣли, какъ протекла цѣлая недѣля. Какъ пріятно и легко испытывать другихъ, и какъ трудно и скучно самому быть испытываему! Въ Минскѣ живемъ мы, кажется, болѣе двухъ недѣль; и думаемъ скоро выѣхать. Въ Кіевъ, естьли не будетъ задержекъ на дорогѣ, надѣемся прибыть, по крайней мѣрѣ, къ 15 августа. Какъ ни хорошо, говорятъ, въ гостяхъ, но дома лучше. Мы истину сей пословицы теперь испытываемъ на себѣ. Кажется-бы—не къ чему спѣшить въ Кіевъ—за дубовые столы, подъ визгъ колокольчика, а паче

---

[1]) Ульянъ Петровичъ *Пѣшковскій*—товарищъ Борисова и Бѣлюгова, поступившій въ академію изъ *послушниковъ*. Онъ вышелъ изъ академіи, не окончивши курса; куда,—не знаемъ.

подъ благотворительную протекцію отца эконома: между тѣмъ я сейчасъ желалъ бы перенестись въ вашъ кругъ и сѣсть съ вами за бранныя скатерти академическія. Вѣрно, опасности дорожныя тревожатъ тебя,—скажешь ты. Правда, онѣ стоютъ того, чтобы объ нихъ позаботиться, а паче съ моимъ живымъ воображеніемъ, которое привыкло черное рисовать втрое чернѣйшимъ. Впрочемъ, на меня и то уже много наводитъ скуки, что я—не въ своемъ кругѣ, то есть академическомъ: онъ, при всѣхъ невыгодахъ, въ моихъ глазахъ имѣетъ какую-то особенную прелесть.

Я полагаю, что ко мнѣ есть письма, или отъ брата или отъ домашнихъ. Даю вамъ полное право ихъ взять и распечатать. Полагаю также, хотя не на вѣрное, что можетъ быть кто-либо изъ родныхъ, какъ они обѣщались въ письмѣ, пріѣдетъ въ Кіевъ на богомолье. Не нашедъ меня въ академіи и думая, что я не скоро пріѣду, онѣ могутъ рѣшиться на обратный путь, не дожидаясь меня. И такъ вы, естьли то нужно будетъ, постарайтесь увѣрить, что я скоро возвращусь.

Любящій тебя другъ Ив. Борисовъ.

1821, іюля 30 дня.

Приложенную при семъ записку доставьте Ульяну Петровичу. P.S. Моимъ любезнымъ землякамъ и Захару Ивановичу[1]) поклонитесь отъ меня.

3.[2])

....Всѣмъ господамъ сономерантамъ засвидѣтельствуйте отъ меня глубочайшее почтеніе.

Будь веселъ, милой Сашинька, будь веселъ до моего пріѣзда. Какъ жаль, что намъ доведется прожить вмѣстѣ съ тобою не болѣе полмѣсяца. По крайней мѣрѣ мы успѣемъ снова сблизить наши сердца, такъ что онѣ не разрознятся до послѣднихъ предѣловъ нашей жизни.

Я не сказалъ тебѣ, Саничька! что я далъ обѣщаніе поступить въ монашество. Я думалъ, что, увидѣвъ свѣтъ, пожалѣю о семъ. А теперь, увидѣвъ его, радуюсь. Прощай. Цѣлую тебя сто разъ. Кланяйся отъ меня всѣмъ знакомымъ. Естьли долго проживу здѣсь, то буду писать еще.

---

[1]) Товарищъ—Захаръ Ивановичъ *Трояновскій*.

[2]) Отъ этого письма сохранился только *конецъ*—по причинѣ, которую мы изложили выше—въ предварительной замѣткѣ.

4.

Санктпетербургъ. 1824 г., августа 17 дня.

Твердо вѣрю, любезный Александръ Ивановичъ, что между *нашими* сердцами существуетъ какое-то непостижимое сострастіе, хотя не могу объяснить, въ чемъ именно оно состоитъ и отъ чего происходитъ. За недѣлю предъ тѣмъ, какъ я получилъ отъ васъ письмо, у меня родилась непреодолимая охота писать къ вамъ. Только мое отсутствіе (я былъ въ Сергіевой пустынѣ) [1]) было причиною того, что я не осуществилъ моего желанія на самомъ дѣлѣ. Можетъ быть, уединеніе пустынной, при морѣ лежащей обители, заставившее невольно воспомянуть о всемъ прошедшемъ, миломъ для сердца;—можетъ быть, возвращеніе того времени года, въ которое я, бывши въ Харьковѣ, мечталъ о васъ,—можетъ быть, возвращеніе сердца въ то состояніе, въ которомъ я любилъ находить успокоеніе въ васъ;—можетъ быть и другое что... только сдѣлало то, что мое сердце почитало необходимостію излиться предъ вами въ своихъ чувствованіяхъ. Какъ досадовалъ я на медленность нашего возврата въ городъ тогда, когда всѣ скучали его скоростію! — Пріѣзжаю — и первый предметъ, представившійся моему взору, было полдюжины писемъ, лежащихъ на моемъ учебномъ столѣ. Вы не можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ, пробѣгая адресы, я замѣтилъ между ими новый, хотѣлъ сказать—неизвѣстный, нѣтъ! извѣстный, сократъ извѣстный почеркъ вашъ. Сердце мое такъ забилось при семъ случаѣ, какъ-бы я долженъ былъ тотчасъ итти къ отвѣту. Но оно еще сильнѣе забилось, когда со всѣмъ нетерпѣніемъ разпечатавъ письмо ваше, я нашелъ пустой полистъ, мало того пустой, наполненной такою колкою матеріею, каково должно быть для меня мое рукописаніе. Признаюсь, такъ писать свойственно только любви, любви нѣжной, но раздраженной, такой, какова ваша. Чѣмъ могъ-бы я оправдываться противъ себя самого? развѣ новою виною. Не хочу, раздраженный собственнымъ проступкомъ, даже осуждать себя. И судъ и осужденіе себѣ предоставляю вашей любви, той любви, которая умѣетъ цѣнить и вину и виновнаго. Болѣе говорить о семъ значило-бы не довѣрять ни себѣ, ни вамъ. Все, что я могу сказать въ семъ отно-

[1]) *Троицко-Сергіева пустыня*—въ 10-ти верстахъ отъ Петергофа. Основана въ 1734 г.

шеніи, состоитъ въ томъ, что я готовъ загладить мою вину чѣмъ вамъ угодно.

Изъ всего сказаннаго мною (какъ оно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что я чувствую!) вы видите, что ваше время молчанія должно уступить времени глаголанія. Говорите, говорите, любезный Александръ Ивановичъ, все, что вамъ будетъ диктовать ваше сердце. Я весь для васъ ухо. Самъ не начинаю, и не могу начинать бесѣды съ вами потому, что для ней нуженъ будетъ не малый лоскутокъ бумаги, а цѣлая жизнь. Теперь хочу только увѣрить васъ, что я тотъ-же преданный вамъ всѣмъ сердцемъ, коего видали вы въ извѣстныя, незабытыя для меня, и можетъ быть для васъ минуты нашего сердечнаго уединенія или лучше сказать единства. Опишите все, что почтете нужнымъ раздѣлить съ тѣмъ, который почитаетъ васъ принадлежащимъ къ собственному своему существу. Я не замедлю отвѣчать вамъ тою же искренностію, тѣмъ же раздѣломъ съ вами *себя самого*.

Вашъ Иннокентій.

P.S. Что за восклицаніе съ словами: китайская миссія?

Я слышалъ, что вы намѣрены поступить въ монашество. Увѣдомте подробнѣе о семъ намѣреніи. Я хочу и долженъ вамъ сообщить многое касательно сего...

Василію Григорьевичу [1]) засвидѣтельствуйте мое искреннѣйшее и усерднѣйшее почтеніе. Я всегда вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ.

Увѣдомте, чѣмъ кончились и кончились-ли ваши несогласія съ ректоромъ? [2])

5.

Санктпетербургъ. 1824. Сентября 26 дня.

Не вамъ однимъ, любезный Александръ Ивановичъ, не нравится новое мое имя, и со мною бываютъ минуты, когда я охотно бы промѣнялъ его на другое—прежнее. Но что дѣлать? Въ мірѣ много такихъ именъ, кои не по людямъ, ихъ носящимъ, или лучше—много такихъ людей, кои не по именамъ, которые они носятъ. Я почитаю себя въ числѣ первыхъ изъ сихъ людей. Не-

---

[1]) Вас. Гр. *Левчановскій* —товарищъ, поступившій вмѣстѣ съ Бѣлюговымъ профессоромъ въ кишин. семинарію.

[2]) Ректоромъ кишиневской семинаріи былъ въ то время извѣстный *Ириней Нестеровичъ*.

винность, выражаемая моимъ наименованіемъ, такъ далеко отъ меня, какъ востокъ отъ запада; только Тотъ, Кто удаляетъ отъ насъ въ такой-же мѣрѣ беззаконія наша, можетъ приблизить его ко мнѣ, — и тогда имя вѣрно столько-же бы понравилося вамъ, сколько, хотѣлъ было сказать, нравится именуемый,—теперь по видимому не нравится. Для успокоенія васъ довольно, что я въ отношеніи къ вамъ тотъ-же самый, какимъ вы нѣкогда меня видѣли, и признаюсь, что прежнее наименованіе, вами возобновленное, пробудило въ моей душѣ много такихъ чувствъ, какихъ давно въ ней не бывало, и какихъ я желалъ-бы имѣть гораздо чаще. Ахъ! Любезный Сашинька! для чего мы не всегда остаемся въ томъ возрастѣ, въ коемъ живемъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ? Для чего намъ суждено проходить хладное училище опыта? — Но приговоры судьбы не отвратимы; будемъ повиноваться имъ и хладность настоящаго согрѣвать воспоминаніемъ прошедшаго.

Вы любопытствуете знать, что происходитъ со мною? Ничего необыкновеннаго. Живу, учу, учуся, исправляю, исправляюся,—и только. Друзей не имѣю, исключая Александра Андреича, и не надѣюсь скоро имѣть. Знакомыхъ довольно. Съ академистами ладимъ. Преосвящ. *Григорій* [1]) ко мнѣ весьма расположенъ, по крайней мѣрѣ такимъ кажется. Преосв. *Серафимъ*[2]) такъ-же, какъ я слышалъ, смотритъ на меня хорошо. Члены синода всѣ меня знаютъ; съ преосв. Іоною *у насъ* старая связь, еще сѣвская [3]). Вотъ вамъ и описаніе моихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Внутреннія я и самъ не совсѣмъ знаю. Непрестанныя развлеченія ужасно какъ разсѣваютъ. Одно утѣшеніе, что это развлеченіе должности, а не прихоти. Съ семинаріею своею, сколько можно судить, мы въ мирѣ; въ семинаристахъ нахожу къ себѣ и любовь и почтеніе, а это на моемъ мѣстѣ всего важнѣе [4]). Главное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ доставляютъ книги, коихъ я досталъ и достаю посредствомъ здѣшнихъ книго-

---

[1]) *Григорій Постниковъ* — епископъ ревельскій, тогдашній ректоръ с.-петербургской дух. академіи, впослѣдствіи петербургскій митрополитъ.

[2]) *Серафимъ* — тогдашній митрополитъ с.-петербургскій.

[3]) *Іона Павинскій* — архіепископъ тверской;—во время ученія Иннокентія въ орловской семинаріи, онъ былъ епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ. Послѣ переведенъ въ Казань.

[4]) Иннокентій былъ въ это время инспекторомъ с.-петербургск. семинаріи.

продавцовъ изъ Германіи Но пристрастіе къ нимъ сопровождается новою невыгодою; отъ сей покупки я такъ сдѣлался, не смотря на значительное жалованье, нищъ, какъ вы только можете вообразить.

Благодарю васъ, что вамъ понравились разсужденія въ нашихъ „Опытахъ“[1]). Только онѣ не всѣ мои; среднее „о совѣсти“ принадлежитъ Василію Яковлевичу[2]), и мнѣ, также какъ и вамъ, очень нравится. Жаль, что по окончаніи курса не выдали поправить. А болѣе жаль, что въ нихъ вкралось множество типографскихъ ошибокъ. При семъ случаѣ не могу не замѣтить, какъ люди вездѣ ищутъ своихъ-си. Безъ сомнѣнія, корректорами были наши товарищи-сочинители. Въ ихъ сочиненіяхъ нахожу почти все исправленнымъ; въ моихъ, на каждомъ пунктѣ, встрѣчаются грубыя погрѣшности, отъ коихъ иногда происходитъ безсмыслица.

Въ Христіанскомъ Чтеніи дѣйствительно я участвую по силамъ. Статьи о бытіи Божіемъ*) и нѣкоторыя другія принадлежатъ мнѣ. Но я это говорю только для васъ; ибо хвастать такими бездѣлками стыдно.

Ректору вашему, по всей вѣроятности, здѣсь будетъ очень хорошо[3]). Преосвященный Димитрій[4]), безъ сомнѣнія, будетъ его и правою и лѣвою рукою. А съ такими руками много можно подѣлать. Касательно его будущаго преображенія предъ нами—вѣрю, ибо случалось уже видѣть здѣсь подобныя преображенія.

Вы почитаете пустыми происходившія у васъ размолвки. Нѣтъ, онѣ не совсѣмъ-то пусты. Объ нихъ писано было къ преосв. Димитрію, а отъ него перешло и къ преосв. Григорію. Только

---

[1]) Разумѣется книга: *„Собраніе опытовъ студентовъ Кіевской Академіи перваго курса“*.

[2]) Вас. Як. *Орловъ*—товарищъ—остался въ академіи кіевской баккалавромъ. Аскоченскій въ своей „Исторіи Кіевской Академіи“ тоже приписалъ разсужденіе *о совѣсти* Борисову.

*) *Христ. Чтеніе*—1824. XIII, 144.

[3]) Архимандрить *Ириней* былъ тогда вызванъ въ С.-Пет. „на чреду“ и посвященъ послѣ въ епископы.

[4]) Это архіепископъ кишиневскій *Димитрій Сулима*. Онъ тогда присутствовалъ въ св. синодѣ. Онъ издавна былъ покровителемъ *Иринея*, какъ своего родственника.

добродушіе преосв. Димитрія сдѣлало ихъ пустыми. Впрочемъ это буди сказано для однихъ васъ.

Весьма хорошо вы сдѣлали, что отложили свое монашество. Время еще не уйдетъ, а между тѣмъ вы можете получше разсмотрѣть себя. Объ этомъ предметѣ мы съ вами поговоримъ въ послѣдствіи по-подробнѣе. Только прошу васъ, не увѣдомивши меня, не подавать просьбы.

Пишете ли вы въ Кіевъ и къ кому? У меня тамъ преисправный корреспондентъ Иванъ Дмитріевичъ[1]). Часто пишетъ и о. Смарагдъ. Прочихъ товарищей и я готовъ вмѣстѣ съ вами назвать спѣсивыми. Отвѣчая на ихъ письма, я даже просилъ ихъ писать; между тѣмъ до сихъ поръ не вижу ни пол-слова. Съ Михаиломъ Васильевичемъ[2]) мы напротивъ постоянно переписываемся. Любезная душа!

Столица наша по отъѣздѣ Государя какъ тѣло безъ души. Съ возвращеніемъ его будутъ представлены кандидаты на казанскую архіепископію. Думаютъ, что она достанется калужскому Филарету[3])

За секретъ: не пишетъ-ли чего обо мнѣ—есть-ли только и къ нему пишетъ—о. инспекторъ академіи къ Василію Григорьевичу?[4]) Естьли можете знать, то увѣдомте меня. Для меня это нужно по нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ вы узнаете послѣ.

По просьбѣ моей взятъ въ здѣшнюю академію недавно одинъ изъ прежнихъ моихъ товарищей семинарскихъ—Иродіонъ Ивановичъ Соловьевъ,[5]) взятъ изъ одного монастыря, въ которомъ онъ заключилъ было себя послѣ своего учительства послушникомъ.

6.

Санктпетербургъ, 1825. Іюня 10 дня.

Получивъ, любезный Сашинька, письмо твое, я долженъ былъ стыдиться самъ себя. Не смотря на краткость его, оно внятно

---

[1]) Ив. Дм. *Грузинъ*, товарищъ Иннокентія, оставленъ при академіи бакалавромъ. Но скоро вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Карпомъ*, тоже бакалавромъ, должны были оставить академію по настояніямъ митр. Евгенія.

[2]) Тоже по службѣ и землякъ—М. В. *Филипповъ*.

[3]) Досталась она упомянутому выше архіеп. *Іонѣ Павинскому*; а *Филаретъ Амфитеатровъ* (впослѣдствіи митр. кіевскій) получилъ Казань только по смерти Іоны—въ 1828 г.

[4]) Т. е. архим. *Смарагдъ* къ В. Т. *Левчановскому*.

[5]) Это впослѣдствіи столь извѣстный Кіеву ректоръ семинаріи и академіи архим. *Іеремія*, послѣ викарій кіевскій. Иннокентій ему покровительствовалъ съ начала до конца. Назначенный ректоромъ кіевской академіи, Иннокентій привезъ съ собою *Іеремію* инспекторомъ ея.

говорило мнѣ, что я премного виноватъ предъ вами. Такъ! я слишкомъ даже виноватъ. Напрасно бы я сталъ искать извиненія для себя въ занятіяхъ и другихъ мѣлочахъ. Онѣ извинили-бы меня предъ всякимъ, но не предъ вами. Хотя-бы я съ Августомъ управлялъ всею вселенною, и тогда, не пиша къ вамъ, былъ-бы не извинителенъ. Вотъ какъ я думаю!

Вы желаете знать по крайней мѣрѣ, здоровъ-ли я? Чувствую всю цѣну сего желанія и тѣмъ болѣе стыжусь. Здоровъ для тебя, любезный Сашинька, мало—здоровъ, безсмертенъ. Повѣришь-ли? — Одна изъ главныхъ причинъ, почему я не писалъ къ тебѣ, состоитъ въ томъ, что я могу не писать къ тебѣ долго, не опасаясь однакоже, чтобы ты осердился на меня. Къ другимъ въ семъ отношеніи я бываю аккуратнѣе. Значитъ, я злоупотребляю твоимъ дружескимъ терпѣніемъ?—Такъ!—И когда я не злоупотреблялъ имъ? припомни! — Чувствую, что въ семъ случаѣ виноватый (я) нападаетъ на праваго (на себя): но что дѣлать? Развѣ не такъ бываетъ въ мірѣ человѣческомъ? — А мы развѣ не въ немъ? Будемъ говорить о томъ, что дѣлается; ибо мы иногда дѣлаемъ и то, о чемъ и не говоримъ.

Вашъ вопросъ: здоровъ-ли я—заключаетъ въ себѣ множество вопросовъ. Есть-ли слушать даже обыкновенныхъ моралистовъ, то уже должно допустить два рода здоровья, тѣлесное и душевное. Но душа, по ихъ-же суду, слагается изъ ума и воли.

И такъ, здоровъ-ли я по уму?—Крайне не здоровъ. Вы знаете изъ обращенья со мною, что природа дала мнѣ пытливый умъ, который съ продолженіемъ времени сдѣлался еще пытливѣе. Сами можете судить, можно-ли быть здоровымъ, находясь подъ вліяніемъ безпокойнаго духа пытливости. Ахъ, любезнѣйшій Сашинька, для чего мы, люди, поставлены въ прискорбную необходимость давать самимъ себѣ отчетъ во всемъ томъ, что существуетъ, тогда какъ все существующее—и мы сами для себя—неразрѣшимая проблема! — Я говорю: неразрѣшимая! Ибо кто разрѣшитъ ее? И есть-ли надежда, чтобы кто разрѣшилъ? Что сказали въ разрѣшеніе ея великіе умы древняго и новаго міра?—Гдѣ-же искать успокоенія? Въ откровеніи. Такъ! Здѣсь успокоивается смиренное сердце, но бѣглый умъ? — Онъ равно невнятенъ, находится-ли въ училищѣ великаго откровенія—міра, или малаго—библіи. Тѣже недоумѣнія, которыя колебали его въ первомъ, срѣтятъ и во второмъ. Откровеніе дано для сердца, а не для ума, по крайней мѣрѣ не для ума философствующаго, или

что тоже—недовольнаго самимъ собою. Что-же дѣлать? Отказаться отъ умозрѣнія *безсердаго* ума и предаться *чаяніямъ* умнаго сердца?—Такъ присовѣтовалъ роду человѣческому мудрецъ кенигсбергскій. Но каково слѣдовать сему совѣту? Не тоже-ли, что выколоть себѣ глаза потому, что, смотря на предметы, можно спотыкнуться,—и взяться за посохъ—въ надеждѣ, что онъ предохранитъ отъ паденія? — Нѣтъ! Естьли человѣку суждено на сей землѣ не видѣть истины—такой, которая могла-бы успокоить его умъ, то я всегда лучше соглашусь съ Шеллингомъ теряться въ *безконечномъ*, нежели съ Кантомъ и ему подобными быть запертымъ, подобно птицѣ, въ клѣткѣ категорій и другихъ формъ.

Прости, любезный Сашинька, что я вдался въ такія мечты. Отъ избытка сердца невольно глаголютъ уста. Чувствую, что сей избытокъ хуже скудости иной. Но что дѣлать? Sic nati sumus!

Вы адресовались ко мнѣ — въ семинарію. Но я въ концѣ прошедшаго года оставилъ оную и баккалаврствую въ здѣшней академіи—по богословію. Къ нещастію моему, досталось мнѣ заниматься такою частію, которая еще болѣе разогрѣла во мнѣ охоту къ скептикѣ—полемикою. Слава Богу, что теперь я развязался съ сею скучною наукою. Писать на водѣ, или какъ говорили латиняне—laterem candidum navare [1]),—непріятно.

Съ 25 прошедшаго мѣсяца у насъ началось испытаніе и теперь продолжается. Ревизоромъ нашъ-же преосв. Григорій. Въ коммисіи духовныхъ училищъ давно идутъ совѣщанія касательно новаго преобразованія духовныхъ училищъ. Предполагаютъ перемѣнить многое. Вообще кругъ наукъ думаютъ сократить и понизить. Но дѣломъ!—Мы слишкомъ просвѣщены!—Думаютъ перемѣнить магистерскіе кресты, сдѣлать новыя правила для испытанія студентовъ, не вдругъ по выходѣ изъ академіи давать пенсію—и тому подобное.

Преосв. Евгеній [2]) ко мнѣ довольно благосклоненъ. Я часто ѣзжу къ нему; служу съ нимъ и обѣдаю у него. Онъ благорасположенъ къ ученымъ; но ученіе наше кажется ему подозрительнымъ.

---

[1]) *Laterem candidum navare* — дѣлать кирпичъ бѣлымъ—или просто: *laterem lavare*—мыть кирпичъ—значитъ: *терять время напрасно, по пусту трудиться.*

[2]) Митр. кіевскій *Евгеній* тогда присутствовалъ въ св. синодѣ. Между прочимъ и онъ принималъ участіе въ вышеупомянутыхъ гоненіяхъ на духовное просвѣщеніе.

Отецъ Иринеи вашъ находится, кажется, подъ крестомъ, который присталъ къ нему болѣе Владиміра и Анны. Впрочемъ, не теряетъ надежды. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь *вытерпитъ* [1]).

Satis! Время итти на испытаніе.—Пиши чаще!

Странный случай!—письмецо сіе, которое я не думалъ никогда снова видѣть, опять въ моихъ рукахъ! Гг. почтмейстеры здѣшніе не разобрали, въ Кишиневъ-ли я посылаю его, или въ Кашинъ,—и оно воротилось. Что-жъ мнѣ еще сказать вамъ? Да, вы когда-то просили извѣщать васъ о Христ. Чтеніи. Оно окончится совершенно съ настоящимъ годомъ. Sic aetas tulit! Въ семъ году я помѣстилъ въ немъ своего *Кипріана — жизнь и его сочиненія. Покайтеся.* Думаю помѣстить, если пропуститъ цензура, *жизнь и характеръ апостола Павла.* Можетъ быть, рѣшусь отдать на жертву публики и нѣкоторыя проповѣди.

Tuus usque ad cineres [2]).

Василію Григорьевичу — почтеннѣйшему — усердное мое почтеніе.

(Помѣта Бѣлюгова: *получ. 20 іюня*).

---

[1]) Дѣйствительно, *Иринеи* не скоро получилъ епископство, только въ 1826 г., а между тѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ еще въ 1824 г.—Назначенъ былъ въ Пензу.

[2]) То есть: *твой до гроба.*

Описаніе бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 году.[1])

Не смотря на относительно важное значеніе въ исторіи южно-русскаго края крестьянскаго волненія, разразившагося въ 1768 году такъ называемою «Коліивщиною», событіе это пока мало изслѣдовано и количество изданныхъ, поясняющихъ его историческихъ матеріаловъ весьма скудно. До настоящаго времени приведены въ извѣстность лишь нѣсколько разрозненныхъ документовъ, напечатанныхъ спорадически въ разнородныхъ повременныхъ изданіяхъ, нѣсколько народныхъ пѣсень, нашедшихъ мѣсто въ этнографическихъ сборникахъ и, наконецъ, нѣсколько польскихъ мемуаровъ, представляющихъ пока самый связный и цѣльный, хотя конечно односторонній матеріалъ, такъ какъ составители, принадлежа къ заинтересованной и сильно пострадавшей сторонѣ, могли смотрѣть на данное событіе только съ точки зрѣнія исключительно субъективной. Изданные по нынѣ польскіе мемуары, числомъ пять, слѣдующіе:

1., *Липомана*. Бунтъ Гонты и Желѣзняка.
2., Павла *Младановича*. Уманская рѣзня.
3., *Тучапскаго*. Краткое описаніе уманской рѣзни.
4., Элеоноры *Кребсъ*. Автентическое описаніе уманской рѣзни.
5., Адама *Мощинскаго*. Записки, относящіяся къ польской исторіи за время королей Августа III и Станислава Августа.

Всѣ пять мемуаровъ изданы въ Познани; первые три въ 1851 году отдѣльною книжкою, записки Кребсъ также отдѣльною брошюрою еще въ 1840 году, наконецъ записки Мощинскаго въ 1863 году. Изъ нихъ въ переводѣ на русскій языкъ извѣстны только два: Тучапскаго (переводъ помѣщенъ въ приложеніи къ сочиненію г. Скальковскаго «Нашествы гайдамакъ на западную Украину» и потомъ вторично въ «Основѣ») и Кребсъ (переводъ г. Ревы изданъ въ Кіевѣ отдѣльною книжкою въ 1879 г.).

---

[1]) Opisanie klęski Humańskiej i całej Ukrainy, w roku 1768 poniesionej.

Названные мемуары составлены были въ различное время и при различныхъ условіяхъ. Ближе всѣхъ по времени составленія къ описываемымъ событіямъ мемуаръ Тучанскаго; авторъ, если самъ и не былъ свидѣтелемъ событій, то во всякомъ случаѣ жилъ въ Украинѣ въ 1768 году и собралъ свои извѣстія отъ современниковъ и очевидцевъ. Младановичъ и Элеонора Кребсъ находились во время катастрофы въ самой Умани и спасены были отъ смерти крестьянами съ разрѣшенія Гонты,—но въ то время они были очень молоды и записки свои писали впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, по воспоминаніямъ. Липоманъ и Мощинскій составили свои записки еще гораздо позже, по разпросамъ у старожиловъ,—участниковъ и свидѣтелей событій, описываемыхъ ими, при чемъ Липоманъ пользовался рукописями Тучанскаго и Элеоноры Кребсъ.

Но этими изданными мемуарами не исчерпывается ихъ запасъ. Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 163, хранится весьма интересный рукописный сборникъ, носящій слѣдующее заглавіе: «Исторія Польши, или важнѣйшія событія, случившіяся въ царствованіе свѣтлѣйшаго короля польскаго, Станислава Августа, съ 1768 по 1770 годъ.[1]) Въ составъ сборника вошли копіи всевозможныхъ документовъ, брошюръ, отчетовъ, записокъ и т. д. Въ томъ числѣ, на страницахъ 93—107, помѣщенъ мемуаръ, носящій вышеприведенное заглавіе.—Мемуаръ этотъ мы приводимъ въ возможно точномъ переводѣ. Онъ въ ряду другихъ имѣетъ, какъ намъ кажется, то достоинство, что написанъ во время самыхъ событій, подъ непосредственнымъ ихъ впечатлѣніемъ. Въ послѣднихъ строкахъ записки авторъ выражается въ настоящемъ времени и разсказываетъ то, что происходитъ во время самаго составленія разсказа. Можно точно утверждать, что мемуаръ написанъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1768 года, т. е. послѣ взятія Умани гайдамаками (19 іюня) и раньше усмиренія возстанія русскими войсками (6 августа).—Объ управленіи въ это время Желѣзняка въ Уманщинѣ авторъ говоритъ, какъ о фактѣ текущемъ, обязательномъ для жителей уманской волости. Судя по тому, что главный интересъ разсказа сосредоточенъ на судьбѣ уніатскаго духовенства, на разрушеніи уніатскихъ церквей и на участи, постигшей монаховъ базиліянскаго ордена, можно полагать, что анонимный составитель записокъ былъ уніатскій священникъ въ одномъ изъ 120 приходовъ, насильно обращенныхъ въ унію владѣльцемъ Уманщины—Силезіемъ Потоцкимъ. Вотъ текстъ «Описанія».

---

[1]) Dzieje Polski, czyli przypadki znaczniejsze, za panowania najjaśniejszego Stanisława Augusta, króla Polskiego, W. X. L., zdarzone 1768—1770.

Это ужасное и горестное бѣдствіе началось и возникло въ Мотренинскомъ монастырѣ, вслѣдствіе безбожнаго поступка игумена этого монастыря, который, подговоривъ нѣсколько десятковъ запорожскихъ козаковъ, призвалъ ихъ къ себѣ въ качествѣ зачинщиковъ и возбудилъ къ бунту громады сосѣднихъ селъ. Онъ благословилъ ихъ истреблять, безъ угрызенія совѣсти, всѣхъ ляховъ, уніатовъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, а также евреевъ,—не исключая ни преклонныхъ стариковъ, ни малыхъ дѣтей, дозволивъ оставлять въ живыхъ только тѣхъ поляковъ и уніатовъ, которые обратятся въ дизунію (православіе). Получивъ благословеніе игумена, собранная имъ сволочь тронулась съ мѣста для осуществленія предпринятаго тиранскаго намѣренія. Къ нимъ немедленно примкнули въ большомъ количествѣ козаки и хлопы изъ окрестностей: Чигрина, Черкассъ, Смилы, Лысянки и Бѣлой церкви; они разбрелись по всей Украинѣ,—по мѣстечкамъ и селамъ, и принялись за убійства. Въ Лысянкѣ они опустошили монастырь францискапцевъ, однихъ ксендзовъ они повѣсили тутъ-же, другихъ, успѣвшихъ укрыться въ лѣсу, разыскивали съ помощью крестьянъ и убивали. Между тѣмъ дворяне и евреи со всей Украины бѣжали въ Умань, надѣясь спасти жизнь, укрывшись въ сильной уманской крѣпости. Узнавъ объ этомъ, гайдамаки стали всячески помышлять о томъ, чтобы произвести разбой въ Умани, однако не двинулись быстро къ этому городу, но стали мало по-малу появляться въ Уманьщинѣ, стараясь прежде снискать себѣ содѣйствіе крестьянъ, принадлежащихъ къ уманскому имѣнію. Однимъ они разсказывали, будто имѣютъ указъ русской Императрицы, разрѣшающій имъ безбожное предпріятіе; расположеніе другихъ снискивали то напитками, то обѣщаніемъ распредѣлить между крестьянами должности по управленію краемъ; они похвалялись, что не допустятъ болѣе польскимъ панамъ господствовать надъ крестьянами и утверждали: „мы всю Украину отнимемъ у Польши и захватимъ Волынь и Подоліе!“ Дѣйствія свои въ Уманьщинѣ гайдамаки начали съ села Ризаной: здѣсь они явились неожиданно, захватили жившихъ въ этомъ селѣ шляхтичей въ расплохъ и перебили ихъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и слугами; нѣсколькихъ шляхтичей, защищавшихся въ своихъ домахъ, они истребили огнемъ, сжегши дома. Затѣмъ они отправи-

лись въ мѣстечко Буки, отстоящее въ одной только мили отъ Ризаной. Въ то время въ Букахъ отправляли миссію священники базиліанскаго ордена; но крестьяне, узнавъ о волненіи, немедленно стали обнаруживать признаки бунта, осыпали монаховъ угрозами, перестали ходить въ церковь, слушать ихъ поученія и запретили дѣтямъ посѣщать проповѣди. Мѣстный приходскій священникъ тоже отшатнулся отъ уніи и сталъ поощрять къ бунту прихожанъ. Въ виду такого настроенія, базиліанскіе миссіонеры, не окончивъ миссіи, должны были въ бѣгствѣ искать спасенія.—Гайдамаки между тѣмъ разбрелись по всей Уманьщинѣ, разнося смерть и тиранство; изъ Буковъ они отправились въ Соколовку и другія близлежащія села, и убивали всѣхъ захваченныхъ поляковъ, въ томъ числѣ въ Соколовкѣ они умертвили пана Гиновскаго, русина, но уніатскаго исповѣданія. Такимъ образомъ они свирѣпствовали въ Уманьщинѣ въ теченіи пяти дней.

Раньше, чѣмъ эти бездѣльники приблизились къ Умани, оба полковника уманскихъ надворныхъ козаковъ, паны Обухъ и Магнушевскій, вышли на встрѣчу имъ, во главѣ вооруженнаго отряда конныхъ козаковъ, желая отразить отъ Умани этихъ убійцъ. Вѣроятно, они исполнили-бы это съ успѣхомъ, если-бы сотники, Гонта и Уласенко, остались вѣрны и не отказались-бы повиноваться полковникамъ; но упомянутые сотники вошли въ сношенія съ гайдамаками и согласились съ запорожцами, чтобы погубить Умань. Узнавъ, что гайдамаки выступили уже изъ Соколовки и грабятъ окрестности, сотники двинулись за ними, но не для того, чтобы разгромить ихъ, а единственно для того, чтобы соединиться съ ними. Гонта и Уласенко объявили полковникамъ, что не желаютъ болѣе оставаться подъ ихъ командою и присовокупили: „бѣгите, если хочете оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете, если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашей!“ Лишь только полковники отъѣхали въ сторону отъ своего отряда, они наткнулись на засаду: въ лѣсу на нихъ напали семь человѣкъ разбойниковъ, укрывшихся тамъ, долго ихъ преслѣдовали и убили двухъ трубачей, не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ вмѣстѣ съ полковниками.

Въ городѣ Умани постоянно принимались военныя предосторожности. Мѣры эти теперь еще болѣе были усилены въ виду

предстоящаго несомнѣнно нападенія. Городъ былъ достаточно снабженъ пушками, гранатами и вооруженнымъ гарнизономъ. Въѣздъ въ городъ былъ оставленъ открытымъ только въ одни ворота, всѣ-же другія ворота были заграждены палисадами и баррикадами извнутри; у воротъ и на валахъ кругомъ поставлены были пушки, а у бойницъ размѣщены были многочисленные стрѣлки: козаки, шляхтичи, мѣщане, слуги, студенты [1]), евреи и хлопы. Всѣ почти были хорошо вооружены, кромѣ евреевъ, у которыхъ не оказалось оружія; тѣмъ не менѣе и они въ большомъ количествѣ приняли участіе въ защитѣ города, вооружившись топорами, а также ножами и косами, которые придѣлали къ длиннымъ шестамъ. За день до появленія враговъ многіе паны, предчувствуя измѣну со стороны козаковъ, хотѣли уѣхать изъ города, чтобы избѣжать опасности, даже сами управляющія городомъ власти стали собираться въ путь; но евреи никого не выпустили и едва не убили пана губернатора: [2]) „погибайте вмѣстѣ съ нами, говорили они, если вы насъ по нынѣ вводили въ заблужденіе относительно безопасности!“

Гайдамаки стали атаковать городъ съ утра, часу въ одиннадцатомъ. Желая начать приступъ, они бросились густою толпою къ воротамъ и попали неожиданно подъ выстрѣлы пушекъ; но артилеристы не узнали ихъ, и полагая, что это отрядъ своихъ козаковъ, не воспользовались этою ошибкою.—Тогда гайдамаки разсѣялись кругомъ всего города, зажгли предмѣстья и стали въ нихъ обыскивать дома, винокурни и риги, разъискивая евреевъ и поляковъ и предавая ихъ смерти. Полъ-часа спустя на помощь гайдамакамъ явился Гонта съ своимъ отрядомъ и, поклонившись Максиму Желѣзняку, начальнику бунтовщиковъ, переѣхалъ на другую сторону города; соединивъ свои силы для кроваваго дѣла, они совмѣстно стали подготовлять приступъ. О, Господи! какой страхъ

---

1) Ученики базиліанскаго училища.

2) Губернаторами назывались управляющіе помѣщичьими имѣніями; въ качествѣ лица, заступавшаго пана, губернаторъ, кромѣ завѣдыванія хозяйствомъ, имѣлъ право суда гражданскаго и уголовнаго, съ правомъ смертной казни надъ крестьянами управляемаго имъ имѣнія. Если помѣстье было обширно и если владѣлецъ имѣлъ укрѣпленный замокъ и надворную милицію, то губернаторъ соединялъ должности коменданта крѣпости и главнаго начальника милиціи.

объялъ народъ, затворившійся въ городѣ, когда стало очевидно, что измѣнили уманскіе сотники. Нѣсколько разъ они приносили присягу на вѣрность и обѣщали, въ случаѣ нужды, защищать городъ хотя-бы съ опасностью жизни; ихъ усиленно упрашивали начальники, задобривая ихъ тысячами рублей, подарками и напитками; сами они постоянно выдавали себя преданными и вѣрными; нынѣ тѣ-же сотники нарушили присягу и заключили союзъ съ разбойниками для истребленія и погибели осажденныхъ. Страшному горю предавались какъ міряне, такъ особенно монахи и все духовенство, въ виду столь грозной опасности, столь богопротивнаго презрѣнія къ костеламъ, столь тяжелаго разоренія своего имущества и невозвратимой его потери.

Всѣ, находившіеся въ городѣ, приняли участіе въ защитѣ. Съ одиннадцати часовъ утра, лишь только началось нападеніе, до вечера и въ теченіе всей наступившей ночи не умолкала пушечная и ружейная пальба, продолжавшаяся до 10 часовъ слѣдующаго утра. Тѣ христіане, которые не сражались, проводили время въ молитвѣ въ костелѣ, въ церквахъ, въ храмѣ отцевъ базиліановъ; многіе исповѣдывались, другіе отправились крестнымъ ходомъ (процессіею) вокругъ города, сопровождая образъ Богородицы, находившійся въ базиліанскомъ костелѣ, котораго заступничество во многихъ случаяхъ было испытано. Когда несли этотъ образъ, даже невѣрующіе евреи со слезами и глубокими вздохами падали на землю и вознося къ образу руки, взывали: „спаси насъ, пресвятая Богородица!“ До двадцати лицъ евреевъ при этомъ изъявили желаніе креститься, что и было исполнено. Съ помощію Божіею и пресвятой Богородицы не допустили-бы до кровопролитія, еслибы сотникъ Гонта дьявольскою хитростью не смутилъ защищавшихся. Онъ, замѣтивъ храбрость бойцевъ, хотя и не составлявшихъ регулярнаго войска, но защищавшихся хорошо и, видя, что всѣ пушки исправно дѣйствуютъ, сталъ бѣгать вокругъ города и кричать: „сдавайтесь, ничего вамъ не сдѣлаемъ“! Вслѣдствіе этого въ городѣ произошло смятеніе: многіе кричали, что нужно положить оружіе. Отворили ворота и вышли на встрѣчу гайдамакамъ. Надѣялись, что жизнь будетъ спасена, были убѣждены, что въ этомъ отношеніи дана будетъ гарантія. Горькая ошибка! Лишь только оружіе было сложено и ворота добровольно отворены, часть гайда-

макъ бросилась съ одной стороны рубить палисады, другіе огромною толпою ворвались въ ворота и сразу принялись творить жестокости. Нужно-бы омочить перо не въ чернила, а въ горькія слезы, чтобы описывать то страшное пролитіе христіанской и еврейской крови, то опустошеніе храмовъ Господнихъ, тѣ богохульныя оскорбленія Господа и Его пресвятой Матери, которыя были совершены, когда убійцы ворвались въ городъ. Одни разсѣялись по улицамъ, площадямъ и домамъ, другіе у воротъ стали умерщвлять собравшихся тамъ. Войдя въ костелъ, они вывели оттуда на погостъ вѣрныхъ, пребывавшихъ въ молитвахъ, и стали ихъ варварски мучить и убивать. Тутъ были замучены: панъ Ржонжевскій, стольникъ брацлавскаго воеводства, съ женою, паны: Марковскій, скарбникъ Корженевскій, Лежинскіе, Завадзкій, Винницкій, Цесельскій, Томашевскій, писарь государственной таможни, и многіе другіе, почтенные и именитые шляхтичи, числомъ около 2000. Здѣсь погибъ панъ губернаторъ уманскій Младановичъ съ женою и дѣтьми; одну дочь его четыре раза поразили копьемъ [1]). Изъ церквей также вытаскивали людей и убивали. Во время этихъ убійствъ, въ костелѣ отцевъ базиліановъ служили обѣдню съ пѣніемъ; разъяренные палачи, вбѣжавъ въ костелъ, удержались до конца службы. Но когда кончилась обѣдня и прочтены были другія, прибавочныя молитвы, они сейчасъ принялись стрѣлять въ людей въ костелѣ, истязать, вытаскивать на дворъ и тамъ убивать. Ксендза ректора базиліанскаго ранили выстрѣломъ, потомъ стали его допрашивать о мѣстѣ храненія денегъ, отвели въ монастырь, тамъ кололи копьями, наконецъ на монастырскомъ дворѣ втолкнули въ канаву. Въ костелѣ они кололи вице-ректора и били его нагайками и дубинами. Отца закристіяна, миссіонера, раздѣли до одной рубахи и всего изранили и окровавили; потомъ всѣхъ тропхъ связали, водили кругомъ рынка, истязали безъ милосердія побоями и посадили подъ стражу; но и тамъ не долго оставили; они вновь ихъ вывели на улицу и закололи до смерти; тѣла ихъ нѣсколько дней валялись на улицѣ не похороненными. Монастырь базиліановъ разграбили совершенно.

[1]) Извѣстіе это не справедливо: Гонтѣ удалось спасти двоє дѣтей Младановича: дочь Элеонору (впослѣдствіи по мужу Кребсъ) и малолѣтняго сына Павла. Оба они составили впослѣдствіи описаніе какъ катастрофы уманской, такъ и собственнаго спасенія.

Многіе хлопы особенно настаивали на истребленіи базиліановъ и даже нѣкоторые мѣщане указывали студентовъ уніатовъ, побуждая разъяренныхъ убійцъ умерщвлять ихъ. Костелы, принадлежавшіе бѣлому духовенству, постигла таже участь. Приходскаго (католическаго) священника, послѣ всяческихъ истязаній, повѣсили. Св. дары разбросали, топтали, растирали руками, ѣли и клали въ свои трубки. Распятіе Іисуса Христа съ богохульными рѣчами повѣсили на веревкѣ. Образъ Богородицы кололи копьями, стрѣляли въ него, топтали, приговаривая: „пусть онъ васъ теперь защититъ, вчера вы таскались по городу, ожидая отъ него спасенія!“ Рѣзныя изъ дерева статуи святыхъ апостоловъ Петра и Павла они поставили у воротъ, обзывали ихъ конфедератами и стрѣляли въ нихъ; потомъ перенесли ихъ на болото, привязали къ нимъ цѣпи и съ кощунственными насмѣшками приглашали ихъ молотить грязь. Статую святаго Іоанна волокли по городу, привязавъ къ лошади, отрубили ей голову топоромъ и всю изрубили на куски. Всѣ образа и книги, латинскія и польскія изъ католическаго костела и русскія — изъ базиліанскаго, сожгли. Одѣвшись въ ризы ксендзовъ, ходили по улицамъ, по площади и заходили въ шинки, гдѣ напившись зазывали прохожихъ подходить къ нимъ подъ благословеніе или кощунствовали, представляя отправленіе миссы и другихъ церемоній и обрядовъ богослуженія. Однимъ словомъ: окончательно ограбили храмы, оставивъ въ нихъ лишь покойниковъ въ гробахъ. Затѣмъ опустошили весь городъ, роясь даже въ землѣ, чтобы разъискать спрятанныя деньги. Трудно исчислить всѣ совершенныя гайдамаками убійства: однихъ они разстрѣляли, другихъ искололи, третьихъ убивали топорами и дубинами, малыхъ дѣтей подкидывали на копья, беременнымъ женщинамъ распарывали животы. Крестьянамъ приказали совершать такія-же варварства въ селахъ и разъискивать дворянъ, укрывавшихся въ лѣсахъ, на поляхъ и въ степи, и тѣ очень усердно исполняли это приказаніе. Они жестоко мучатъ и убиваютъ тѣхъ крестьянъ и священниковъ русскихъ, которые, увлекаясь милосердіемъ, дали у себя пріютъ кому-либо изъ поляковъ, уніятовъ или евреевъ, или-же припрятали ихъ имущество. Уже многихъ священниковъ и простолюдиновъ постигла эта участь. Впрочемъ нѣкоторыхъ дѣвицъ и замужнихъ женщинъ, а также ихъ дѣтей и родственниковъ они пощадили: нѣсколько молодыхъ шлях-

тичей, учившихся въ школѣ, записали въ регистръ своего войска, предварительно крестивъ ихъ по своему обряду; многихъ дѣвицъ шляхетскихъ повѣнчали съ хлопами. Нѣсколько тысячъ убитыхъ труповъ вывезли за городъ и вблизи его бросили, не прикрывъ землею, на съѣденіе собакамъ. Въ самомъ городѣ колодезь въ 30 сажень глубиною наполнили трупами. Вообще страшно и вспомнить обо всѣхъ ужасахъ, страшно проходить у города живому человѣку: вездѣ опустошеніе, вездѣ валяются трупы; страшный смрадъ отъ ихъ разложенія заражаетъ окрестныя поля и лѣса. Они совершенно разграбили и опустошили какъ городъ, такъ и всю уманскую волость, причинили убытки на цѣлые милліоны и захватили несмѣтныя суммы денегъ.

Управившись такимъ образомъ, гайдамаки оставили гарнизонъ въ городѣ, главныя-же свои силы расположили лагеремъ за городомъ. Во всѣ мѣстечка и села они командировали по нѣсколько десятковъ козаковъ, которые продолжали тамъ производить убійства, отдали помѣстья въ управленіе хлопамъ, помѣщичія-же стада, лошади и пасѣки конфисковали. Отъ людей, бывшихъ въ ихъ лагерѣ и смотрѣвшихъ на преступный дѣлежъ ими добычи, я слышалъ, что они продолжительно мѣряли золото соусникомъ, а серебро огромною мѣдною чашкою; богатыя шелковыя платья рвали на тряпки, нагрузивъ ими предварительно цѣлые возы; лошадей согнали громадное стадо; коляски и кованные возы продавали по рублю, сабли-же и солдатскіе палаши иностранные торговцы покупали у нихъ за нѣсколько десятковъ грошей.

Максимъ Желѣзнякъ основалъ свою резиденцію въ уманскомъ замкѣ. Онъ отправилъ предписаніе ко всѣмъ священникамъ въ Уманьщинѣ, чтобы они отправлялись къ переяславскому епископу отрекаться отъ церкви Божіей (т. е. отъ уніи) и приносить присягу на благочестіе (т. е. православіе). Онъ объявилъ имъ, что если хотятъ сохранить жизнь и приходы, то должны запастись въ Переяславлѣ благословеніемъ епископа, его уставною грамотою и антиминсомъ. Одни по собственной охотѣ, другіе по принужденію послѣдовали уже этому приказанію и даже тѣ, которые не имѣли ни малѣйшаго желанія переходить въ благочестіе, боясь за свою жизнь, уѣхали уже въ Переяславль рукополагаться у заграничнаго епископа.

Между тѣмъ разбойники продолжаютъ свирѣпствовать въ Уманщинѣ; они пріѣхали въ маньковецкій базиліанскій монастырь, построенный въ лѣсу, и перебили въ немъ монаховъ. Вообще, по словамъ точнаго извѣстія, всѣхъ базиліянъ погибло 12, а именно: въ Умани 4, въ окрестности города 3, въ маньковецкомъ монастырѣ 2 и на дорогѣ въ Умань 3. Остальные монахи какъ маньковецкаго, такъ и уманскаго монастырей убѣжали въ лѣсъ, но, какъ носится слухъ, были тамъ перебиты. Говорятъ, что видѣли на дорогѣ трупъ монаха ордена камедуловъ. Крестьяне изъ Уманьщины бѣгутъ за границу. Вообще во всей Украинѣ господствуетъ страхъ и смятеніе.

Сказаніе о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ.

Бондаренко принадлежалъ къ числу предводителей гайдамацкихъ отрядовъ, сформировавшихся въ 1768 году. Въ то время, когда главныя силы возставшихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ Желѣзняка, двигались изъ Мотренинскаго монастыря на Умань, Бондаренко съ своимъ отрядомъ направился въ кіевское полѣсье. По дорогѣ онъ пытался было овладѣть Бѣлоцерковскою крѣпостью, но, встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны гарнизона и артиллеріи, которою крѣпость была достаточно вооружена, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Миновавъ Бѣлую Церковь, онъ направился къ сѣверу, сталъ занимать села и мѣстечка, истреблять пановъ и жидовъ и возбуждать народъ къ возстанію. Такимъ образомъ достигъ онъ до мѣстека Макарова и овладѣлъ имъ; но здѣсь и кончились его подвиги. Въ Макаровѣ на Бондаренка наступила надворная милиція, отправленная противъ него владѣльцемъ Чернобыльскаго имѣнія, графомъ Ходкевичемъ; застигнутые въ расплохъ, гайдамаки были разсѣяны; многіе, въ томъ числѣ и Бондаренко, захвачены въ плѣнъ; они были доставлены въ Чернобыль, гдѣ, по приговору доминіальнаго суда, Бондаренко былъ казненъ смертью. Жители Чернобыля понынѣ указываютъ высокій курганъ, находящійся у выѣзда мѣстечка по дорогѣ въ село Залѣсье, на которомъ, по словамъ преданія, совершена была казнь; курганъ этотъ народъ называетъ «Бондаренковою могилою». Этотъ гайдамацкій предводитель былъ родомъ изъ села Грузкой, лежащаго въ 50 верстахъ къ западу отъ Кіева. Преданіе о немъ сохранилось довольно живо на его родинѣ и послужило сюжетомъ многочисленныхъ разсказовъ и пѣсень. Въ 1867 году одинъ изъ крестьянъ—старожиловъ села Грузкой, Иванъ Лобанъ, попытался свести сохранившіяся преданія въ одинъ связный разсказъ, который мы и предлагаемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ подъ пера составителя, позволивъ себѣ сдѣлать лишь самыя незначительныя и необходимыя стилистическія поправки. Конечно, разсказъ г. Лабана важенъ не фактическими историческими подробностями, которыхъ богатства и точности и нельзя ожидать отъ народнаго преданія; весь интересъ разсказа, какъ намъ кажется, заключается въ воспроизведеніи того образа гайдамачества, который запечатлѣлся въ народномъ представленіи. Бонда-

ренко, какъ типъ гайдамацкаго ватажка, не носитъ въ народномъ воспоминаніи характера кровожаднаго бандита или безпощаднаго грабителя; онъ, напротивъ того, является веселымъ, разгульнымъ, исполненнымъ юмора и добродушія удальцемъ, преклоняющимся передъ правилами народной морали и народныхъ приличій, уважающимъ земледѣльческій трудъ крестьянина и даже, по отношенію къ шляхтичамъ, болѣе склоннымъ мстить имъ насмѣшками и шутками, чѣмъ кровавою расправою. Вотъ текстъ этого оригинальнаго сказанія:

. . . . . .

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, во времена царицы Екатерины, въ селѣ Грузкой, кіевскаго уѣзда, принадлежавшемъ тогда помѣщикамъ Харлинскимъ, жила вдова Бондариха. У нея былъ сынъ лѣтъ шестнадцати. Такъ какъ они не имѣли возможности вести хозяйство, то помѣщикъ взялъ сына въ услуженіе въ свой дворъ и опредѣлилъ его сторожемъ при кухнѣ. На его долю досталась очень тяжелая работа, которая въ равной мѣрѣ требовалась и въ праздничные дни и въ будни; притомъ за неисправность Бондаренко подвергался часто побоямъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ переносилъ свое тяжелое положеніе; но, наконецъ, терпѣніе его истощилось. Исполнившись злобы, онъ сказалъ себѣ: „дай Боже ноги, куда очи глядятъ, туда и дорога!“, тайно бѣжалъ съ помѣщичьяго двора и отправился на Украину искать себѣ пріюта. Здѣсь, вслѣдствіе нищенской обстановки своей, онъ не могъ поступить на работу къ зажиточному хозяину и потому пристalъ къ ватагѣ гайдамаковъ Швачки и Желѣзняка. Среди нихъ, по словамъ нашихъ стариковъ, онъ нашелъ неразлучнаго товарища—Нечаенка и вскорѣ сдѣлался настоящимъ „лицаремъ и характерникомъ:“ онъ научился заговаривать оружіе, такъ что пуля его не брала.

Послѣ долгаго отсутствія, мать получила отъ него письмо съ обѣщаніемъ скораго посѣщенія, что онъ дѣйствительно и исполнилъ, какъ о томъ поется въ пѣсни:

Не захотивъ Бондаренко на Украйни жити,
Да пріѣхавъ до Бышова жидивъ, ляхивъ бити;
Не багато винъ постоявъ на Бышевскомъ мости,
Да пріѣхавъ до Грузькой до матери въ гости.

Бондаренко пріѣхалъ въ Грузьку съ своимъ отрядомъ, поклонился матери, привѣтствовалъ родственниковъ и занялъ квартиру въ домѣ приходскаго священника. Онъ немедленно сталъ распрашивать священника о помѣщикахъ,—которые заблаговременно бѣжали изъ села.

— Гдѣ, отче, помѣщики?

— Ихъ дома нѣтъ, пане атамане.

— Жаль, мнѣ слѣдовало ихъ поблагодарить за службу; но если ихъ нѣтъ, то, такъ и быть, принимаю „волю“ и отъ отсутствующихъ. Теперь, отче, благослови меня повеселиться на своей родинѣ.

Священникъ осѣнилъ его крестомъ.—Да благословитъ тебя, чадо, Господь на всякое дѣло благое!

Бондаренко поцѣловалъ крестъ и отвѣтилъ: спасибо, отче, за благое, а на зло я и самъ „потраплю“.—Кто-же, отче, живетъ теперь въ панскомъ дворѣ?

— Остались только шапаръ (ключникъ) Ярошъ и господыня (ключница) Марыська.

— Прекрасно! сказалъ Бондаренко и вышелъ къ своей ватагѣ.—Позовите ко мнѣ, хлопцы, говорилъ онъ, панскаго ключника!

Шапаръ пришелъ, снялъ шапку еще за воротами; о немъ доложили Бондаренку.

— Здоровъ бувъ, старый!

— Здоровъ, пане атамане! отвѣчаетъ шапаръ, дрожа какъ осиновый листъ.

— Что-же, ты узналъ меня?

— Узналъ, батьку!

— Прекрасно! теперь еще лучше познакомимся. Какъ-же тебѣ живется? Такъ какъ прежде?

— Какъ прежде.

— Ну, прекрасно! Не можешь-ли пока угостить насъ?

— Чѣмъ прикажете?

— Да что пожалуешь.—Пойдите, хлопцы, принесите, что онъ отпуститъ. Принесли изъ двора въ изобиліи напитковъ и съѣстного.

— Да ты, старый, кутишь, сказалъ Бондаренко: ты не разстраивай хозяйства, оставь еще кое-что къ моей свадьбѣ, вѣдь знаешь, что мнѣ нужно жениться? Ну, да теперь угости насъ!

Налилъ шапаръ чарку и поднесъ Бондаренку, но тотъ отклонилъ ее со словами: пей самъ прежде, а то, чего добраго, ты насъ околдуешь! Пошло затѣмъ угощеніе, но среди веселія вдругъ Бондаренко обратился къ шапару: что, старикъ! у тебя по прежнему много денегъ?

— „Нема!“ отрывисто отвѣтилъ шапаръ.

— Не вѣрится, сказалъ Бондаренко. Хлопцы, крикнулъ онъ, поищите-ка пакли, окрутите ему руки, облейте смолою и зажгите!

Не успѣли еще хлопцы приступить къ старику, какъ онъ вскричалъ: „Постой, батьку! у меня есть кое-что заслуженное, не много, правда, да рублей сто старыми „карбованцями“ наберется; сверхъ того я припряталъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ, полученныхъ изъ шинка!

— Заслуженными ты подѣлись со мною по правдѣ:—вѣдь служили мы оба и моя работа была тяжелѣе твоей. Что-же касается мѣдныхъ панскихъ денегъ изъ шинковъ, то они больно тяжелы и чтобы тебя облегчить, я пошлю за ними. Ступайте, сказалъ онъ двумъ дюжимъ гайдамакамъ и принесите столько мѣди, сколько подымете, за остальную-же купите боченокъ водки такой, чтобы четверо изъ васъ могли его привести сюда. Затѣмъ онъ обратился къ асауламъ и другимъ сельскимъ урядникамъ: зовите сюда всѣхъ нашихъ людей, я желаю съ ними возобновить знакомство.

Вскорѣ на дворъ священника пришло нѣсколько человѣкъ; къ нимъ вышелъ Бондаренко и поклонился: здоровы, молодци, мои стари знакоми!

Люди сняли шапки и поклонились.—Здоровъ, пане отамане!

— Откуда вы знаете, что я отаманъ?—А гдѣ вашъ панъ?

— Пана нѣтъ;—потому мы и знаемъ, что ты отаманъ.

— Значитъ, еслибъ паны исчезли, то всѣ были-бы козаками и атаманами.—Почему васъ такъ мало?

— Теперь жнива; люди въ полѣ убираютъ жито.

— Дѣло похвальное! пусть Богъ вамъ поможетъ! Собирайте хлѣбъ и свой и панскій. Что-бы ни случилось, даръ Божій не долженъ пропадать; хотя паны и не возвратятся,—хлѣбъ нуженъ будетъ.

Кто-то изъ толпы замѣтилъ, что маленькій панскій ребенокъ остался въ селѣ. Бондаренко услышалъ, приказалъ розыскать и

привести паныча. Привели его вмѣстѣ съ бабою Царихою, которая пріютила его въ своей хатѣ.

— Чей это, бабо, мальчикъ у тебя? спросилъ Бондаренко.

— Панскій, батьку! отвѣтила баба, низко кланяясь.

— Правда! сказалъ Бондаренко, всматриваясь въ мальчика: хотя онъ родился въ моемъ отсутствіи, но и глаза у него большіе, и носъ орлиный, и весь онъ въ отца. Онъ погладилъ дитя по головкѣ, далъ ему пряникъ и сказалъ бабѣ: бери его въ свой домъ и береги. Затѣмъ обратился къ людямъ и проговорилъ съ грустью: берегите мальчика и приласкайте его, вѣдь будетъ-же онъ вашимъ паномъ. Затѣмъ встрепенулся и крикнулъ Ярошу: подавай, старикъ, водки и закусокъ, угощай людей!

Выпили, повеселѣли. Бондаренко вскорѣ поднялся и поклонился: прощайте, панове громадо!—прошу на завтра къ себѣ въ гости, теперь пора отдыхать.

На другой день Бондаренко приказалъ раскинуть палатки передъ домомъ священника, призвалъ шапаря и приказалъ ему доставить изъ панскаго двора водки, наливки, пива и закусокъ; затѣмъ потребовалъ къ себѣ ключницу Марысю,—ее привели.

— Здорова, старая вѣдьма!—узнала меня?

— Узнала, батьку! отвѣтила Марыся, низко кланяясь.

— Прекрасно! теперь еще лучше познакомимся! Ты вѣдь по старому за господыню?

— За господыню, батьку.

— Значитъ, въ твоемъ распоряженіи много домашней птицы! Идите-же, хлопцы, съ нею и возьмите сколько нужно къ обѣду: куръ, гусей и индюковъ, и ее приводите назадъ, мнѣ нужно будетъ поблагодарить ее за прежнюю дружбу. Затѣмъ онъ обратился къ асауламъ: ступайте по всему селу, зовите ко мнѣ на пиръ всѣхъ людей: стариковъ и парубковъ, старухъ и молодицъ, дивчатъ и мальчиковъ; просите, чтобы приходили въ праздничныхъ одеждахъ. Да призовите музыку, смотрите, чтобы была настоящая, *троиста:* скрипки, цымбалы и басъ.

По приглашенію люди со всего села сошлись къ Бондаренку; онъ вышелъ къ нимъ въ козацкой одеждѣ: въ плисовыхъ шароварахъ, въ синемъ жупанѣ, въ барашкой шапкѣ съ краснымъ атласнымъ верхомъ; вышелъ онъ изъ палатки и поклонился на всѣ стороны.

— Здорови були, старые и молодые—сказалъ онъ. Узнали вы меня, своего стараго знакомаго?

— Узнали, батьку! отвѣтили люди съ поклономъ и поднесли ему хлѣбъ и соль.

— Спасибо за хлѣбъ, за соль! Жаль только, что межъ вами нѣтъ вашихъ пановъ! Что дѣлать?—выпьемъ за панское здоровье; они вѣдь трудились, чтобы приготовить намъ угощеніе.

Пошелъ пиръ горою, заиграла музыка. Бондаренко то двигался средь народа, угощая и упрашивая пить, то отплясывалъ съ молодицами. Въ пиру принимали участіе гайдамаки; Нечаенко танцовалъ безъ устали, припѣвая веселыя, охочія пѣсни. Бондаренко схватилъ мѣшокъ съ мѣдными деньгами; „гей, диты, сюда!“ крикнулъ онъ и въ толпу дѣтей посыпались гривны, пятаки, гроши и копѣйки. Дѣти хватаютъ, дерутся—кутерьма страшная. Бондаренко хохочетъ. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ и обратился къ асауламъ: а гдѣ-же моя Марыся?—Есть, батьку! отвѣтили; она было сбѣжала, но мы ее поймали.

— Сбѣжала? значитъ, совѣсть ея не чиста; затворите-же ее въ „куну коло звиныци“[1]). Марысю заперли въ куну; Бондаренко зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ и направился къ колокольнѣ, въ сопровожденіи толпы народа. Пришли, отворили двери. „Ну, старая вѣдьма, сказалъ Бондаренко, приготовила ты мнѣ горячихъ „пляцковъ“ (сладкихъ лепешекъ) такихъ, какъ приготовляла для пановъ?

— Не приготовила, батьку атамане!—отвѣтила, дрожа всѣмъ тѣломъ Марыся.

Бондаренко выхватилъ пистолетъ, взвелъ курокъ: бахъ! и—Марыся упала, какъ мертвая, съ крикомъ: „Іезусъ—Марія, змилуй се надъ мно!“

„Чи бачъ? вона вже и померла“,—сказалъ Бондаренко. Нужно ее воскресить,—заряжайте другой пистолетъ, да подавайте скорѣе. Марыся вскочила на ноги и вскричала: „помилуй, пане атамане!“

— „Воскресла и заговорила! слава тебѣ, Господи!—сказалъ Бондаренко, среди всеобщаго хохота, и приказалъ отвести Марысю въ

[1]) Родъ карцера, находившагося обыкновенно у колокольни приходской церкви, въ видѣ желѣзной скобы, которою виновнаго приковывали за руку.

панскій дворъ и уложить въ постель, чтобы она отдохнула „вiдъ переляку“. Затѣмъ принесли изъ панскаго погреба старый медъ и, угощаясь, пировали до заката солнца. Подъ вечеръ Бондаренко созвалъ хозяевъ и сказалъ имъ: веселіе—веселіемъ, а дѣло дѣломъ; погуляли мы сегодня, да люди толкуютъ о жнивахъ; а потому, чтобы не сказали, что Бондаренко помѣшалъ всѣмъ работать, завтра я прошу васъ лишь зайти съ утра ко мнѣ „на поправку“, а потомъ какъ кому угодно: по желанію—оставайтесь гулять, а кому необходимо—идите работать.

Затѣмъ, призвавъ Нечаенка, онъ снарядилъ его съ отрядомъ гайдамакъ въ походъ, приказавъ свозить къ себѣ всякое добро, но бѣдныхъ не трогать и избѣгать убійствъ. „До души намъ дiла не мае“,—сказалъ онъ въ заключеніе. Нечаенко немедленно выступилъ въ походъ съ вооруженнымъ отрядомъ; Бондаренко-же приказалъ ключнику вновь приготовить угощеніе на слѣдующій день.

Съ утра сошлись люди и недоумѣваютъ, что имъ дѣлать. Вышелъ къ нимъ Бондаренко, поздоровался и спрашиваетъ: „а что, люди добрые, порѣшили, что будете дѣлать сегодня“? — „Нѣтъ, не порѣшили“! — „Такъ я вамъ посовѣтую: пусть съ каждаго двора одинъ человѣкъ идетъ на работу, остальные оставайтесь у меня въ гостяхъ“. Работники выступили впередъ; Бондаренко угостилъ ихъ прилично и отправилъ съ Богомъ на работу, обѣщавъ выслать имъ обѣдъ въ поле. Остальнымъ онъ задалъ такой-же пиръ, какъ на канунѣ.

Слѣдующаго дня возвратился изъ похода Нечаенко; привезъ онъ много добычи съ собою. Во главѣ его отряда шелъ странный поѣздъ: четыре вола тащили сани, хотя дѣло было лѣтомъ, на саняхъ навалено было множество всякой живности: сало, масло и т. п.; среди узловъ и боченковъ повсюду торчали жерди, на которыхъ развѣшаны были колбасы; вѣнки изъ колбасъ украшали рога воловъ. За санями шли цѣлыя стада быковъ, коровъ, телятъ; затѣмъ везли мѣшки съ деньгами: тутъ было и золото, и серебро, и мѣдь.

Бондаренко взглянулъ на добычу и обратился къ гайдамакамъ: „спасибо, хлопцы! хорошо управились. Идите теперь, погуляйте на моей родинѣ“.—Гайдамаки отправились пить и плясать. Бондаренко между тѣмъ призвалъ свою мать и родственниковъ и сказалъ имъ: берите все это золото и серебро и уѣзжайте за Днѣпръ,

тамъ перемѣните свои фамиліи и живите мирно въ довольствіи. Здѣсь мнѣ не вѣчно можно будетъ распоряжаться, а когда меня не станетъ, бѣда обрушится на васъ. Такимъ образомъ онъ выселилъ весь свой родъ изъ села.

Между тѣмъ польское войско узнало о мѣстѣ остановки Бондаренка и въ Грузку отправленъ былъ отрядъ гусаръ, съ приказаніемъ взять Бондаренка и сжечь село. Про это нападеніе гусаръ и сказано въ пѣсни:

Поіхали гусары Грузьку палыти,
Бондаренко зъ Нечаенкомъ стали бороныти:
Нечаенко на дзвинницю міхъ пороху тягне,
Бондаренко въ прави руци рушныцю готуе.
Ой якъ стреливъ Нечаенко—коника підстреливъ,
Ой якъ стреливъ Бондаренко—гусарина встреливъ.
Ой рушили гусаре зъ Грузькои втикати—
Бондаренко зъ Нечаенкомъ стали доганяти.

Гусары успѣли сжечь только одинъ дворъ въ концѣ села и отступили въ Макаровъ. Бондаренко послѣ того не долго уже оставался въ Грузкой; онъ раздалъ всѣ стада коровъ и быковъ—дѣвушкамъ на приданное, особенно щедро награждая тѣхъ, которыя понравились ему въ танцѣ; роздалъ замужнимъ все пріобрѣтенное въ добычу—ткани, одежды, мониста и выѣхалъ съ товарищами изъ Грузкой въ Макаровъ. Здѣсь онъ былъ взятъ въ плѣнъ козакомъ Щербиною [1]) изъ Корнина и потомъ казненъ въ Чернобилѣ.

Конецъ исторіи Бондаренка. Писалъ Иванъ Лобанъ изъ села Грузкой, 7 генваря 1867 года.

---

[1]) Имя Щербины народное преданіе сохранило вѣрно. Въ запискахъ Липомана сказано также, что начальникъ наёмныхъ козаковъ, взявшихъ въ плѣнъ Бондаренка въ Макаровѣ, назывался Щербина и былъ родомъ изъ мѣстечка Корнина. За эту услугу Щербинѣ на сеймѣ было пожаловано дворянство, а также нѣкоторая сумма денегъ для покупки имѣнія.

Образцы
ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ*).

Въ 16 и 17 столѣтіяхъ гласное обсужденіе общественной дѣятельности и общественныхъ дѣятелей Малороссіи было не мыслимо, такъ какъ обличительной печати не было и въ поминѣ. Конечно, это не исключало диѳирамбовъ лицамъ, занимающимъ видное общественное положеніе.

Въ 16-мъ и первой половинѣ 17 вѣка общественные дѣятели, въ особенности духовныя власти, восхвалялись въ предисловіяхъ къ разнороднымъ изданіямъ, посвященнымъ этимъ лицамъ. Съ половины 17-го столѣтія появилась у насъ спеціальная литература панегириковъ, въ которыхъ воспѣвались добродѣтели, дѣйствительныя и мнимыя, сановныхъ людей—свѣтскихъ и духовныхъ. Максимовичъ, касавшійся этого рода литературы, радовался тому, что „вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стекляный блескъ ума и слова выражался панегиристами по польски и по латыни, а не языкомъ южнорусскимъ". Конечно, изслѣдователь языка и словесности можетъ утѣшаться подобнымъ обстоятельствомъ; но для изслѣдователя общественныхъ явленій оно едва-ли можетъ имѣть какое либо значеніе. Въ прошломъ столѣтіи литература панегириковъ продолжала развиваться, увеличивая изліяніе лести, въ особенности въ пѣснопѣніяхъ, посвященныхъ высшимъ правителямъ Малороссіи. Въ извѣстномъ панегирикѣ послѣднему гетману Кириллу Разумовскому, лесть доведена до геркулесовыхъ столбовъ. Въ этомъ панегирикѣ авторъ безъ зазрѣнія совѣсти рѣ-

*) Читано 5 ноября 1880 г., въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

лился доказывать происхожденіе сына простаго козака Разума отъ извѣстной аристократической фамиліи князей Ружинскихъ, на основаніи измышленныхъ имъ генеалогическихъ данныхъ. Явная ложь не только была терпима, но и принималось офиціально: такъ, въ указахъ Елизаветы Петровны, писанныхъ гетману Разумовскому, во главѣ другихъ титуловъ всегда ставилось—„высоко и благоурожденному гетману, такому-то".

Съ литературой малороссійскихъ панегириковъ, въ особенности конца 17-го вѣка, знакомитъ насъ, хотя отчасти, Максимовичъ въ своей статьѣ „Книжная старина южнорусская" (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 708). Но, кажется, еще никто не обращалъ вниманія на существовавшую издавна въ Малороссіи обличительную литературу, появлявшуюся на свѣтъ Божій лишь въ письменной формѣ. Въ старой Малороссіи, какъ мы сказали, гласности въ печатной литературѣ не существовало. А между тѣмъ въ обществѣ проявлялась потребность дать общественную, гласную оцѣнку,—наложить, такъ сказать, штемпель—на факты, совершающіеся вокругъ, и на лица, отъ которыхъ исходятъ эти факты. Отыскивая выходъ, эта потребность и нашла его въ рукописныхъ обличительныхъ произведеніяхъ, которыя обращались по рукамъ въ разныхъ мѣстностяхъ и, вѣроятно, пользовались тамъ большею или меньшею популярностью. Такъ какъ эти обличенія составляли, такъ сказать, подпольную литературу, то они часто переходили за предѣлы приличій, принимали характеръ пасквилей, касаясь не только фактовъ общественной дѣятельности, но и нравственности, семейныхъ отношеній и чисто личныхъ чертъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ находила нужнымъ затрогивать рукописная обличительная литература; въ особенности въ болѣе позднихъ произведеніяхъ, въ эпоху уничтоженія самоуправленія и общественной самодѣятельности нашей родины, литература этого рода стала принимать личный характеръ.

Объ обличительной литературѣ въ Малороссіи въ первый разъ мы узнаемъ, кажется, по поводу подметныхъ писемъ или „пашквилей", направленныхъ противъ гетмана Мазепы. Первый пашквиль на Мазепу появился въ Кіевѣ въ 1690 году. Но по существу это былъ собственно безъимянный подметный доносъ, предназначавшійся правительству. Мазепа въ упомянутомъ пасквилѣ обвинялся въ продажѣ людей правобережной Украйны туркамъ, въ участіи въ

заговорѣ стрѣльцовъ и въ намѣреніи погубить государя. Въ составленіи пасквиля, по словамъ Маркевича, былъ заподозрѣнъ чернецъ Соломонъ, котораго пытали въ Москвѣ и казнили въ Батуринѣ „казнью жестокою, смертною". Не считая нужнымъ распространяться объ этомъ пасквилѣ, такъ какъ онъ напечатанъ въ Исторіи Малороссіи Маркевича (т. 4 стр. 145), переходимъ къ тѣмъ обличительнымъ произведеніямъ, которыя находятся у насъ въ рукахъ.

Вслѣдствіе слабаго развитія въ прошломъ столѣтіи книжной литературы и книжнаго дѣла, грамотные люди въ Малороссіи имѣли обыкновеніе заводить у себя тетради, въ которыя они вписывали болѣе интересовавшія ихъ разнородныя статьи изъ прочитанныхъ книгъ или изъ рукописныхъ-же сборниковъ; сюда-же вносились иногда и собственныя произведенія переписчиковъ. Такіе-же сборники велись еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ числѣ выписокъ, помѣщаемыхъ въ подобныхъ сборникахъ, можно встрѣтить стихотворенія, статьи историческія, духовнаго содержанія, медицинскія наставленія, юридическіе акты, письма и т. п. Тутъ-же попадаются и тѣ обличительныя произведенія, о какихъ мы говоримъ. Въ послѣднее время у меня было въ рукахъ три рукописные сборника: два я досталъ въ Черниговѣ, а третій полученъ изъ кіевской губерніи. Изъ числа черниговскихъ сборниковъ одинъ относится къ первымъ годамъ настоящаго вѣка, другой къ двадцатымъ или тридцатымъ годамъ нашего столѣтія, а кіевскій относится ко второй половинѣ прошлаго вѣка. Въ каждомъ изъ перечисленныхъ сборниковъ оказалось по одному обличительному произведенію. Изъ этого можно заключать, что обличительная литература у насъ была значительно развита и распространена.

Въ кіевскомъ сборникѣ находится стихотвореніе, обличающее злоупотребленія властей и сословные пороки вообще; оно имѣетъ такимъ образомъ болѣе общій характеръ, характеръ сатиры. Въ своей сатирѣ авторъ возвышается до признанія безотраднаго положенія своего „отчества", т. е. Малороссіи. Впрочемъ, онъ свое произведеніе, такъ сказать, иллюстрируетъ указаніемъ на злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ и, такимъ образомъ, его стихотвореніе переходитъ въ личное обличеніе. Второе произведеніе касается одного лица, именно черниговскаго архіерея Виктора Садковскаго, и обличаетъ его слабости и пороки, касаясь, какъ общественной

дѣятельности, такъ и частной жизни святителя. Третье, самое позднее, состоитъ изъ короткихъ указаній на общественные и личные недостатки многихъ лицъ, составлявшихъ, такъ сказать, цвѣтъ черниговскаго общества.

Первое произведеніе, какъ видно изъ подписи подъ нимъ, написано 23 декабря 1764 года. Неизвѣстный авторъ его, обозначившій свое имя и фамилію только первыми буквами, К. З., называетъ себя сельскимъ учителемъ, человѣкомъ не чиновнымъ, и не подвергнутымъ также вѣдомству войта, т. е. не мѣщаниномъ. Судя по тому, что стихотворецъ обличаетъ главнымъ образомъ властей города Зѣнькова, можно думать, что онъ былъ житель тамошнихъ мѣстъ. Языкъ сатиры представляетъ замѣчательную смѣсь тогдашняго книжнаго русскаго языка съ народнымъ малороссійскимъ. Стихи нескладные и темные, на столько, что общее содержаніе нуждается во многихъ предварительныхъ поясненіяхъ. Редакція стихотворенія плохая, многія мѣста испорчены, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что оно перешло чрезъ руки многихъ переписчиковъ.

Надобно сказать, что настоящая сатира появилась за нѣсколько мѣсяцевъ до прекращенія гетманскаго правленія въ Малороссіи, когда Разумовскій отказался отъ званія гетмана. Этотъ гетманъ въ послѣдніе годы своего правленія (именно въ 1761 году) издалъ универсалъ объ ограниченіи винокуренія въ Малороссіи. Нападеніемъ на указанную мѣру и начинаетъ авторъ свою сатиру. Авторъ сѣтуетъ на запрещеніе винокуренія крестьянамъ и находитъ, что отъ свободнаго производства водки поспольствомъ, т. е. народомъ, не было никакого вреда, тѣмъ болѣе, что въ народѣ не замѣчалось особаго расположенія къ пьянству, за исключеніемъ такихъ мѣстъ, какъ гг. Погаръ и Стародубъ и запорожской Сѣчи. По мнѣнію автора, лучше было-бы, если-бы сильные истребляли пороки вмѣсто того, чтобы запрещать производство горѣлки. Въ защиту автора, надобно сказать, что хотя упомянутое ранѣе распоряженіе гетмана относительно винокуренія издано, повидимому, съ благой цѣлью, съ цѣлью сохраненія лѣсовъ, сохраненія хлѣба и уничтоженія пьянства, но оно не достигало своей цѣли. Съ одной стороны, оно было несправедливо, потому что лишало извѣстныхъ правъ одни классы, не касаясь другихъ, и такимъ образомъ

вносило новую сословную привиллегію; крестьянамъ, мѣщанамъ, разночинцамъ и великороссіянамъ винокуреніе вовсе воспрещалось, а у помѣщиковъ, духовенства и козаковъ лишь нѣсколько ограничивалось въ размѣрахъ. Съ другой стороны, хотя, вслѣдствіе винокуренія, дѣйствительно истреблялись лѣса въ Малороссіи, но за то оно давало возможность земледѣльцу имѣть въ зимнее время отличный кормъ для скота, въ видѣ барды, и такимъ образомъ содѣйствовало развитію скотоводства. По словамъ старожиловъ, свободное винокуреніе и оптовая продажа вина, при малыхъ размѣрахъ его у козаковъ, не отражалась вредно на населеніи; „пьянства не было, было только постоянное питье понемножку и честованье". Историкъ нашей родины, Маркевичъ, приводитъ цѣлый рядъ аргументовъ противъ универсала Разумовскаго, считая его весьма стѣснительнымъ для тогдашней народной промышленности (т. 2-й, стр. 648). Такимъ образомъ, слова автора сатиры противъ запрещенія винокуренія у посполитыхъ людей нельзя считать неосновательнымъ обличеніемъ.

Далѣе авторъ сатиры намекаетъ на то, что водочныхъ промышленниковъ дѣлаютъ чиновными людьми. Здѣсь, конечно, заключается намекъ на произведенную въ 1763 году въ Малороссіи *вербунку* въ пикинеры, мысль о которой была подана Мельгуновымъ. При вербункѣ бѣднѣйшіе люди и „великіе опіяки" записывались въ рядовые, а грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и порутчиками. Но болѣе всего обличитель говоритъ о неправосудіи и взяточничествѣ въ судахъ, о господствѣ въ обществѣ людей порочныхъ и даже запятнанныхъ преступленіями, но располагающихъ матеріальными средствами, о выборѣ такихъ-же людей на административныя должности. Бѣлое духовенство, по словамъ обвинителя, не только не обличаетъ пороковъ и злоупотребленій властей, не искореняетъ въ народѣ предразсудковъ, въ родѣ *понедилкуванья*, т. е. держанія поста по понедѣльникамъ, и воздержанія отъ работъ въ пятницу; оно, напротивъ, само погрязло въ любостяжаніи. Но особенно достается отъ автора черному духовенству: оно обвиняется въ объяденіи, пьянствѣ, развратѣ, роскоши, бродяжничествѣ и обдираніи монастырскихъ подсусѣдковъ, когда тѣ отходятъ на житье въ привольныя степи; сутяжничество и ябедничество въ судахъ также представляются, какъ пороки мо-

наховъ. Здѣсь-же описывается и то, какое впечатлѣніе произвело на монашество совершившееся въ тѣ годы распоряженіе правительства объ отобраніи вотчинъ отъ монастырей. Въ заключеніе, авторъ выражаетъ упованіе на Управителя солнца, луны, звѣздъ и земли, что онъ исправитъ все, жестоко наказавъ пороки, и что общественныя бѣдствія пройдутъ, подобно тому, какъ миновали смертельные удары крымскихъ татаръ. По всей вѣроятности, авторъ считаетъ желаннымъ посланникомъ небесъ новое русское правительство (въ лицѣ Екатерины 2-й), которое должно было внести въ общество свѣжую струю законности и поднять нравственность. Прежде нежели перейти къ самому произведенію, нельзя не остановиться на одномъ интересномъ словѣ, употребляемомъ авторомъ. Какъ видно, общество всегда придумываетъ для себя слова, которыя служили-бы ему пугаломъ; такія слова у послѣдующихъ поколѣній теряютъ свое ужасное значеніе, а иногда принимаютъ даже самый обыденный смыслъ. Подобнымъ словомъ, соотвѣтствующимъ позднѣйшимъ „вольнодумецъ, вольтеріанецъ“ было первоначально слово „патуралистъ“, которое означало атеиста и матеріалиста въ самомъ грубомъ смыслѣ послѣдняго слова.

Приводимъ самую сатиру.

„Милостивый государь.

Вѣдая вашу къ наукамъ охоту,
Посылаю отъ себе къ вамъ работу;
Она похожа какъ-бы на сатиру,
Только достойна-ли явиться міру?
Ежели она недостойна того виду,
Прошу не привести мене въ обиду:
Ежели якая дурна машкара
Здѣсь—содрать, бросить,—пусть счезнетъ, какъ мара.

Не знаю, съ чего папамъ запретить пристало,
Чтобъ люди не робили горѣлки нимало:
Или у нихъ толстые поспухаютъ брюхи,
Ежели наробятъ немягкои сивухи,
Или у нихъ въ корпусѣ умалится росту,
Какъ гнатиметъ поспольство горѣлку не просту?
И предъ симъ всѣ посполу горѣлку робляли,
Равно люде хлѣбъ ѣли, а тѣ пановали.

Думаютъ-ли, что и въ насъ такъ, какъ у Погарѣ,
Иной можетъ просидѣть съ виномъ дней три пары?
Или такъ, какъ въ Стардубѣ, закуска литвину,
Что съ похмѣлья за вино отдалъ-бы дитину
Хоть соборному дяку, хоть отцу Давиду?
Но ихъ хоть-бы кто не зналъ, то видно изъ виду.
Въ насъ до неи не така охота, какъ въ Сѣчи,
Гдѣ иной выхмелится на годъ всего двѣчи,
А которой безсилокъ, то только однажды,
И то въ страстну пятницю,—говорю безъ вражды.
Говорили-жь, что жиды, народъ въ свѣтѣ гнусной,
Въ таковомъ дѣлѣ только неискусной;
Но не видно съ нихъ такихъ, не такъ поступаютъ,
Кто волею не беретъ—силой накидаютъ.
Хорошъ промыслъ, когда-бъ такъ усякому вольно,
Промышленниковъ такихъ было-бы довольно.
Такихъ еще становлять смотрѣть въ такомъ дѣлѣ:
Кто будетъ жить въ правду, кто будетъ смѣлый,
Кто будетъ по всему врагъ и въ дѣлѣ, и въ словѣ,
Всякой день ходить пьяный отъ людской крови,
Всего-жъ горшъ, когда будетъ шибеницѣ годный,
Смотри—придаютъ ему и чинъ благородный;—
Что хотя-бъ кто и схотѣлъ поискать росправы,
Такъ тотъ чортъ и въ судейской сидитъ-же на лавѣ.
Увы! отечество, отечество любезно,
Въ какой ты досталось часъ и горькой и слезной:
Было-ль тобѣ когда-нибудь тое на мысли,
Чтобъ тебе въ сіе время толь бѣды притисли!
Гдѣ твой мужественный духъ, гдѣ скора расправа?
Счезла, вмерла, пропала, мовъ съѣла иржава!
Теперь, якъ кто съ патрономъ да денегъ довольно,
Тому убить, и грабить, и разбивать вольно;
И всякимъ, какимъ схочетъ, торгомъ промышляти,
Былъ-бы хоть мало моторъ, та къ тому богатый.
Когда-жъ такой кто рѣчи схочетъ посумнѣтись,
Тому хоть однимъ окомъ въ Зѣнковъ присмотрѣтись:
Тутъ испервоначала выйдетъ панъ Розовскій,

А потомъ милостивецъ стрѣнетъ панъ Бурковскій,
Что накормили людей и хлѣбомъ и силью,
Не одного загнали съ дѣтьми въ богадѣльню,
Но и тамъ не дали жить съ покоемъ, безъ лиха,
Не осталось, съ чего сшить и на сумку мѣха
Въ того руки острѣйши, нежель кохти въ чорта,
Въ того зубы бо́льшіе, нежъ въ большо́го хорта;
Хоть-бы радъ погладить или поцѣловати—
Тому нельзя не вколоть, тому треба вдрати.
Тотъ, якъ былъ въ Зенковѣ тамъ на долгій часъ паномъ,
Человѣкъ и со сто съѣлъ съ хатами, съ барканомъ.
Иль далѣ за рѣку Псёлъ, въ Сорочинецъ городъ,
Сколько тамъ въ слезахъ сыщешь самихъ сѣдыхъ бородъ!
Ни одного не сыщешь малого куточка,
Чтобъ гдѣ лиха не была великая бочка.
Но на такихъ жаль-не жаль, какъ-бы на природу,
Иль на атеистъ, что зло дѣлаютъ народу;
На такихъ жаль, что Бога и что права̀ знаютъ,
Но какъ *натуралисты* во всемъ поступаютъ:
Панъ сотникъ радуется, какъ ангелъ хранитель,
Какъ проявится гдѣ воръ иль дѣвства губитель:
До свѣта прибѣжитъ къ атаману поспѣшно,
Какъ уже гдѣ есть ловля, нѣби что потѣшно.
Добродѣю вѣрный: хлѣбъ, какъ Романъ прокрався,
Гдѣ Иванъ Чечекало зъ дѣвкою попався.
„Исполать де тебѣ, другъ, за такія вѣсти!
Малой, подай скорѣй стулъ—атаману сѣсти,
Да налей водки доброй по срѣбномъ стакану;
Будетъ обоимъ, братецъ, по нову каптану,
Какъ де тотъ уже въ смерку выломилъ тамъ стѣну,
А той, прощайте, Химцѣ народивъ дитину.
Но за сіе не треба великого датку:
Пусть обидва принесутъ рублей по десятку,
Да потомъ ихъ испросить: нѣтъ-ли чего горше?
Такъ въ тѣ поры можно взять съ нихъ еще и больше,
Ой, было-бъ что взять у нихъ—есть добры коровы!
А обидва плохіи, лишь робить здоровы;

А хоть-бы стали искать,—чи въ насъ не патрони—
Судья, писарь, асаулъ, хорунжій, обозный?
Для зачину, искусныхъ воровъ выпускаютъ
И, будто сами втекли, въ народъ разглашаютъ.
Для покупки лошадей, платья строевого,
Козакамъ нельзя продать грунту никакого;
Воровства-жъ или бою сотнику въ заплату,
Продать вольно имъ зъ грунтомъ и самую хату.
Говорилъ-бы и больше, но нѣту охоты;
Пусть имъ кули, порохъ и войсковы клейноты!
Попы молчатъ, какъ гости, будто и не знаютъ,
Только и дѣла, что акафисты читаютъ.
Но пущай-бы и тое съ трелями читали,
Но хоть-бы простой рѣчью въ томъ ихъ обличали.
Еще праздники кажутъ впередъ за седмицу,
Чтобъ люде приносили для просфиръ пшеницу;
Не такъ радъ нашъ батюшка середь тижня святу,
Какъ перепадетъ тоже, что отцу Кондрату.
Кадитъ, молитву дѣетъ, маетъ взоръ набожный,
А мыслитъ, какъ-бы вынесть карманъ не порожній.
Однимъ глазомъ въ параклисъ умильно взираетъ,
Другимъ въ блюдце, гдѣ деньги, быстро поглядаетъ;
Какъ у попа къ серебру жаръ воспламенится,
Ни кутьею, ни сытою не утолится;
Того не зритъ, какіе въ людяхъ забубоны:
. . . . . [1])
„Ой, я понедѣлкую и осталась мужа,
Не роблю и въ пятницю, бо була недужа“.
Черпеци еще трохи духовные люде,
Какъ они ужь знакомы—довольно съ нихъ буде.
Предъ симъ было въ подземныхъ пещерахъ кочуютъ,
Теперь и каменными избами бракуютъ,
За одно ужъ добры—гордостью не пьяны,—
Хоть въ роскошахъ погрязли, какъ мѣлъ въ океанѣ;

[1]) Здѣсь одна строка пропущена.

Какъ заморить себе бѣдній, вийдетъ изъ кельѣ,
Въ силу мертвецъ за брухомъ дойдетъ до вечернѣ.
Не разсуждаютъ плотски, но мислятъ по духу,
На скрѣпленье стомаха пьютъ добре сивуху;
Гдѣ старецъ стоитъ соборной, въ начальной скважнѣ,
Рѣдькой да горѣлкою смердитъ на три сажнѣ.
То только держатъ они себѣ за святиню,
Чтобы украсить златомъ старую пустиню.
Ставлятъ въ иловахъ (?) часовнѣ и льютъ колоколи,
Тамъ-же нищь мразомъ таетъ, не одѣнутъ, голій.
Въ суботу да въ недѣлю старцямъ по полушки,
А для своей болшъ рубля на всякій день душки;
Но не вездѣ такъ, лишь гдѣ болшія користи,
Что иному въ годъ прійдетъ болшъ рублей нежъ двисти.
Многи, однако, и тамъ щедро подаваютъ,
И ангельскія ризи въ полицю скидаютъ;
Къ чему не могу пристать, ниже иму вѣру,
Будто хлощѣ ихъ крестятъ, только не чрезъ мѣру.
Есть у нихъ тѣ, что читаютъ за ихъ псалтири,
Бо въ соборного такихъ есть два, три, четири.
За внутреню пустиню имѣютъ Триполья,
Гдѣ отправляютъ добре свои богомолья,
Кои сильнѣйшіи, идутъ и къ Василькову [1]),
Потомъ возвращаются въ монастырь изнову,
Какъ из-за Іордана, зъ глубокой пустинѣ,
Полни плодовъ духовнихъ, полни благостини;
Иніи въ Римъ [2]) странствуютъ, той что на Подолѣ,
Но папѣстовъ виводятъ оттоль поневолѣ.
Якъ велитъ роздѣть чернець бѣдного съ кожуха,
Во имя Отца и Сина, говоритъ, и Духа.
Якъ ѣздитъ въ степъ, въ сусѣде, себѣ на погибель,
Мнитъ, я синъ обителѣ, треба чинить прибиль.

---

[1]) Трипольe—мѣстечко, Васильковъ,—уѣздный городъ кіевской губерніи. Для лѣвобережныхъ это были заграничныя мѣста—въ предѣлахъ Польши. Тутъ были монастырскія имѣнія.

[2]) Не намекъ-ли на кіевскую академію и ея якобы неправославіе?

Адамъ столько не плакалъ, какъ они ридали,
Какъ изгнанье изъ отчинъ свое послихали,
Какъ де Адамъ былъ изгнанъ, но изгнанъ зъ женою,
Имъ сидѣть было въ кельи зъ едной бородою.
Тотъ имѣлъ въ своей власти вси полскіе звѣри,
Имъ было достался одни книги сѣри.
Тотъ не изгнанъ, но загнанъ на земли пространство,
А имъ лишь было-бъ глядѣть въ церквѣ убранство.
Но сколько-же было плачу, сколько утрати,
Какъ велѣли изъ вотчинъ скотъ свой продавати:
Что стояло трохъ рублей, за таку скотину
Велѣли брать всего рубль и одну полтину.
За позовъ такъ держатся, какъ чорти за душу,
Въ росталь, снѣгъ, скрозь слёту, идуть какъ-бы у сушу;
Одинъ, знаю, и теперь лѣчитъ праву голень,
Что бѣгивалъ у Глуховъ, какъ до води олень;
Но тотъ уломилъ ногу, другой скосилъ очи,
Что сидѣлъ съ бумажками ноябрьскія ночи.
Но пущай би тотъ храмалъ, другой смотрѣлъ криво,
Чего-бъ уже язикомъ говорити лживо?
Еще у нихъ іерей есть Давидъ набожний,
А карманъ тридцать ябедъ лживыхъ не порожній.
Въ монастырѣ—дряхліе только да калѣки,
Всѣ жъ—гдѣ села, мелницѣ, гдѣ зъ хлѣбомъ засѣки;
Иль така заслужена и честна особа,
Что ужъ ей тамъ сидѣти крайне неподоба:
Тотъ уже въ манастирѣ молитви читаетъ,
То въ лавкахъ матерію, то чай покупаетъ:
„Что въ мене чай, такого ни въ самомъ Китаю,
Дванадцати водами одинъ наливаю,
Смотри-жъ какой травянистъ, какой де душистой,
Да и сахаръ, посмотри, самой канаръ чистой.
Еще одной покупкой тебѣ похвалюся,
Да нѣтъ ли какой порчи и самъ подивлюся:
Не матерьялъ, не квѣтъ, а какая плотина“.[1])

[1]) Плотность.

Какъ ви сами скажете:—изрядна люстрина?
—„Почему куповали вы тую люстрину?“—
„Сталъ мнѣ локоть въ два рублѣ и одну полтину,
Хотѣлъ было купити чего подороже,
Хлопець сказалъ, что и въ сей мнѣ будетъ пригоже.
Сей-же, только свѣтлѣйшей, бралъ Инокентій,
Сподѣюся, посилати комусь въ презенти;
Онъ поболшъ меня взялъ—аршиновъ пятнадцать,
А я себѣ, постаравшись, взялъ зъ лишкомъ двадцять“.
Здаетця мнѣ, говорятъ въ пещерахъ святіи
Къ вамъ, соборніи чернци, въ слухъ слова такіи:
Хоть ваше вездѣ блещитъ сребро и злато,
Но намъ яснѣше наше пещерное блато.
Наши излежаліе власяніе ряси
Дороже, нежель ваши штофи и отласи.
Наши многошвеніи и худіе руби
Крѣпше, нежель въ васъ люстрина, бархати груби“.
Сама ограда кричитъ, самий прахъ бездушной,
Келіи, колокольня, на вашъ уборъ бучний:
„Чуть вы, отци святіи, отъ ризъ, что на тѣлѣ,
По внутреннему виду равно не счернѣли“.

Казалъ бы, какъ носится старинная мова,
Что подражаютъ князю подданни до слова:
Но въ насъ въ президенціяхъ вездѣ чинъ исправной
Найпаче же живетъ всякъ зъ насъ безобавной.
Всякой изъ насъ бережетъ только интереса,
А другое дѣлаетъ горшъ самого бѣса.
Одинъ только и важенъ нам первій да вторій,
А большъ многимъ не страшенъ уже ни которій.
Убійство, нападенье и всякое дѣло
Съ деньгами да съ патронами отправлять смѣло.
Бѣглой юристъ, какъ перомъ нѣчего не зможетъ,
Непорожнѣмъ карманомъ въ томъ себѣ поможетъ.
Хочъ учуетъ за вину далеку Камчатку,
Но если воръ лишь ставитъ денежную взятку,

Знаетъ, что набереть денегъ хоть и разбоемъ,
По всей моди чаетъ жить дома и съ покоемъ.
На что на иностранныхъ враговъ мечъ острити,
Когда внутреннимъ врагомъ попускати жити?
Лучше одного спасти изъ своихъ подданныхъ,
Нежели убити сто враговъ иностранныхъ—
Иначе нѣчимъ будетъ надѣлять калѣку,
Бо послѣдню старшина отойметъ копѣйку (?).
Ось слишно у насъ будутъ нови подкомори,
Когдабъ лишь съ нихъ по прежнему не били вори:
Какъ будутъ смотрѣть себѣ людьскои користи,
То хотя бы и заразъ побравъ ихъ нечистый.
Лучше бы пороки у сильныхъ истребляти,
Нежель робить горѣлку бѣднымъ запрещати.
Когда Богъ насъ милуетъ и казнитъ во свѣтѣ,
Можна въ поправки худа надежду имѣти:
Дѣлали предъ симъ бѣды крымскіе татари,
А теперъ минули ихъ смертніе удари.
Слонца, луни, звѣздъ, земли вѣрній Управитель
Исправитъ все и бѣднихъ будетъ защититель,
Потрясетъ громомъ страшнимъ кругъ неба широкой,
И пороки всемѣрно накажетъ жестоко:
Казнь Божая, кажутъ намъ, ходитъ на костыляхъ,
Но догонитъ, хоть бы билъ кто отъ ней въ сто миляхъ.

Не громкая моя бѣдна коляда,
Полно лежать въ селѣ, ступай въ города;
Не очень робѣй, хоть не съищешь брата,
Требуютъ того слѣдующи свята.
Ежели кто спроситъ: „что въ городъ погнало?“
Сказуй:—у селѣ користи мнѣ мало.—
Не Картезій филозофъ, не славній Виргилій,
Но селянинъ трудился въ неважномъ семъ дѣлѣ:
Ни умъ, ниже способность, но отъ самой скуки
Захотѣлъ писать сіе, перо взявши въ руки;

Кто я таковъ,—не пишу; така мнѣ примѣта:
Хотя не живъ чиновнимъ, не тягну до войта.

За сей пашколь, а не сатиру,
Наругательній всему міру,
Издателя висѣкти кнутомъ,
Въ справедливость прочимъ шіитомъ;
Послѣ чрезъ ката предать огню,
Такой заплати достоинъ, мню.

Второе обличительное произведеніе имѣетъ также стихотворную форму и носитъ заглавіе: „Епитафія Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому Виктору". Оно, конечно, написано было въ годъ смерти этого архіерея, т. е. въ 1803 году. Авторъ его подписалъ свою фамилію—С. Крещеновскій. Изъ самаго стихотворенія видно, что это лицо было если не духовнаго званія, то, во всякомъ случаѣ, близкое къ духовной сферѣ. Произведеніе Крещеновскаго интересно тѣмъ, что оно раскрываетъ такую сторону дѣятельности и жизни Садковскаго, лица извѣстнаго въ исторіи малорусской іерархіи, о которой умалчивается въ другихъ источникахъ. Изъ источниковъ болѣе офиціальнаго характера (наприм. изъ Историко-статистическаго описанія черниговской епархіи Филарета, кн. 1 стр. 103 и изъ др.) извѣстно, что Викторъ Садковскій съ 1774 года, будучи игуменомъ Тупичевскимъ, служилъ при варшавскомъ посольствѣ, затѣмъ былъ намѣстникомъ кіевской митрополіи и вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ слуцкимъ и въ этомъ званіи, какъ завѣдывавшій многими церквами и монастырями польскаго королевства, далъ присягу на вѣрность королю и получилъ привиллегію. Но въ 1789 г., во время волненій въ провинціяхъ, населенныхъ малорусскимъ народомъ, заподозрѣнъ поляками въ возбужденіи православнаго населенія Польши противъ поляковъ и за это арестованъ и подвергнутъ тюремному заключенію. Послѣ второго раздѣла Польши, Садковскій наименованъ епископомъ минскимъ, а съ 1796 г. переведенъ въ Черниговъ, гдѣ „мирно почивъ 11 ноября 1803 года", погребенъ въ кафедральномъ ильинскомъ монастырѣ. Портретъ его украшается надписью: „Ар-

хіерея зришъ, который взятъ въ полонъ, премного пострадалъ за правду—свой законъ". Подобные факты, какъ страданіе за вѣру, хотя оно совершилось и не добровольно, а, такъ сказать, по долгу службы, и аттестація на портретѣ, могутъ подкупить историка въ пользу Виктора и побудятъ его составить лишь одно свѣтлое представленіе. Между тѣмъ обличительное произведеніе указываетъ на такую тѣневую сторону въ дѣятельности Садковскаго, которая значительно ослабляетъ обаяніе вышеприведенныхъ фактовъ. *) Въ предлагаемой эпитафіи Садковскій представляется лицомъ, довѣрявшимся во всемъ своимъ любимцамъ Юдѣ, или Юдицкому, докладчику Григорію и діякону Левонькѣ; эти лица заправляли ходомъ всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ: по ихъ указанію, посвящалъ Садковскій священниковъ, назначалъ ихъ въ духовныя правленія и т. п., а его любимцы брали съ назначаемыхъ взятки. Священническія мѣста давались людямъ недостойнымъ, простымъ ремесленникамъ и т. п. Съ своими любимцами святитель ѣлъ, пилъ и упивался; они же, послѣ его смерти, захватили все его имущество, состоявшее въ разнородныхъ напиткахъ и дорогихъ матеріяхъ. Наконецъ, Садковскій обвиняется въ сѣченіи какого-то Камлыкова, вѣроятно, сначала тоже любимца его, непочтившаго надлежащимъ образомъ Юдицкаго; при чемъ замѣчается, что послѣдствіемъ истязанія была смерть Камлыкова.

*) О строгости пр. Виктора Садковскаго, точнѣе, его раздражительности и суровыхъ наказаніяхъ,—наслѣдіи временъ прежнихъ, сохранилась изустныя преданія, не придающія однако его личности никакихъ другихъ темныхъ качествъ. Его довѣріе къ своимъ приближеннымъ и злоупотребленіе этихъ послѣднихъ—слишкомъ обыкновенное явленіе, встрѣчающееся и въ позднѣйшее время, при томъ не въ одной духовной сферѣ. Значеніе эпитафіи сильно ослабляется «посланіемъ Виктора съ того свѣта», тѣмъ же авторомъ составленнымъ. Предпочитаніе кандидатовъ священства простыхъ, но вѣрующихъ и благоговѣйныхъ, такъ называемымъ ученымъ, но маловѣрнымъ и заносчивымъ, указываетъ на какое-то странное направленіе тогдашней черниговской семинаріи, не дающей почему-то и въ настоящее время достаточнаго числа священниковъ для черниговской епархіи. Отвѣтъ Виктора аналогиченъ съ мнѣніемъ о семъ же предметѣ, не рѣдко проводимымъ въ современной печати. Оба произведенія неизвѣстнаго пасквилянта, былъ ли то консисторскій ярыжка, или семинаристъ, способный писать *pro* и *contra*, имѣютъ значеніе болѣе, какъ памятники вообще тогдашней особаго рода литературы. *Ред.*

Епитафія высокопреосвященнѣйшему архіепископу черниговскому и нѣжинскому Виктору.

Кава́леръ молодой и пожилой святитель
Се отлетѣлъ отъ насъ въ небесную обитель.
Востань, архіерей! востани, генералъ!
Се предстоитъ тебѣ Юдицкій совѣстьдралъ!
Онъ всѣ сокровища твои съ великой честью
Принесъ ужъ своему возлюбленному тестю,
Ключи съ печатью онъ отъ кладовыхъ твоихъ
Принесъ, чтобъ поручить другимъ съ рукъ въ руки ихъ.
Нѣтъ въ погребахъ вина, нѣтъ полпива въ бутылкахъ,
Ихъ отвезли туда-жъ, иль отнесли въ носилкахъ.
Атласъ, плисъ, бархатъ, штофъ, и съ водкою бадьи
Все вихремъ поднялось къ никольской попадьи.
Востань, архіерей! возьми ключи съ печатью
И будь Петромъ теперь, какъ Юда съ благодатью.
Послушай, что тебѣ на ухо говоритъ
Григорій, младый твой докладчикъ, фаворитъ:
„Востань, Архіерей! еще живи ты съ нами,
Еще не всѣхъ бродягъ мы сдѣлали попами,
Есть много конюховъ, портныхъ, чеботарей,
Которые могутъ служить у алтарей;
А богословамъ вить вездѣ мѣста открыты,
Они же могутъ быть и безъ поповства сыты....“
—Такъ любушки*), такъ, такъ! архіерей сказалъ
И въ исповѣди быть портному написалъ.
На завтра нашъ портной идетъ изъ церкви въ рясѣ,
А на предбудущъ день и чеботарь въ запасѣ,
И очередь давно ужъ конюху пришла,
А отъ Григорія ловушка не уйшла:
Портной далъ сто рублей, а конюхъ полтораста,
Сапожникъ приносилъ по пятдесятъ изчаста.
И такъ Григорію златой открылся вѣкъ,
Онъ полубогъ попамъ, не простый человѣкъ.
Какъ ѣдетъ въ дрожечкахъ, схватившись у боки,
Попы безъ шляпъ стоятъ, поклоны бьютъ глубоки,

*) Любимое выраженіе Садковскаго.

Но онъ летитъ, борзясь, какъ быстренькой соколъ,
И прилетѣлъ къ крыльцу, съ владыкой сѣлъ за столъ.
Тутъ вытянулъ пукалъ, и три, и пять до суха,
Сталъ такъ благовѣстить владыкѣ въ оба уха:
„Гаврило протопопъ, тотъ славный винокуръ,
Что часто возитъ къ намъ свиней, гусей и куръ,
Быть можетъ награжденъ палицей, скуфіею,
И въ дикастеріи за столъ сѣсть судіею".
И въ тотъ же самый часъ сей золотой оселъ,
Схвативъ всѣ почести, за столъ судейскій сѣлъ.
О, милые друзья, Григорій и Левонька!
Поймали Виктора за уши излегонька;
Такихъ чудъ не творилъ Илья и Елисей,
Какъ ради васъ творилъ владыка Викторъ сей.
Левонька, вспомни, какъ въ бѣдахъ ты былъ по уши,
Когда былъ на тебѣ чинокъ—полякъ, конюшій:
Когда пришлось тебѣ и съ кожею пропасть,
То ты умѣлъ свалить на Виктора напасть;
А Викторъ, чтобъ сіе скорѣй окончить дѣло,
Брякъ поляка тотчасъ въ діаконы на смѣло.
„О чудо веліе, кричитъ полякъ, на мнѣ:
Мнѣ быть діакономъ не снилось и во снѣ;
Что дѣлать мнѣ теперь, какъ надѣвать мнѣ ризу,
Откуду книгу честь—иль сверху или снизу?
Я выросъ въ римарствѣ, семъ ремеслѣ простомъ,
Къ чему-жъ годится мнѣ кадило со крестомъ?
Я знаю починять коляски и кареты,
И не могу входить въ церковные секреты.
Какой-же чортъ меня въ діаконы поджогъ?
О Юда, чтобъ тебя перуномъ побилъ Богъ!
Григорій! проклятъ ты съ Юдицкимъ буди, буди,
Вы сдѣлали мнѣ то, что не гожуся въ люди:
Теперь ни римарь я, ни конюхъ, ни полякъ,
А кто? Діаконъ?—Нѣтъ, изъ дураковъ дуракъ".
Ну! полно-же тебѣ, полякъ, сердиться столько;
Архіерейскихъ вить дѣтей бранить неловко:
Когда владыко самъ изволилъ ихъ женить,

Такъ смѣешь-ли ты ихъ злословить и бранить?
Владыко съ ними жилъ такъ, какъ живетъ братъ съ братомъ,
Любилъ ихъ какъ дѣтей, и былъ за ними сватомъ;
Они, бывало, съ нимъ и кушаютъ, и пьютъ,
Подъ пьяный вечерокъ, какъ по щекамъ не бьютъ,
Напали молодцы на пастыря святого,
Водили за носокъ, какъ старика слѣпого.
О Викторе! взгляни ты на своихъ дѣтей:
Они слезятъ, что ты ушелъ изъ ихъ когтей;
Когда-бъ пожилъ еще годокъ ты съ половиной,
Изъ благодарности они къ тебѣ единой
Женили-бъ и тебя, какъ оженилъ ты ихъ.
Они-бъ были сваты, а ты бы былъ женихъ!
Но видно, Камлыковъ на томъ заплакалъ свѣтѣ,
Что ты его въ своемъ сѣкъ больно кабинетѣ.
Не правда-ль, Камлыковъ, не правда-ль, милой другъ,
Что розокъ триста тамъ тебѣ всыпали вдругъ?
За что, скажи, за что? Иль говорить я буду:
За то, что не почтилъ проклятого Іуду,
За то ты сѣченъ былъ, за то ты пострадалъ,
Былъ въ ссилкѣ полгода и Богу духъ отдалъ.
Такъ, видно, Камлыковъ челомъ ударилъ Богу,
Богъ не стерпѣлъ—послалъ за Викторомъ смерть строгу;
Смерть повлекла его тотчасъ въ извѣстный путь,
Не разсмотрѣвъ, свою чѣмъ онъ украсилъ грудь.
Но гдѣ посадитъ Богъ его послѣ суда?
Пождите, Камлыковъ дастъ скоро знать сюда!..

Посланіе Виктора съ того свѣта.

Писатель молодой и стихотворецъ дерзкой,
Ты изострилъ на смерть мою языкъ свой мерзкой!
Почто коснулся ты умерша старика?
Я былъ тебѣ отецъ, моя тебя рука
Отъ бѣдъ избавила и вытащила съ грязи,
Устроила тебѣ, что ты живешь со съ князи.
Такъ ты благодаришь за хлѣбъ мою и соль?
Надъ мертвымъ сынъ отцомъ таку играетъ роль!

Непрощенны твои да будутъ наглы кости,
Что мертвыхъ ты костей съ одной коснулся злости!
Въ чемъ только погрѣшилъ я—Богу далъ отвѣтъ;
Я грѣшникъ не одинъ, во злѣ лежитъ весь свѣтъ.
Что не ученыхъ я большъ постригалъ попами,
Тому ученые причиною вить сами.
„Я не хочу попомъ, рече ко мнѣ, студентъ,
Вели дать аттестатъ—быть лыцусь юриспрудентъ.
Какъ мнѣ за похоронъ пирогъ брать, паляницу?
Я чистый дворянинъ, поѣду я въ столицу;
Не лучше-ль быть мнѣ тамъ хотя-бъ секретаремъ,
Чѣмъ тутъ на поминкахъ сидѣть съ пономаремъ"?
Итакъ учены всѣ разсѣялись по свѣту,
Кому-же въ церкви пѣть и въ ризу быть одѣту?
Послушай, мой сынокъ, что я тебѣ скажу:
Лишь только простяка я рукоположу,
Мнѣ въ защищеніе сіи слова годятся:
Богъ буія избра, да мудри постыдятся.
Апостолы тогда не книжные были,
На рыбу волоки и постолы плели,
Однако-жъ мудрецовъ подъ ноги покорили
И дивныя дѣла одни они творили.
Въ простѣйшихъ Богъ живетъ воистину сердцахъ;
Некнижные въ себѣ имѣютъ Божій страхъ,
Со трепетомъ они всѣ въ церкви поступаютъ,
И хульныхъ никакихъ блеять словъ не дерзаютъ.
Учены кракаютъ: на свѣтѣ Бога нѣтъ—
Ну? какъ-же таковымъ въ церквахъ священныхъ пѣть?
Напрасно ты бранишь моихъ питомцевъ смѣло:
Въ имѣніи моемъ твое какое дѣло?
Кто мнѣ усерденъ былъ и жизнь мою хранилъ,
Тому я отъ любви свое все подарилъ;
Родни нѣтъ у меня, родня моя Юдицкій,
Оставилъ я ему, что въ домѣ есть пожитки.
Когда Григорію рублей десятковъ пять
Отъ чести кто дарилъ, скажи, кто виноватъ?
У свѣтскихъ больше дають,—и то считаютъ жарты,

Когда прокидаютъ за ночь ста два у карты;
Оставь-же, юноша, шутить со старикомъ.
Совѣтъ мой: не пиши худенькихъ словъ нишкомъ,
Себя знай самого, о сотворенномъ кайся,
И къ мертвымъ болѣе уже не прикасайся.

Приведенный отвѣтъ Виктора съ того свѣта подписанъ буквами С. К., слѣдовательно, принадлежитъ тому-же автору, что и эпитафія.

Третье обличеніе написано прозой. Внѣшняя форма его—объявленіе о продажѣ новыхъ книгъ, будто-бы сочиненныхъ обличаемыми лицами. Эта форма придумана въ первый разъ не авторомъ настоящаго обличенія; онъ заимствовалъ ее у другихъ. Что подобныя-же формы обличенія существовали раньше, видно изъ указа сената отъ 24 января 1765 года, которымъ предписывалось „о сожженіи разсѣянныхъ въ Москвѣ, подъ именемъ нѣкоторыхъ ругательныхъ сочиненій, состоящихъ въ каталогахъ на французскомъ и россійскомъ языкахъ, пасквилей, какъ чтенію недостойныхъ, публично, на площади, чрезъ палача". Наше обличеніе, или, вѣрнѣе сказать, пасквиль, написано въ Черниговѣ не позже тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Авторъ его не извѣстенъ; но можно предполагать, что имъ былъ Гребецкій, писавшій въ то время стихи, которые были распространены въ Черниговѣ и попадаются въ томъ самомъ сборникѣ, изъ котораго заимствовано настоящее обличеніе. По содержанію своему это произведеніе представляетъ обличеніе цѣлаго сонма административныхъ и частныхъ лицъ г. Чернигова,—первыхъ въ разнаго рода злоупотребленіяхъ, вторыхъ въ личныхъ недостаткахъ и порокахъ.

Объявленіе.

Безъ дозволенія начальства, въ Черниговѣ продаются новыя книги:

I.

1) Уроки строгости, самое обширное сочиненіе, съ разными новоизобрѣтенными способами, изданіе 16-е, сочиненіе Г. П. Милорадовича.

2) Опытъ супружескаго согласія, вѣрности и примѣрнаго благоразумія, съ разными картинами; сочиненіе С. Г. М.

3) Курсъ скораго обогащенія, сочиненіе совѣтника Ивана Павловича Масловича.

4) Продается совѣсть и честь за самую сходную цѣну. Спросить въ домѣ совѣтника Павла Фил. Боголюбова.

5) Езопъ девятаго на десять вѣку. Спросить Ивана Яковлевича Лизогуба.

6) Уголовное право, на изнанку вывороченное. Спросить у президента перваго департамента.

7) Школа злословія, старинное изданіе; сочиненіе Аграфены Племянниковой, урожденной Дурасовой.

8) Опытъ любви или воинъ селадопъ, сочиненіе полковника Зыбина.

9) Сочиненіе Телемахиды; сіе сочиненіе само по себѣ удивительно, какъ и обширностію сочинительницы, Настасіи Петровны Бутовичевой; раздается оное безденежно и каждодневно.

10) Карточный игрокъ, совершенно знающій карточную игру, ищетъ себѣ занятія; объ немъ спросить въ домѣ вдовы Стоинской.

II.

1) Продается чистая книга, въ которой можно писать, что угодно; спросить у префекта черниговской губерніи.

2) Школа кокетства, по которой въ краткое время можно получить большіе успѣхи; сочиненіе Маріи Кузьминишны Должиковой.

3) Законы и права разнаго званія людей, у Дубровы продаются и въ наймы отдаются.

4) Необходимо нуженъ человѣкъ, который-бы взялся на десять лѣтъ поставлять бѣлилы и румяны цѣлыми обозами; благоволятъ явиться для торгу въ домъ Варвары Шафонской.

5) Нуженъ женихъ не свыше 69 лѣтъ, не дальняго ума, какой-бы наружности и происхожденія ни былъ, только-бы имѣлъ большое богатство; благоволитъ явиться въ домъ Маркова.

Желающіе познакомиться съ издателемъ сего объявленія могутъ найти меня, отъ 10-ти до 3-хъ часовъ, на Казанской большой площади, близь церкви сего-же наименованія, подъ четырнадцатымъ столбомъ, по правую руку.

Приведенныя обличительныя произведенія указываютъ на существованіе у насъ издавна рукописной обличительной литературы,

которая вызывалась, съ одной стороны, господствомъ безнаказаннаго произвола въ средѣ правящихъ классовъ, съ другой стороны, потребностью, хотя письменно, оглашать передъ обществомъ этотъ произволъ, проявлявшійся въ различныхъ формахъ. Правда, въ произведеніяхъ этого рода иногда обличалось то, что, по современнымъ понятіямъ, не подлежитъ обличенію и суду общества, т. е. частная жизнь, какъ общественныхъ дѣятелей, такъ и частныхъ лицъ, и даже поведеніе женщинъ, стоявшихъ совершенно вдали отъ всякаго рода общественной дѣятельности. Но, съ какимъ-бы направленіемъ ни являлись эти рукописныя обличенія, они, во всякомъ случаѣ, имѣютъ большое значеніе для исторіи общества, такъ какъ, замѣняя собой современную гласность, они могутъ служить интереснымъ матеріаломъ для характеристики нравовъ, воззрѣній и потребностей всего стариннаго общества, въ томъ числѣ и самихъ обличителей. Въ виду указаннаго значенія подобныхъ произведеній, желательно, чтобы на собираніе ихъ было обращено вниманіе лицъ, интересующихся прошлымъ нашей родины.

П. Ефименко.

Библіографія.

Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. 1-й. Екатеринославъ. 1880. 8°. 573 стр.

Среди южной Россіи екатеринославская губернія представляетъ собою *мѣста новыя*, на которыхъ гражданская жизнь начинается лишь съ прошлаго вѣка. До того, вся территорія этой губерніи состояла почти исключительно, по выраженію старинныхъ актовъ, изъ „яловыхъ полей“, которыхъ хозяевами считались запорожскіе козаки и крымскіе татары. И тѣ и другіе не знали границъ своихъ владѣній, потому что при отсутствіи населенія и знать ихъ было незачѣмъ. Еще въ началѣ XVIII в. случалось, что во время мирныхъ отношеній между запорожцами и татарами, послѣдніе безпрепятственно кочевали съ своими табунами по южному берегу Орели, т. е. около границы настоящей полтавской губерніи; и запорожцы имъ въ этомъ не мѣшали, потому что степныхъ пастбищъ ужъ слишкомъ было много сравнительно съ потребностью населенія.

Заселеніе этихъ степей начато было запорожцами, которые съ начала XVIII в. стали устраивать, по берегамъ рѣчекъ, свои „зимовники“, служившіе первоначально пристанищемъ въ зимнее время для табуновъ. Изъ зимовниковъ современемъ стали возникать „слободы“, когда тѣснимое державцами малороссійское крестьянство не находило уже болѣе свободныхъ отъ „панскаго начала“ мѣстъ въ гетманщинѣ. Тогда изъ послѣдней народъ сталъ двигаться за Орель, какъ говорилось—въ Запорожье. Но это движеніе было не велико: какъ ни заманчивы были запорожскія слободы, по отсутствію въ нихъ всякаго „панскаго начала“,

но жизнь въ этихъ слободахъ подвергалась постоянной опасности отъ татарскихъ грабежей.

Дѣйствительное заселеніе запорожскихъ степей началось послѣ уничтоженія Запорожья (1775 г.), когда правительство стало раздавать здѣсь земли разнымъ служебнымъ людямъ „въ ранговую дачу и по чину особо". Земли раздавались подъ условіемъ немедленнаго заселенія полученнаго участка „народомъ семейнымъ и осѣдлымъ, вольнымъ и свободнымъ, изъ мѣстъ дозволенныхъ и незапрещенныхъ". Получивъ земли, владѣльцы „осаживали слободы", зазывая къ себѣ поселенцевъ обѣщаніемъ разныхъ льготъ. Недостатка въ охотникахъ къ заселенію слободъ не было, крестьяне со всѣхъ сторонъ въ массѣ надвинулись въ эти слободы, разсчитывая найти здѣсь въ дѣйствительности тѣ льготы, въ обѣщаніи которыхъ конечно не скупились новые земельные собственники. Какъ только въ слободѣ поселялось нѣсколько десятковъ хатъ, собственникъ ея спѣшилъ устройствомъ церкви, такъ какъ при существованіи послѣдней, народъ селился въ слободѣ охотнѣе. Въ 1779 г. новороссійской губернской канцеляріи чиновникъ, губернскій секретарь Петръ Папчинскій получилъ себѣ въ ранговую дачу участокъ земли въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Черезъ три года на этомъ участкѣ явилась уже слобода и въ началѣ 1782 г. Папчинскій писалъ въ славянское духовное правленіе: „по отдаленности слободы моей Петровской, состоящей саксаганскаго уѣзда на рѣчкѣ Мокрой-Сурѣ, отъ всѣхъ таковыхъ мѣстъ, гдѣ имѣются церкви (ибо самое ближайшее къ оной село Карнаухóвка разстояніемъ до 35-ти верстъ), дабы отвлечь нужду въ полученіи христіанскихъ требъ поселеннымъ въ оной людямъ, кои, будучи недавно выведены изъ Польши [1]) и другихъ позволенныхъ мѣстъ, не успѣли еще и нужнымъ домостроительствомъ обзавестись, возымѣлъ я намѣреніе своимъ коштомъ состроить въ той моей слободѣ деревянную церковь во имя св. ап. Петра и Павла, для которой лѣсные матеріалы всѣ уже въ заготовленіи, а также нѣкоторыя церковныя книги и священническія облаченія имѣются; для священника жъ съ церковнослужителями 120 десятинъ земли отмежевано, на которую и планъ въ надлежащее время представить имѣю. Въ той же слободѣ моей состоитъ нынѣ дѣйствительно въ поселеніи 47

[1]) Здѣсь подъ Польшей разумѣется теперешній юго-западный край Россіи.

дворовъ, да и впредь поселеньемъ людей пріумножить число оныхъ я намѣренъ; а сверхъ того, въ окружности моей слободы поселяются слободцы—отст. ротм. Бучинскаго, л.-гв. преображ. полка сержанта Ушакова, кинбургскаго драг. полка преміеръ-маіора Тутолмина, капитана Верменки, подпоруч. Сахновскаго и прочихъ помѣщиковъ, жители которыхъ могутъ безнужно отъ сей мною къ постройкѣ намѣреваемой церкви христіанскія требы получать; въ тѣхъ-же всѣхъ слободахъ въ поселеніи состоитъ кромѣ людей, до 100 дворовъ". Осенью 1784 г. церковь въ слободѣ Петровской была готова, а въ февралѣ слѣдующаго и освящена. Такъ быстро селились и устраивались и другія слободы.

Какъ ни щедро производилась раздача запорожскихъ степей, но свободныхъ земель все еще оставалось много. И на этихъ земляхъ селились слободы, безъ всякаго съ чьей-либо стороны разрѣшенія. Мѣстами для поселенія этихъ вольныхъ слободъ служили большею частью прежніе запорожскіе зимовники. Впослѣдствіи слободы эти объявлены были „государственными казенными слободами". Впрочемъ государственныя слободы селились и по распоряженію самаго правительства. Особенное стараніе о поселеніи ихъ прилагалъ азовскій губернаторъ Чертковъ, который болѣе другихъ потрудился въ дѣлѣ гражданскаго устроенія теперешней екатеринославской губерніи.

Первый выпускъ „Матеріаловъ" заключаетъ въ себѣ очерки возникновенія населенныхъ мѣстностей четырехъ уѣздовъ: екатеринославскаго, верхнеднѣпровскаго, новомосковскаго и павлоградскаго. Такъ какъ „Матеріалы" извлечены почти исключительно изъ консисторскихъ архивовъ, то помѣщенные въ нихъ очерки касаются преимущественно свѣдѣній о времени построенія въ слободахъ церквей. Другія свѣдѣнія о слободахъ очень коротки и состоятъ большею частью изъ общихъ мѣстъ. Неизвѣстный авторъ „Матеріаловъ" жалуется на бѣдность мѣстныхъ архивовъ, сообщая при этомъ слѣдующія не безъинтересныя свѣдѣнія о ихъ судьбѣ: „изъ разсмотрѣнныхъ и прочитанныхъ нами старинныхъ дѣлъ въ архивахъ консисторскомъ, древняго самарскаго монастыря и архіерейскаго дома ясно видимъ, что, по учрежденіи и открытіи, въ 1775 году, екатеринославской епархіи, подъ названіемъ Славенской и Херсонской, въ полтавскій крестовоздвиженскій монастырь, въ которомъ первоначально помѣщались каѳедра и епархіальная консисторія екатеринославскихъ епископовъ, въ теченіи 1776—78 гг., разновременно, при проме-

моріяхъ, съ подробными описями доставлены были изъ консисторій—кіевской и переяславской, воронежской и бѣлгородской—всѣ дѣла, справки и свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ поселенныхъ мѣстностяхъ и православныхъ приходахъ, кои, по географическому положенію своему, вошли въ первоначальныя границы новой екатеринославской епархіи. Но съ одной стороны, вслѣдствіе перенесенія екатеринославской епархіальной каѳедры, въ началѣ 1798 г., въ г. Новомиргородъ, а въ 1804 году — въ Екатеринославъ, многія изъ консисторскихъ епархіальныхъ дѣлъ, офиціальныхъ справокъ и документальныхъ свѣдѣній, при перевозкѣ ихъ изъ Полтавы въ Новомиргородъ и изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ, пропали, исчезли и улетучились безслѣдно; составленная въ Екатеринославѣ, въ 1807 г., по сему случаю комисія ни къ чему не привела: виновниковъ растраты не указала, потерянныхъ бумагъ не отыскала и даже слѣдовъ преступленія не нашла. А съ другой стороны, по отдѣленіи изъ обширнѣйшей, по пространству своихъ предѣловъ, екатеринославской епархіи и по образованіи, въ сосѣдствѣ съ нею, новыхъ самостоятельныхъ епархій,—въ 1795 г. подольской и брацлавской, въ 1799 г. слободско-украинской и харьковской, въ 1803 г. полтавской и переяславской, въ 1813 г. кишиневской и хотинской и въ 1837 г. херсонской и таврической,—всѣ дѣловыя бумаги и письменные документы, касавшіеся мѣстностей, отъ екатеринославской епархіи отошедшихъ въ предѣлы новоучрежденныхъ епархій, разновременно переданы и отправлены изъ екатеринославской консисторіи въ консисторіи новыхъ епархій.

Наконецъ пресловутое Запорожье и новороссійскій край собою, своею судьбою и положеніемъ своихъ жителей, нѣкогда интересовали многихъ и привлекли къ себѣ вниманіе любителей русской старины. Было время, 1830—1840 годы, когда не только мѣстные антикваріи терпѣливо рылись въ пыли екатеринославскихъ архивовъ и извлекали оттуда интересныя и любопытныя свѣдѣнія о русской старинѣ, но пріѣзжали въ Екатеринославъ даже изъ далекихъ мѣстъ любознательные изыскатели древностей, долго жили здѣсь, внимательно разбирали архивы и уѣзжали отсюда съ большими запасами и пріобрѣтеніями. При разборѣ бумагъ екатеринославскихъ архивовъ—консисторскаго, архіерейскаго дома и самарскаго монастыря — ясно видно, что бумаги эти, перемѣшанныя и перебитыя, были уже во многихъ рукахъ и потерпѣли не малую убыль: на многихъ бумагахъ раз-

ныхъ годовъ и различныхъ связокъ имѣются помѣтки разныхъ рукъ со многими замѣчаніями, соображеніями и указаніями; во многихъ дѣлахъ, по существу своему весьма интересныхъ, вырваны цѣлыя бумаги, въ нѣкоторыхъ связкахъ нѣтъ полныхъ, цѣликомъ дѣлъ. Не удивительно послѣ сего, что въ мѣстныхъ архивахъ мы не находимъ обстоятельныхъ свѣдѣній о древнихъ знаменитыхъ и славныхъ въ Запорожьѣ городахъ, какъ наприм. Старая Самара, Старый Койдакъ, Романково и проч.

Такимъ образомъ краткость историческихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Матеріалахъ", объясняется тѣмъ небреженіемъ, въ какомъ издавна находятся наши провинціальные архивы. Не смотря однакожъ на эту краткость, „Матеріалы" представляютъ не мало интересныхъ свѣдѣній для исторіи колонизаціи и гражданскаго устроенія южной Россіи. Вообще дѣло разработки южнорусской церковной старины подвигается довольно успѣшно. Мы имѣемъ классическое описаніе харьковской епархіи, принадлежащее архіепископу Филарету (Гумилевскому), который напечаталъ въ этой книгѣ массу историческихъ документовъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Другое описаніе—черниговской епархіи хотя принадлежитъ тому-же автору, но далеко уступаетъ первому какъ по краткости сообщаемыхъ свѣдѣній, такъ и по тѣмъ поспѣшнымъ выводамъ, которыми оно наполнено. Одна только полтавская епархія хранитъ до сихъ поръ глубокое молчаніе о своихъ минувшихъ судьбахъ. Даже такой извѣстный монастырь, какъ мгарскій (около Лубенъ), куда ежегодно приходитъ множество народа на поклоненіе мощамъ Аѳанасія сидящаго, по настоящее время не имѣетъ описанія. Книга Арандаренко, которой давно уже нельзя найти въ продажѣ, и отрывочныя статьи Максимовича—продолжаютъ оставаться единственными источниками для знакомства съ стариною полтавской епархіи.

Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки, церковнославянскихъ и русскихъ. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильна. 1882.

Въ послѣдніе годы начинаютъ мало по малу появляться описанія рукописныхъ коллекцій, находящихся въ юго-западной Россіи. Доселѣ извѣстны были слѣдующія описанія мѣстныхъ коллекцій рукописей: 1) Описаніе рукописей церковно археологическаго

музея при кіевской дух. академіи, Н. Петрова, въ трехъ выпускахъ. Кіевъ 1875—1879 гг. 2) Описаніе рукописей черниговской дух. семинаріи, Лилѣева. С.-Петербургъ. 1880 г., и 3) Описаніе рукописей почаевской лавры, хранящихся въ библіотекѣ музея при кіевской дух. академіи, В. Березина. Кіевъ. 1881 г. Къ этимъ описаніямъ присоединилось въ настоящемъ году озаглавленное выше описаніе, представляющее значительный интересъ.

Въ рукописномъ отдѣленіи виленской публичной библіотеки, кромѣ документовъ историческаго и юридическаго содержанія, на языкахъ русскомъ, латинскомъ и польскомъ, находится въ настоящее время значительное количество рукописныхъ книгъ собственно литературнаго содержанія. Рукописи послѣдняго рода раздѣляются на два главные отдѣла: а) на рукописи иностранныя и б) рукописи церковно-славянскія и русскія. Второй изъ этихъ отдѣловъ и составляетъ собственно предметъ разсматриваемаго описанія.

Начало собиранія рукописей при виленской публичной библіотекѣ положено въ 1856 году, когда графомъ Е. П. Тышкевичемъ былъ основанъ музей древностей и при немъ образована Археологическая Коммисія. Въ отчетѣ музея за 1856 годъ показано уже 538 рукописей и 2077 древнихъ грамотъ, актовъ и автографовъ. Но послѣ преобразованія музея въ 1865 году и послѣ перехода управленія въ руки русскихъ людей, нѣкоторыхъ рукописей изъ числа 538, показанныхъ въ отчетѣ, не оказалось, а рукописей на церковно-славянскомъ языкѣ не было никакихъ. Собраніе собственно церковно-славянскихъ рукописей началось послѣ основанія въ 1865 году виленской публичной библіотеки и поддерживалось попечителями виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ, П. Н. Батюшковымъ и особенно Н. А. Сергіевскимъ. При первомъ изъ нихъ поступило въ рукописное отдѣленіе библіотеки 80 церковно-славянскихъ рукописей, изъ которыхъ большая половина (45) доставлена гг. Рачинскимъ и Соколовымъ. По почину П. Н. Батюшкова составленъ и изданъ въ 1871 г. въ Вильнѣ г. Гильтебрандомъ первый выпускъ „Перечневой описи рукописей виленской публичной библіотеки“, въ которомъ описано 82 церковно-славянскія рукописи. Всѣ остальныя церковно-славянскія и русскія рукописи библіотеки, коихъ число доходитъ нынѣ до 329, поступили сюда уже при Н. А. Сергіевскомъ изъ литовской духовной семинаріи, наслѣдовавшей эти рукописи отъ жировицкаго монастыря, изъ супрасльскаго и витебскаго марковскаго монастырей и отъ част-

ныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, монастырскія рукописныя библіотеки, составляющія нынѣ главный фондъ рукописнаго отдѣленія виленской публичной библіотеки, еще до передачи ихъ сюда утратили многое изъ своихъ древностей. Особенно это нужно сказать о библіотекѣ супрасльскаго монастыря, на которую наложилъ свою руку извѣстный ученый каноникъ Бобровскій, бывшій профессоръ виленскаго университета. Благодаря его безпечности, потеряна для Вильны и лицевая пергаменная псалтирь 1397 года, принадлежавшая виленской свято-николаевской церкви и взятая Бобровскимъ для изученія и научнаго описанія. Но эта рукопись не погибла совершенно, какъ думаетъ, по видимому, составитель описанія, и находится въ настоящее время въ Варшавѣ, въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ [1]).

Всѣ поступившія въ виленскую публичную библіотеку рукописи описателемъ ихъ раздѣлены на слѣдующіе разряды: 1) рукописи на пергаменѣ, 2) тексты св. писанія, 3) творенія св. отцовъ, 4) исторія, 5) богослуженіе, 6) смѣсь, и 7) рукописи на русскомъ языкѣ.

Между пергаменными рукописями библіотеки цѣльныхъ всего только три номера: мстижское евангеліе XIV в., бесѣды Григорія Двоеслова XIV в. и тріодь XV в.; остальные же 16 номеровъ—отрывки и между ними извѣстный отрывокъ изъ туровскаго евангелія XI вѣка. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія отрывокъ изъ сборника XVI в., подъ № 6-мъ, заключающій слово Иринея, епископа Палиньскаго (Ліонскаго?), рѣдко встрѣчаемое между славянскими рукописями.

Разрядъ текстовъ св. писанія заключаетъ 33 номера. Въ нихъ переводъ библіи, особенно книгъ ветхозавѣтныхъ, примыкаетъ къ семьѣ переводовъ западно-русскихъ, сдѣланныхъ съ вульгаты. Языкъ большинства этихъ книгъ—языкъ бѣлорусскій, Скорининскій, съ немалыми, впрочемъ, отличіями отъ печатнаго изданія переводовъ Скорины. Между рукописями книгъ ветхозавѣтныхъ сохранился также переводъ псалтири Скорины съ его предисловіемъ. Печатный экземпляръ пражскаго изданія этой книги, по свидѣтельству г. Каратаева, не дошелъ до насъ, что придаетъ особенную важность этой рукописи. Книги новозавѣтныя, особенно дре-

[1]) См. рефератъ г. Сканборовича о рукописной псалтири XIV в. въ трудахъ III археологическаго съѣзда въ Россіи. Кіевъ, 1878 г., т. II, стр. 147—150.

внѣйшія евангелія, носятъ слѣды болгарскаго происхожденія, въ позднѣйшихъ же замѣчаются слѣды вліянія западно-русскаго нарѣчія.

Въ отдѣлѣ „Твореній св. отцевъ“ (20 №№) помѣщены творенія Василія Великаго, Григорія Богослова 16 словъ, съ толкованіями Никиты Ираклійскаго, Григорія Двоеслова, Григорія Синаита, аввы Дороѳея, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Іоанна Златоустаго, Кирилла Іерусалимскаго, Симеона Богослова и др. Большею частію рукописи этого отдѣла писаны еще до введенія уніи и поэтому, происходя изъ одного источника съ восточно—и южно-русскими рукописями того-же рода, въ сравненіи съ ними не представляютъ никакихъ отличій.

Гораздо своеобразнѣе отдѣлъ исторіи (39 №№), къ которому отнесены хронографы, палеи, четь-минеи и прологи, патерики, помянники и проч. Изъ нихъ нѣкоторые имѣютъ мѣстный историческій хэрактеръ, а другіе носятъ на себѣ слѣды западнаго вліянія. Въ сборникѣ XVI в. (№ 103), къ похвальному слову Златоустаго на Зачатіе пресв. Богородицы, 9 декабря, сдѣлана замѣчательная прибавка, съ перечисленіемъ христіанскихъ народовъ: „Поистинѣ-бо, святая, кто тебе не славитъ? кто-ли не хвалитъ и молитъ? рощими-ли (римляне), или грецы, или болгаре, или роусь—новое Твое стадо, или римяне иовазноу (?) и веризи и алани, перси-же и перѳи, индіи, ѳѳіопи, алмази ж и испруци, серпи (сербы) же, тарвати (харваты), самъ-же и искири, оуандили и ѳвипиди (вандалы и гепиды), пач варди и власи, сарди-же и внятцы (венеціане), маравляне и различни словени, чуди-же и ѳилни (финны) и ини мнози языци“ (стр. 216). Въ хронографѣ подъ № 109 есть, между прочимъ, не встрѣчающаяся въ другихъ хронографахъ статья о нѣкоемъ Совіи или объ обычаѣ литовцевъ сожигать тѣла умершихъ (стр. 249—250). Въ Четь-Минеѣ XVII в., подъ № 80-мъ, въ концѣ житія Кирилла философа, учителя славянскаго, читаемъ слѣдующую позднѣйшую прибавку: „потомъ, минувшимъ многимъ лѣтомъ, пришедъ Войтѣхъ, бискупъ латынскій у Муравъ и въ чехи и въ ляхи, вѣру русскую, науку и писмо отверже, латынскую ж вѣру и грамоту устави, а православные епископы и попы изсѣче, а иныхъ разогна, и иде у прускую землю, хотя ихъ у свою вѣру привести, и тамо вбіенъ бысть“ (стр. 122). Въ помянникѣ или синодикѣ 1631 г., представляющемъ копію съ древняго пергаменнаго супрасльскаго помянника, дополненную позднѣйшими памятями, перечисляются

кіевскіе митрополиты, съ обозначеніемъ фамилій ихъ и годовъ кончины, а также епископы и различные паны (№ 89). Въ другомъ жировицкомъ помянникѣ XVIII вѣка (№ 91), послѣ поминовенія именъ усопшихъ, приложены аннотаціи или примѣчанія къ нимъ, съ историческими свѣдѣніями о поминаемыхъ лицахъ. Изъ этихъ аннотацій мы узнаемъ, напр., что уніатскій митрополитъ Іосифъ-Вельяминъ-Рутскій происходилъ „отъ родителей еретиковъ, которые незадолго передъ тѣмъ переселились изъ Москвы", что холмскій уніатскій епископъ Александръ-Августинъ Лодзяла будто-бы отравленъ былъ въ 1691 году „схизматиками черезъ одного монаха кіевскаго" и проч. (стр. 189—190). Въ нѣкоторыхъ анонимныхъ и псевдонимныхъ поученіяхъ есть довольно рѣзкія обличенія нравственнаго упадка высшаго духовенства передъ началомъ уніи и въ первые ея годы. „И въ насъ ставятъ митрополита по своей волѣ, а не по правиломъ св. отецъ; вчера съ псы по полю за заецомъ, а нынѣ святительская свершаетъ, а не тако, какъ св. Василіе говоритъ: „дондеже вся степени священническія пройдетъ, тогда святитель бываетъ" (стр. 254). Въ другой рукописи дѣлается такое сопоставленіе древняго духовенства съ новымъ: „они (т. е. древніе) сильни словомъ и дѣломъ, сіи-же имѣніемъ и скотомъ и коньми и стады, селами и повары и красными трапезами, сластолюбія яденіемъ и питіемъ исполненны, и о сихъ точію днію и нощію бесѣдующе, а о словесѣмъ стадѣ безсловесни суть, о немъ же имутъ слово воздати въ день онъ великій судный. Аще-ли кто вопрошаетъ ихъ о книгахъ, то отвѣщаютъ глаголюще: убози есмы, не имамы чимъ книгъ стяжати. Ходятъ же не яко убози, но ризы носяще свѣтлы и блещащеся, разширяюще воскрылія, или-же яко у телцовъ, иже на заколеніе упитанныхъ; ученикъ много, паче-же поваровъ и поводящихъ множество, а другаго-же студъ и глаголати, отъ многаго богатства окупники пріобрѣтоша извѣтомъ роботствія" (стр. 243). Много есть также въ историческомъ отдѣлѣ памятниковъ литературныхъ и историческихъ мѣстнаго происхожденія, какъ-то: житіе преподобной Евфросиніи полоцкой, страданіе литовскихъ мучениковъ — Іоанна, Антонія и Евстафія, слова Григорія Цимблака и проч. Между послѣдними особеннаго вниманія заслуживаетъ „Григорія, архіепископа кіевскаго и всея Руси, слово похвалное иже у Фролентіи и у Костентіи собору галатомъ, италомъ и римляномъ и всѣмъ галатомъ" (стр. 226). Наконецъ, особую категорію повѣствовательно — историческихъ

сочиненій въ этомъ отдѣлѣ составляютъ сочиненія западнаго, католическаго происхожденія. Есть здѣсь хронографъ XVII в., особаго состава, въ которомъ заключаются свѣдѣнія о событіяхъ изъ исторіи разныхъ государствъ западной Европы и о папахъ, бывшихъ въ Римѣ (№ 110). Западный римско-католическій элементъ во времена уніи проникалъ замѣтно въ Четь-Минеи, прологи, патерики и т. п. Въ Четь-Минеяхъ (№ 81—82), писанныхъ въ XVII в. на бѣлорусскомъ нарѣчіи, есть много памятей католическихъ святыхъ, со сказаніями объ ихъ жизни, напр. „Мука пахоляти св. Семеона преденскаго (тридентскаго)“, Іуара аквитанскаго, Авита вердюнскаго. Рукописный сборникъ XVII вѣка (№ 107) очень похожъ по своему составу на legenda aurea Іакова де-Варашне, speculum exemplorum и тому подобные католическіе сборники чудесъ и, вмѣстѣ со сказаніями восточныхъ патериковъ и собесѣдованій Григорія Двоеслова о жизни италійскихъ подвижниковъ, заключаетъ въ себѣ легендарные разсказы въ католическомъ духѣ, напр. разсказъ о чудѣ въ Бононіи и разсказъ какого-то монаха о хожденіи его въ „пекло“ и о видѣнныхъ имъ тамъ мукахъ.

Отдѣлъ богослужебныхъ книгъ виленской публичной библіотеки, самый обширный по числу рукописей (121 №), вмѣстѣ съ тѣмъ есть одинъ изъ самыхъ характеристичныхъ. Большая часть богослужебныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ догматическую и обрядовую сторону исповѣданія, имѣетъ совершенно особенный мѣстный характеръ сравнительно съ такими же книгами восточной Руси. Въ этихъ книгахъ мы встрѣчаемся съ молитвами, обрядами и цѣлыми службами, частью цѣликомъ заимствованными изъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ, частію передѣланными и измѣненными сообразно съ требованіями римско-католической церкви и, впослѣдствіи, уніи. Кромѣ службъ и обрядовъ, въ церковное чествованіе внесено также много святыхъ римской церкви, не признаваемыхъ греко-восточною церковію. Въ этомъ отношеніи рукописи виленской библіотеки представляютъ богатый матеріалъ для изученія тѣхъ особенностей и перемѣнъ, которыя во время уніи постепенно были вводимы въ богослуженіе православной церкви, и значительно могутъ восполнить тѣ свѣдѣнія о состояніи уніатскаго богослуженія, какія мы имѣемъ въ книгѣ свящ. А. Ѳ. Хойнацкаго: „Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ. Кіевъ, 1871“. Изъ отдѣльныхъ рукописей этого отдѣла заслуживаютъ вниманія нѣкоторые нотные ирмо-

логіи, въ которыхъ встрѣчаются пѣсни и гимны, принадлежащіе болѣе западной церкви, чѣмъ восточной. Гимнъ Амвросія Медіоланскаго „Тебе Бога хвалимъ“, вошедшій въ наши богослужебныя книги сравнительно въ недавнее время, находится въ большинствѣ ирмологіевъ виленской библіотеки. Въ нѣкоторыхъ попадаются и такіе гимны, какъ напр. знаменитый requiem „Dies irae“, приписываемый Ѳомѣ Целако. Заслуживаютъ также вниманія нѣкоторые „чины исповѣданія“, встрѣчающіеся и въ видѣ отдѣльныхъ рукописей, и въ сборникахъ службъ. Въ нихъ особенно любопытно перечисленіе грѣховъ, не встрѣчающееся даже въ старинныхъ печатныхъ уніатскихъ изданіяхъ. Въ одной общей минеѣ XVIII в. (№ 137) помѣщено „слово о збуреніи пекла“, представляющее разговоръ Люцифера съ адомъ, въ стихотворной формѣ, на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Отдѣлъ „Смѣсь“ (40 №№) заключаетъ въ себѣ различные сборники, кои авторъ описанія дѣлитъ на двѣ категоріи: сборники установившіеся съ опредѣленнымъ составомъ и содержаніемъ, какъ-то: Златоструи, Измарагды, Маргариты, Златыя Чепи и т. п., и сборники болѣе или менѣе случайнаго происхожденія и характера. Изъ сборниковъ второй группы заслуживаютъ вниманія сборникъ Іосафата Кунцевича (№ 261), состоящій изъ черновыхъ замѣтокъ и проповѣдей этого уніатскаго епископа; извѣстный переводъ латинской книги „Тайная Тайныхъ“ (Secreta secretorum). Въ нѣкоторыхъ сборникахъ встрѣчаются сочиненія извѣстнаго уже намъ Григорія Цимвлака и Кирилла Туровскаго. Рукописные богогласники виленской публичной библіотеки только отчасти сходны съ извѣстнымъ богогласникомъ, изданнымъ уніатами въ почаевской лаврѣ; въ сущности, это—сборники духовныхъ, а иногда и мірскихъ народныхъ пѣсней, составленные совершенно самостоятельно.

Отдѣлъ рукописей на русскомъ языкѣ не великъ (57 №№) или, покрайней мѣрѣ, мало замѣчателенъ. Изъ рукописей этого отдѣла можно указать на „Книжку естествознанія“, съ прибавленіемъ извѣстной таинственной книги Альберта Магнуса и Михаила Скотта; тоже извѣстный лечебникъ „Вертоградъ прохладный“; мнѣніе смоленскаго дворянства по вопросу о переходѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, представленное Государю Императору Николаю Павловичу 4 февраля, 1849 г., чрезъ предводителя дворянства, князя М. Друцкаго-Соколинскаго; „О бѣлорусскомъ нарѣчіи въ могилевской губерніи“, Ив. Носовича;

„Отрывки изъ литовской миѳологіи“, изъ рукописей К. фонъ-Шмита; Отчетъ о состояніи раскола въ нижегородской губерніи, Мельникова, 1854 г.; Письма высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и Таврическаго (№ 321), и др.

При описаніи каждой отдѣльной рукописи, составитель Описанія раскрываетъ ея содержаніе, указываетъ отдѣльныя статьи ея, или-же только болѣе замѣчательныя, выписываетъ заглавія и начальный текстъ этихъ статей и часто передаетъ содержаніе болѣе интересныхъ статей, или же дѣлаетъ изъ нихъ точныя выписки. Мы не видимъ здѣсь указанія первоисточниковъ рукописей или отдѣльныхъ статей ихъ; не находимъ также указанія на соотвѣтствующіе памятники въ другихъ извѣстныхъ собраніяхъ рукописей, за небольшими развѣ исключеніями. Даже тождественныя статьи, встрѣчающіяся въ разныхъ рукописяхъ виленской публичной библіотеки, не указаны въ самомъ текстѣ Описанія и лишь отчасти только могутъ быть находимы по алфавитному указателю, приложенному въ концѣ Описанія. Но за это мы и не винимъ автора, не обладающаго такими научными средствами и эрудиціей, какія мы видимъ въ классическомъ „Описаніи рукописей синодальной библіотеки“ покойныхъ Горскаго и Новоструева. Намъ кажется, что авторъ „Описанія рукописей виленской публичной библіотеки“ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если-бы вовсе не дѣлалъ попытокъ къ опредѣленію происхожденія и важности извѣстныхъ рукописей или статей, такъ какъ эти попытки часто оказываются весьма неудачными. Вотъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 110 излагается содержаніе слова о св. Іоаннѣ Богословѣ, „како словомъ навчи человѣка писати иконы“, какъ замѣчательнаго, между тѣмъ какъ это слово помѣщается въ печатномъ прологѣ. Излагая содержаніе „Исторіи скиѳійской“ Андрея Лызлова, авторъ Описанія не справился даже съ „Обзоромъ русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета черниговскаго и чуть-ли не считаетъ эту исторію новымъ откровеніемъ науки. Подъ 324 №, изложивъ кратко содержаніе комедіи „Тресотиніусъ“, авторъ Описанія замѣчаетъ о ней слѣдующее: „Очевидно, это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ комедій, интермедій и т. п., которыя въ прошломъ столѣтіи въ изобиліи сочинялись и разыгрывались студентами академій“. А между тѣмъ это есть извѣстная комедія Сумарокова, направленная противъ „профессора элоквенціи, паче-же піитическихъ хитростей“, Василія Кириловича Тредіаковскаго.

Въ виду такихъ промаховъ Описанія, мы совѣтовали бы начинающимъ свою дѣятельность ученымъ съ осторожностію относиться къ собственнымъ замѣчаніямъ составителя Описанія и смотрѣть на это Описаніе, какъ на сырой только матеріалъ, требующій тщательной разработки.

Н. П.

Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія въ г. Ченстоховѣ, св. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.

Озаглавленная книжка, по словамъ ея автора, есть „первый трудъ историческаго описанія ченстоховской иконы Богородицы на русскомъ языкѣ“ и слѣдовательно служитъ выразителемъ поступательнаго движенія русской исторической науки въ такую область, которая доселѣ для нея была недоступна и невѣдома. Авторъ старался доказать и, на нашъ взглядъ, доказалъ несомнѣнно, что ченстоховская икона, находящаяся теперь въ ченстоховскомъ латинскомъ монастырѣ ордена паулиновъ или павликіанъ, есть достояніе православной церкви, а не католической, и находится, такъ сказать, лишь въ плѣну у латинянъ. Есть даже преданіе, которое связываетъ судьбу этой иконы съ судьбою города Кіева, что придаетъ книжкѣ о. С—ва еще большій интересъ въ нашихъ глазахъ. Вотъ въ общихъ чертахъ судьба этой иконы, по изслѣдованію автора разсматриваемой книжки:

Происхожденіе этой иконы преданіе приписываетъ евангелисту Лукѣ. Сначала она находилась будто-бы въ Іерусалимѣ, въ домѣ возлюбленнаго ученика Христова, Іоанна Богослова; но въ 66 году по Р. Хр., предъ грознымъ нашествіемъ Веспасіана и Тита на Іерусалимъ, вынесена была отсюда христіанами и поставлена въ Пеллѣ, городкѣ, расположенномъ между горами, въ одной пещерѣ, гдѣ вѣрующіе собирались для совершенія богослуженій. Въ 326 году св. царица Елена вывезла этотъ святой образъ изъ Палестины въ Константинополь, гдѣ въ V вѣкѣ дочь императора Аркадія, благочестивая Пульхерія, соорудила въ честь ея особый храмъ. Во времена иконоборства, супруга Льва IV исаврянина Ирина сохранила св. икону сама, взявъ ее изъ храма къ себѣ въ царскія палаты, и тамъ соблюдала ее у себя все время, заповѣдавъ приближеннымъ и единомышленнымъ съ нею

людямъ благочестно и неприкосновенно беречь святыню и въ послѣдующія времена. О дальнѣйшей же судьбѣ св. иконы сказанія расходятся. По однимъ сказаніямъ, ею благословили въ 988 году греческую царевну Анну, супругу равноапостольнаго князя Владиміра, при отправленіи въ новопросвѣщаемую россійскую страну, братья царевны Василій и Константинъ. Въ Кіевѣ она находилась въ великокняжеской церкви и считалась фамильною, родовою иконою блаженной княгини. Отсюда, въ X же вѣкѣ, икона перешла въ Галицію, въ белзское княжество, въ г. Белзъ или Безъ, Бѣльскъ, къ княжескому роду, владѣвшему белзскимъ замкомъ. Уніатъ Яковъ Суша прямо говоритъ, что св. образъ Богородицы, находящійся нынѣ въ Ченстоховѣ, посвященъ былъ г. Бѣльску или Белзу самимъ великимъ княземъ Василіемъ-Владиміромъ. По другимъ сказаніямъ, образъ Богородицы въ началѣ IX вѣка поднесенъ былъ греческимъ императоромъ Никифоромъ I Логоѳетомъ Карлу Великому, въ признательность за помощь въ войнѣ съ сарацинами, находился въ Аквигранѣ, въ надъ-рейнской провинціи, и переданъ былъ князю Льву Галицкому тоже въ благодарность за охраненіе западныхъ странъ отъ монголовъ, князь Левъ помѣстилъ св. икону въ своемъ белзскомъ или бѣльскомъ замкѣ, гдѣ она и оставалась до послѣдней четверти XIV вѣка. Каноникъ Н. Фелинскій въ своемъ „Описаніи св. иконы ченстоховской“ говоритъ, что эта св. икона, послѣ 500-лѣтняго нахожденія ея въ Константинополѣ, проходила по многимъ мѣстамъ славянскихъ княжествъ, находилась въ Галичѣ, Болгаріи, Моравіи, Чехахъ и на Руси; „перенесли ее туда св. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій“, а впослѣдствіи, чрезъ семейныя родственныя связи, она досталась въ руки Опольскаго князя Владислава, который и перенесъ ее на ясную гору ченстоховскую. Иные же говорятъ короче, что эту св. икону привезъ на Русь изъ Константинополя русскій князь Левъ, княжившій въ городѣ Львовѣ, и прямо поставилъ ее въ своемъ белзскомъ замкѣ. Авторъ книжки болѣе склоняется къ мнѣнію Фелинскаго о принесеніи св. иконы къ славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Какъ-бы то ни было, ченстоховскій образъ Богоматери, попавши на Русь, долгое время находился въ г. Белзѣ, въ нынѣшнемъ жолковскомъ округѣ, въ сѣверо восточномъ углу Галиціи. Въ XIV вѣкѣ Галиція перешла подъ власть польскаго короля Казиміра,—и этотъ Казиміръ, по сообщенію современныхъ лѣтописцевъ, „сотворилъ много зла православнымъ христіанамъ

и святыя церкви претворилъ въ латинское служеніе". Послѣ смерти Казиміра, галицкая Русь хотя стала на нѣкоторое время самостоятельнымъ княжествомъ; но княземъ ея поставленъ былъ нѣкто Ладиславъ или Владиславъ Опольскій, изъ православія перешедшій въ латинство и называвшійся „апостоломъ латинства", —вассалъ преемника Казимірова Людвика Венгерскаго. Послѣдніе изъ белзскихъ русскихъ князей никакъ не могли свыкнуться съ подчиненіемъ своего княжества польскому владычеству и, при помощи литовскихъ князей, часто поднимались противъ поляковъ и угровъ. Во время этой борьбы, белзскій замокъ, гдѣ находилась икона Богородицы, не разъ подвергался осадѣ и даже не разъ бывалъ взятъ поляками и уграми. При такихъ-то обстоятельствахъ, въ 1377 году, по взятіи замка, захвачена была изъ него св. икона и увезена въ городъ Львовъ, уже состоявшій въ полномъ владѣніи поляковъ. Наконецъ Ладиславъ или Владиславъ, утомленный въ борьбѣ съ православными галичанами, рѣшился совсѣмъ удалиться изъ Галиціи и поселиться въ своихъ давнихъ западныхъ областяхъ, въ велюнскомъ княжествѣ, болѣе спокойномъ для него по отсутствію тамъ роковой борьбы за вѣроисповѣданіе и народность. Предоставивъ Галицію исключительному господству Людвика Венгерскаго, онъ въ 1382 году отправился изъ Львова въ велюнскую область, въ Ополье, и взялъ съ собою образъ Богородицы. На пути въ Велюнь, онъ остановился у селенія Ченстохова и рѣшился совсѣмъ остаться въ этихъ мѣстахъ на постоянное жительство, а образъ Богоматери помѣстилъ въ ченстоховской приходской деревянной церкви, на мѣсто которой устроилъ каменный храмъ съ монастыремъ и вызвалъ туда изъ венгерскаго монастыря Ноштры 16-ть монаховъ паулиновъ, латинскаго ордена св. Павла пустынника. Такъ св. икона Богородицы поступила въ вѣдѣніе павликіанъ, у которыхъ съ тѣхъ поръ остается и понынѣ, именуясь отъ мѣстности Ченстохова ченстоховскою. Въ 1717 году эта икона коронована была по католическому обычаю и такимъ образомъ по наружному виду приняла католическій колоритъ. Въ 1872 году сооруженъ былъ въ Ченстоховѣ православный храмъ во имя св. Кирилла и Меѳодія, и въ немъ поставлена была въ 1878 году точная копія подлинной иконы Богородицы, напоминающая собою происхожденіе и судьбу этой св. иконы.

Къ тексту книжки о. Н. С-ва приложены примѣчанія, которыя занимаютъ болѣе двухъ третей ея. Изъ нихъ видно, что ав-

торъ долго и съ большимъ усердіемъ собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о ченстоховской иконѣ Богоматери изъ латинскихъ, русскихъ и особенно польскихъ источниковъ, не пренебрегая иногда и свѣдѣніями, заимствованными изъ учебниковъ по исторіи, напр. Иловайскаго. Но нельзя сказать, чтобы всѣ эти свѣдѣнія и источники были критически провѣрены авторомъ и служили твердымъ основаніемъ для его текста. Такъ напр., изслѣдуя судьбу описываемой имъ иконы въ Палестинѣ и Цареградѣ, о. С-въ не касается исторіи другихъ иконъ Богородицы, приписываемыхъ евангелисту Лукѣ, и возбуждаетъ въ читателѣ сомнѣніе, дѣйствительно ли это та самая икона, о пребываніи которой въ Цареградѣ говорятъ источники, или другая изъ многихъ съ именемъ евангелиста Луки, находящихся нынѣ въ православной и католической церквахъ. Не видно также твердыхъ основаній и для того, почему авторъ книжки присталъ къ мнѣнію каноника Фелинскаго о принесеніи св. иконы къ славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ одномъ изъ примѣчаній авторъ прямо называетъ переводную книжку Фелинскаго безграмотною, а въ текстѣ старается подтвердить мнѣніе этой брошюрки собственными доводами; но и эти доводы—чисто предположительнаго свойства и опираются чуть-ли не на желаніи автора оправдать посвященіе православной ченстоховской церкви во имя св. Кирилла и Меѳодія. По крайней мѣрѣ, слушая мнѣнія о появленіи иконы Богородицы въ Белзѣ или чрезъ кіевскихъ князей, или же чрезъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, мы болѣе расположены склониться къ первому изъ этихъ мнѣній, т. е. о прибытіи иконы въ Белзъ черезъ Кіевъ. Противъ этого мнѣнія авторъ говоритъ слѣдующее: „Весьма трудно вполнѣ согласиться и съ тѣмъ, что св. ченстоховская икона Богородицы появилась въ г. Белзѣ чрезъ св. князя Владиміра. Эта св. икона, по своей древности и святости, а также и по своему происхожденію изъ священной Палестины, вообще столь почтенна, что едва ли бы св. великій Князь или кто либо изъ дѣтей его рѣшился отпустить изъ стольнаго города Кіева, гдѣ, по самому положенію христіанства на Руси, особенно нуждались въ преимущественныхъ и древнихъ святыняхъ и, конечно, вѣсьма дорожили ими. Если же и случились бы что либо подобное, то лѣтописцы, вообще столь чуткіе даже къ малѣйшимъ событіямъ въ жизни и исторіи князей и княжествъ, не преминули бы упомянуть объ этомъ, какъ упоминали о переходахъ и передачахъ другихъ наиболѣе важныхъ святыхъ иконъ изъ однихъ мѣстъ нахожденія ихъ въ другія, и

такимъ образомъ навсегда сохранили бы свѣдѣнія о св. иконѣ Богородицы, которою мы заняты. Но именно такихъ-то свѣдѣній ни у кого изъ лѣтописцевъ нашей страны не имѣется". На это замѣтимъ, что 1) нѣтъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о переходѣ изъ Кіева въ другіе города и другихъ иконъ Богоматери, напр холмской, тоже приписываемой евангелисту Лукѣ, 2) о переходѣ нынѣшней ченстоховской иконы изъ Кіева въ Белзъ не могло быть лѣтописныхъ свѣдѣній и потому, что въ Кіевѣ она была родовою великокняжескою иконою, а не общественнымъ достояніемъ, 3) что недостатокъ лѣтописныхъ извѣстій объ этой иконѣ восполняется болѣе поздними о ней свѣдѣніями, приводимыми авторомъ книжки, и 4) что въ кіево-кирилловской церкви, основанной въ XII в., и понынѣ есть и особо чтится древняя копія ченстоховской иконы Богоматери, которую можно считать отзвукомъ преданія о пребываніи когда-то этой иконы въ Кіевѣ. Мы, впрочемъ, не рѣшаемся твердо отстаивать мысль о пребываніи ченстоховской иконы Богоматери въ древнія времена въ Кіевѣ, и своими возраженіями хотѣли показать только непрочность основаній и выводовъ автора книжки.

Во всякомъ случаѣ, трудъ автора заслуживаетъ вниманія по своей добросовѣстности и полнотѣ матеріала, который не только даетъ возможность для критическаго разбора существующихъ мнѣній о происхожденіи ченстоховской иконы Богоматери, но и вообще освѣщаетъ исторію православія въ краѣ, котораго касается авторъ, говоря о мѣстопребываніи иконы.

Н. П.

Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г.

Съ настоящаго X-го т. „Исторіи русской церкви", какъ поясняется въ предисловіи къ нему, историкъ вступаетъ въ третій періодъ ея, начинающійся съ учрежденія патріаршества въ 1589 г. и продолжающійся доселѣ. Это „періодъ самостоятельности русской церкви, который можно назвать также и періодомъ постепеннаго возсоединенія разрозненныхъ частей ея", а въ частности —„и періодомъ въ ней раскола, именующаго себя старообрядствомъ". Такимъ образомъ историкъ остается вѣренъ тому взгляду на ходъ исторической жизни русской церкви, который высказанъ

имъ въ первомъ томѣ, при построеніи общаго плана исторіи рус. ской церкви. Этотъ взглядъ имѣетъ свое основаніе; довольно можетъ быть оправдана и та оригинальность его по отношенію къ третьему періоду исторіи русской церкви, что онъ начинается не съ вѣка реформы, а вѣкомъ ранѣе, и этимъ дается представленіе о болѣе близкой и существенной связи событій и явленій XVII вѣка съ событіями и явленіями послѣднихъ двухъ столѣтій, чѣмъ та, какую допускаетъ большинство другихъ нашихъ историковъ. Цѣлый третій періодъ раздѣляется далѣе на два частные періода или отдѣла, обнимающіе: а) время патріаршества и б) время синодальнаго управленія, а первый изъ нихъ еще на два частнѣйшіе отдѣла: первый съ 1589 до 1654 года, въ которомъ послѣдовало присоединеніе Малороссіи къ московскому государству, подготовившее и присоединеніе кіевской митрополіи къ московскому патріархату, а второй съ 1654 до 1721 года, въ которомъ учрежденъ св. Синодъ. Настоящій десятый томъ обнимаетъ только часть перваго частнѣйшаго отдѣла, а именно время отъ учрежденія патріаршества въ 1589 г. и начала уніи въ 1596 году до 1619—20 гг., т. е. до возстановленія московскаго патріаршества въ лицѣ патр. Филарета и возстановленія западно русской іерархіи въ лицѣ митр. Іова Борецкаго и др. Послѣ ряда предыдущихъ томовъ, новый томъ „Исторіи русской церкви“ еще болѣе усиливаетъ слагающееся у читателя на основаніи всѣхъ ихъ представленіе о томъ, въ какой постепенности, съ теченіемъ вѣковъ, затѣмъ и десятилѣтій, нарасталъ подъ руками историка матеріалъ историческій, возростало и усложнялось самое содержаніе церковной жизни, подлежавшее воспроизведенію въ его многотомномъ и многолѣтнемъ трудѣ. Для перваго періода исторіи русской церкви, обнимающаго время въ два съ половиною столѣтія (986 – 1240 г.) оказывалось достаточнымъ трехъ, сравнительно небольшихъ, томовъ. Для втораго періода – въ три съ половиною столѣтія (1240—1588 г.) потребовалось уже шесть томовъ и притомъ все болѣе и болѣе объемистыхъ. Теперь небольшой промежутокъ времени въ 25—30 лѣтъ далъ содержаніе цѣлому тому въ 500 страницъ. Такой же небольшой промежутокъ времени (1620 – 1654 г.) далъ еще болѣе обильное содержаніе уже вышедшему XI тому въ 628 стр.

Десятый томъ, о которомъ теперь рѣчь у насъ, начинается исторіею учрежденія патріаршества въ Россіи. Затѣмъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ тома въ первомъ изложена исторія московскаго патріаршества при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ, Игнатіѣ и въ

междупатріаршество, заключаясь общимъ взглядомъ на состояніе церкви въ это время. Во второмъ, нѣсколько болѣе обширномъ, излагается исторія кіевской митрополіи въ борьбѣ съ уніею, подъ гнетомъ уніатскихъ митрополитовъ Михаила Рагозы, Ипатія Поцѣя и Вельямина Рутскаго, съ общимъ заключительнымъ взглядомъ на борьбу православія съ уніею въ данный періодъ.

Общепризнанныя достоинства громаднаго историческаго труда преосв. Макарія слишкомъ извѣстны, чтобы здѣсь еще говорить о нихъ, по поводу настоящаго X тома. Ближе интересующая насъ въ этомъ томѣ исторія западно-русской церкви или кіевской митрополіи въ то тяжелое и бурное время, какимъ было время съ 1596 по 1620 г., представлена здѣсь полнѣе и цѣлостнѣе, чѣмъ гдѣ-либо доселѣ. Историкъ соединяетъ и обобщаетъ здѣсь результаты цѣлаго ряда монографическихъ изслѣдованій и другихъ ученыхъ трудовъ и изданій, касающихся настоящаго времени, восполняетъ ихъ и новыми изысканіями, новыми болѣе точными или болѣе вѣрными разъясненіями, какъ относительно историческаго матеріала, такъ и относительно дѣйствующихъ лицъ и событій эпохи, благодаря, между прочимъ, близкому знакомству съ такими хранилищами памятниковъ, какъ виленская публичная библіотека и архивъ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ. Видное мѣсто въ общей исторіи западно-русской церкви этого времени занимаютъ кіевскія событія. Роль Кіева въ начавшейся тогда напряженной борьбѣ православія съ уніею была нѣсколько особенною. Далеко не такъ доступенъ онъ былъ насильственнымъ дѣйствіямъ уніатской и латино-польской пропаганды, даже власти самого короля, ее поддерживавшаго, какъ Вильно, Новогродекъ, Минскъ, Львовъ и др. Блистательный отпоръ давали здѣсь затѣямъ пропаганды, а митрополиты уніатскіе, титулуясь кіевскими, не смѣли, вопреки желаніямъ, показать и глазъ сюда, не исключая самого Поцѣя, которому не удалось побывать здѣсь и на короткое время и котораго весь успѣхъ ограничился занятіемъ на унію полуопустѣлаго софійскаго собора и издавна принадлежавшаго митрополитамъ выдубицкаго монастыря. А относительно лавры сами король и папа нашлись вынужденными разстаться съ мыслію о много разъ обѣщанномъ и провозглашенномъ подчиненіи ея уніатскому митрополиту. Это болѣе независимое и смѣлое положеніе Кіева въ борьбѣ съ уніею и съ самою властію короля—фанатика объясняется и большею отдаленностью его отъ центровъ литовско-

польскаго государства и большею силою въ Кіевѣ многовѣковыхъ преданій родной вѣры и святыни исторической, и наконецъ еще тѣмъ, что здѣсь на защиту родной вѣры и религіозно-народной свободы, кромѣ другихъ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ прочихъ городахъ и областяхъ, ближе и явственнѣе заявляла себя формирующаяся новая сила общенародной обороны въ лицѣ козачества. Благодаря такому болѣе независимому положенію Кіева въ борьбѣ съ уніатскою и латино-польскою пропагандою, сюда, еще съ первыхъ десятилѣтій XVII в., начинаютъ приливать изъ другихъ мѣстностей юго западной и западной Руси и духовныя силы для борьбы съ пропагандою, имѣвшія затѣмъ развить свою дѣятельность и въ болѣе широкихъ интересахъ историческаго развитія церкви и страны, и въ частности въ интересахъ просвѣщенія, первоначально направленныхъ къ подкрѣпленію той-же борьбы съ пропагандою. Основалось въ 1615 г. кіевское богоявленское братство съ его школою, ставшею потомъ главою и для всего края, оказавшею великую услугу не ему только, но и дѣлу образованія всей Россіи въ вѣкъ реформы. Но здѣсь, въ связи съ сейчасъ сдѣланнымъ указаніемъ на подготовлявшееся уже съ даннаго времени сосредоточеніе въ Кіевѣ духовныхъ силъ для борьбы съ чуждою пропагандою, отмѣтимъ, въ заключеніе настоящей замѣтки, одно изъ знаменательныхъ общихъ явленій въ этой исторіи, констатируемыхъ историкомъ. Послѣ той закоснѣлости и распущенности, которыми характеризуется печальное состояніе церкви предъ временемъ уніи и о которыхъ такъ сильно горевалъ тогдашній попечитель церкви князь Острожскій, теперь, съ первыхъ десятилѣтій возникшей тяжкой церковно-общественной борьбы, ощущается настающій подъемъ нравственный, порывъ къ духовному обновленію, сказывающійся то въ подвигахъ благочестія людей простой, но глубокой вѣры, то въ трудахъ для просвѣщенія людей, болѣе развитыхъ, то наконецъ вообще въ стремленіи къ лучшему благоустройству церковному. Смѣло и съ надеждою, немного спустя, говорили объ этомъ лучшіе современники, какъ знаменитый Лаврентій Древинскій. Слѣдуетъ признать обнаруженіе подобныхъ явленій и въ уніатской сторонѣ, особенно со времени Вельямина Рутскаго, болѣе своихъ предмѣстниковъ сознававшаго, что не на внѣшней защитѣ короля и польскаго правительства должна покоиться вся надежда уніи, а что послѣдняя нуждается въ развитіи внутреннихъ духовныхъ силъ въ своей средѣ. И то, что дѣ-

лалось въ этомъ направленіи для уніи. дѣлалось не для нея одной, дѣлалось отчасти и для цѣлой среды, ее окружавшей. На этомъ знаменательномъ фактѣ сказывалось торжество исторіи или Высшей Силы, ею управляющей, и въ самыхъ потрясеніяхъ, постигающихъ народъ въ критическія эпохи, открывающей ему средства къ выходу на лучшій путь историческаго самовоспитанія и саморазвитія и дальнѣйшаго движенія его исторической жизни. Знаменателенъ и самый фактъ одновременности сильнаго потрясенія въ обѣихъ половинахъ Руси,—здѣсь уніею, тамъ самозванщиной и иноземнымъ вторженіемъ. Онъ указывалъ и на одинаковую потребность духовнаго обновленія въ ихъ обѣихъ и на потребность союза ихъ для выполненія предстоящей задачи общими силами и при взаимной помощи. Въ этомъ, быть можетъ, наиболѣе общій историческій смыслъ событій того 25—30-лѣтняго момента нашей церковной исторіи, который составляетъ содержаніе X тома труда глубоко-ученаго и неутомимаго архипастыря-историка. Этимъ значеніемъ даннаго историческаго момента наиболѣе освѣщается та ближайшая, внутренняя связь его и съ вѣкомъ реформы и дальнѣйшимъ временемъ до настоящаго включительно, по которой и можетъ быть съ указаннаго момента начатъ новый періодъ исторіи русской церкви, какъ именно и начинаетъ его историкъ.

М.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО НЕСТОРА-ЛѢТОПИСЦА ВЪ 1881 Г. [1])

Существующее въ Кіевѣ Общество Нестора-лѣтописца, особымъ публичнымъ собраніемъ въ одной изъ университетскихъ залъ, 14-го февраля с. г., праздновало девятую годовщину своего существованія и научной дѣятельности.

Въ исторіи Общества этотъ годъ будетъ отмѣченъ, какъ годъ тяжелой утраты. Въ теченіи этого года оно лишилось своего предсѣдателя и двухъ членовъ. Въ памяти членовъ сохранится надолго энергичное, живое слово его предсѣдателя, проф. А. А. Котляревскаго, которымъ онъ не разъ одушевлялъ собранія Общества и украшалъ скромныя годичныя его празднованія. Въ теченіе своего почти четырехлѣтняго служенія въ должности предсѣдателя Общества Нестора-лѣтописца, и ранѣе, Александръ Александровичъ Котляревскій много потрудился на пользу его, представивъ не мало интересныхъ сообщеній и обстоятельно отмѣчая движеніе исторической и филологической литературы въ Россіи и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Его заслуги на поприщахъ научномъ, литературномъ и преподавательскомъ признаны всѣми и оцѣнены съ полнымъ единодушіемъ [2]).

---

[1]) Читано въ формѣ отчета секретаремъ общества Н. П. Дашкевичемъ въ торжественномъ собраніи общества, 14 февраля 1882 г.

[2]) См. «Вѣстникъ Европы» 1881, № 11; «Міръ» 1881, № 1, «Журналъ министр. народнаго просвѣщенія» 1881, № 11; «Югъ» 1882, № 1; «Archiv f. Slavische Philologie» 1881; «Sbornik Slovansky» Ielinek'a 1881, str. 173—174, и цѣлый рядъ газетныхъ некрологовъ.

Кромѣ А. А. Котляревскаго, Общество Нестора еще два имени должно исключить изъ списка своихъ членовъ, именно: Андрея Николаевича Попова, секретаря московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и Василія Игнатьевича Пероговскаго. Если въ первомъ понесла крупную утрату вообще русская историческая наука, то смерть послѣдняго представляетъ значительный ущербъ для исторіи мѣстной. Онъ тщательно собиралъ матеріалы для нея и написалъ цѣлый рядъ монографій по археологіи, исторіи и этнографіи Волыни. Къ сожалѣнію, эти монографіи были помѣщены въ мало распространенныхъ провинціальныхъ изданіяхъ — въ Волынскихъ Вѣдомостяхъ, Губернскихъ и Епархіальныхъ [1]). Конечно, статьи Пероговскаго не исчерпывали весь матеріалъ, не представляли строгой обработки его, но онѣ сообщали много интересныхъ данныхъ, въ томъ числѣ не изданные до того времени документы, списанные собирателемъ въ архивахъ. Да не останется достойный примѣръ Пероговскаго единственнымъ! Въ новоначавшемся періодическомъ изданіи, „Кіевская Старина", мы имѣемъ теперь свой мѣстный историческій органъ, могущій стать средоточіемъ трудовъ по южнорусской исторіи.

---

[1]) Вотъ списокъ извѣстныхъ намъ статей Пероговскаго: 1) «Городъ Староконстантиновъ, исторія его и настоящее состояніе» («Волынскія губ. вѣд.» 1867, №№ 105, 106, 108, 116—118 и 1868, №№ 3—7. Отд. оттискъ: Житомиръ, 1868; 155 и 3 стр. in—12°), 2) «Историческія воспоминанія о Волыни» («Волынск. губ. вѣд.» 1867, № 12. Отд. оттискъ—6 стр.), 3) «Анна-Алоизія, княжна острожская, вдова по воеводѣ виленскомъ, гетманѣ великаго княжества литовскаго, Янѣ-Карлѣ Ходкевичѣ, фундаторша іезуитскаго коллегіума въ Острогѣ» («Вол. губ. вѣд.» 1868, №№ 53—59, 62 и 63. Отд. оттискъ—Житомиръ, 1868, стр. 110 in—16°), 4) «Мѣстечко Берестечко и битва 1651 г.» («Вол. губ. вѣд.» 1869. Отд. оттискъ—стр. 63, in 16°), 5) «Городъ Заславъ» (Вол. губ. вѣд.» 1868; въ отд. отт. 28 стр. in—16°), 6) «Мѣстечка заславскаго уѣзда: Славута, Шепетовка, Судилковъ, Грицовъ, Бѣлогородка, Корница, Лабунь, и селенія: Городище, Полохова и Зѣлицы» («Вол. губ. вѣд.» 1868; въ отд. оттискѣ 31 стр. въ 16 д.), 7) «Новоградволынскъ» (въ отд. оттискѣ 26 стр. въ 12 д.), 8) «Городъ Дубно», 9) «Историческія и статистическія свѣдѣнія о Житомирѣ», 10) «Волынскія украинскія пѣсни», 11) «Изъ исторіи присоединенія на Волыни уніятовъ къ православію» и 12) «Историческій очеркъ волынской духовной семинаріи». — Краткое воспоминаніе о В. И. Пероговскомъ напечатано въ № 46 газеты «Трудъ» 1881 г.

Почтивъ память А. А. Котляревскаго сочувственными словами въ особомъ засѣданіи [1]), а также панихидой и посылкой вѣнка на гробъ его, въ Москву, Общество избрало въ должность предсѣдателя на трехлѣтіе съ 11 октября минувшаго года профессора университета св. Владиміра, В. Б. Антоновича. Въ члены совѣта общества, сверхъ числящихся въ немъ, избраны М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Ѳ. Я. Фортинскій, Н. П. Дашкевичъ и С. Т. Голубевъ; послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ вновь принялъ на себя должность казначея общества.

Въ 1881 году Общество пріобрѣло 1 почетнаго и 6 дѣйствительныхъ членовъ. Включеніемъ въ число почетныхъ членовъ львовскаго ученаго, каноника А. С. Петрушевича, Общество выразило свое уваженіе къ неустанной дѣятельности его по разработкѣ галицко-русской исторіи и къ многочисленнымъ, важнымъ трудамъ его въ этой области. Въ дѣйствительные члены избраны: И. М. Каманинъ и А. А. Андріевскій, занимающіеся изслѣдованіемъ архивныхъ матеріаловъ, и молодые ученые А. В. Стороженко, Д. И. Багалѣй, П. В. Голубовскій и И. А. Линниченко, заявившіе себя достойными вниманія научными работами.

Въ настоящее время Общество числитъ въ своемъ составѣ 75 членовъ, 12 почетныхъ и 63 дѣйствительныхъ; изъ нихъ иногородныхъ—33.

Въ научной дѣятельности Общества принимали участіе только члены, жительствующіе въ Кіевѣ и при томъ не отвлеченные занятіями въ другихъ ученыхъ обществахъ.

Въ собраніяхъ Общества вниманіе референтовъ сосредоточивалось преимущественно на вопросахъ и данныхъ русской исторической науки, при чемъ нѣкоторыя изъ сообщеній касались матеріаловъ, не подвергавшихся доселѣ изслѣдованію или бывшихъ не извѣстными.

Значительное количество чтеній относилось къ древне-русской исторіи.

Товарищъ предсѣдателя, И. И. Малышевскій, ознакомилъ Общество съ началомъ своего обширнаго труда „О брачныхъ союзахъ

---

[1]) Некрологъ А. А. Котляревскаго и поминальныя рѣчи напечатаны въ 10 № «Университетскихъ Извѣстій» и отдѣльною брошюрою, которая войдетъ во II-й выпускъ Чтеній Общества.

русскихъ княжескихъ фамилій съ иностранными владѣтельными фамиліями въ кіевскій періодъ нашей исторіи". По словамъ почтеннаго изслѣдователя, „въ тѣ начальные вѣка русской исторіи, когда нашъ Кіевъ многовѣчный былъ во главѣ городовъ русскихъ, а великій князь кіевскій во главѣ князей русскихъ, русскія княжескія фамиліи находились въ гораздо болѣе широкихъ семейныхъ союзахъ съ иностранными владѣтельными домами, чѣмъ то было потомъ... На этихъ союзахъ болѣе или менѣе отражались національныя, политическія, вѣроисповѣдныя и культурныя отношенія Руси къ другимъ націямъ и странамъ. Знакомство съ этими союзами можетъ, до нѣкоторой степени, въ извѣстныхъ случаяхъ, освѣщать для насъ черты семейнаго и нравственно-общественнаго быта среды, въ которой они слагались". Указанію на эти интересныя данныя до конца XI-го стол. и была посвящена рѣчь г. Малышевскаго.

Д. чл. П. В. Голубовскій подвергъ подробному разбору новую гипотезу г. Стасова о томъ, будто извѣстія Ибнъ-Фодлана о руссахъ не относятся собственно къ руссамъ. Г. Голубовскій призналъ невозможнымъ согласиться съ доводами г. Стасова и подтвердилъ свое мнѣніе цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Д. чл. А. В. Стороженко предложилъ критическія замѣчанія на монографію преподавателя исторіи русскаго права въ московскомъ университетѣ г. Мрочекъ-Дроздовскаго: „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды". Онъ указалъ на крупный недостатокъ этого труда, состоящій въ томъ, что авторъ сталъ разсматривать вопросъ объ оборотныхъ цѣнностяхъ и денежной системѣ въ древней Руси въ эпоху „Русской Правды", не разсмотрѣвши предварительно торговли и ея орудій въ эпоху, предшествовавшую „Русской Правдѣ". Менѣе важные промахи объясняются незнакомствомъ автора съ лучшими трудами по русской исторіи, а также и языкознанію. Г. Стороженко передалъ затѣмъ сущность сообщенія г. Усова, читаннаго 6 ноября минувшаго года, въ засѣданіи московскаго археологическаго общества, по вопросу о древнерусской денежной системѣ, и высказалъ мнѣніе, что, въ случаѣ подтвержденія гипотезы г. Усова еще нѣсколькими изслѣдованіями, она будетъ самымъ простымъ изъ всѣхъ существующихъ рѣшеній этого вопроса.

Съ этимъ мнѣніемъ не согласились д. чл. Ѳ. Я. Фортинскій и В. Б. Антоновичъ, отмѣтивъ неточности и натяжки въ объясненіи названій монетныхъ единицъ, предложенномъ г. Усовымъ.

Исторіи древней сѣверской земли было посвящено три сообщенія.—Д. чл. М. П. Истоминъ, въ своемъ очеркѣ „Князья Всеволодъ и Игорь Ольговичи въ Кіевѣ", старался показать, что въ сѣверской землѣ въ XII в. установилась болѣе прочная, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Руси (исключая, быть можетъ, суздальской области), связь между князьями и землей. Сѣверяне, въ особенности-же вятичи, были, по его мнѣнію, преданы своимъ князьямъ и почти всегда оказывали имъ сильную поддержку. Сѣверскіе князья являлись какъ-бы весьма состоятельными собственниками, и богатство было въ рукахъ ихъ орудіемъ для поддержанія притязаній ихъ. На сѣверскую землю они смотрѣли, какъ на наслѣдственный удѣлъ. Все это даетъ поводъ думать, что въ сѣверской землѣ княжеская власть достигла сравнительно значительнаго развитія; послѣднее подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что у нѣкоторыхъ князей этого рода, начиная съ самаго Олега, не разъ проглядываетъ высокое понятіе объ авторитетѣ княжеской власти. Въ Кіевѣ, гдѣ было развито вѣчевое начало, Олеговичи рано или поздно должны были столкнуться съ проявленіями общественныхъ стремленій. Такъ, дѣйствительно, и случилось, когда Всеволодъ Олеговичъ захотѣлъ ввести въ Кіевѣ право наслѣдованія великокняжескаго стола по завѣщанію. Результатомъ этихъ стремленій—съ одной стороны усилить свою власть, съ другой отстоять стародавній порядокъ—и была извѣстная катастрофа съ Игоремъ Олеговичемъ. Олеговичи Всеволодъ и Игорь являются, такимъ образомъ, одними изъ первыхъ князей, пытавшихся усилить княжескую власть и ограничить право вѣча.

Д. чл. Д. И. Багалѣй охарактеризовалъ внутренній строй сѣверской земли въ удѣльный періодъ (отъ половины XI до половины XIV стол.). Сѣверская земля стремилась, подобно другимъ областямъ, къ обособленію и къ удержанію самостоятельной вѣтви княжившаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ Святославичи постоянно пытались овладѣть кіевскимъ столомъ, что объясняется географическимъ положеніемъ сѣверской земли (близостью къ Кіеву), размноженіемъ рода Святослава и неясностью родовыхъ правъ претендентовъ на

Кіевъ. Постоянное тяготѣніе сѣверскихъ князей къ Кіеву препятствовало установленію обособленности этой земли. Еще болѣе ослабили ее неудачныя попытки князей ея утвердиться въ Галичѣ. Татарское нашествіе окончательно подорвало ея силы. Черниговъ и Новгородъ Сѣверскій отошли на второй планъ; на мѣсто ихъ возвысился Брянскъ, но онъ не обладалъ надлежащею силою и въ половинѣ XIV-го стол. подпалъ подъ власть Литвы; князья остальныхъ городовъ постепенно превратились въ служилыхъ московскихъ. Независимо отъ размноженія княжеской семьи, на ослабленіе княжеской власти вліяло непосредственно монгольское иго. Князья огрубѣли и стали почти атаманами разбойничьихъ шаекъ. Авторитетъ князей упалъ также вслѣдствіе усиленія вѣча въ татарское время. Сѣверское вѣче, мало чѣмъ проявлявшее себя до татарскаго нашествія, пріобрѣло послѣ него силу и мощь и начало успѣшно бороться съ княжескою властью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дошли до крайности раздробленіе и децентрализація, и это окончательно уничтожило силу земли [1]).

Товарищъ предсѣдателя И. И. Малышевскій разобралъ замѣтку г. Похилевича о мѣстоположеніи города Вщижа.

Секретарь Общества Дашкевичъ, въ сообщеніи о половецко-персидско-латинскомъ словарѣ 1303 г., изданномъ въ 1880 г. венгерскою академіею наукъ, представилъ выборку словъ, интересныхъ для исторіи иностраннаго элемента въ русскомъ языкѣ (въ частности въ малорусскомъ нарѣчіи). Уже здѣсь встрѣчается слово козакъ въ смыслѣ стража и т. п. По нѣкоторымъ словамъ можно судить о культурномъ вліяніи русской народности на половцевъ.

Остальныя сообщенія историческаго содержанія касались позднѣйшаго періода южно-русской исторіи.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ познакомилъ общество съ результатами своихъ изслѣдованій во Львовѣ и съ крайне интересными матерьялами, найденными имъ въ львовскихъ хранилищахъ рукописей. Имъ открытъ важный сборникъ лѣтописей XV и XVI столѣтій, а также списаны важные источники для исторіи позднѣй-

[1]) Очеркъ г. Багалѣя напечатанъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1881 г. и отдѣльно въ его книгѣ: »Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія«, Кіевъ, 1882.

шаго времени. Въ южной Руси существовала очень долго, въ силу особенностей ея культуры, областная литература. Города, даже мѣстечки имѣли свои лѣтописи. Въ ряду ихъ лѣтопись Юзефовича займетъ видное мѣсто. Г. Антоновичъ сообщилъ также о серіи неизданныхъ мемуаровъ, принадлежащихъ перу князей Яблоновскихъ, занимавшихъ видные посты въ Рѣчи Посполитой *).

Д. чл. И. М. Каманинъ въ сообщеніи, составленномъ по документамъ здѣшняго центральнаго архива, о движеніи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ прошломъ столѣтіи (1765—1790), изложилъ слѣд. весьма интересные выводы: 1) возрастаніе еврейскаго населенія и уменьшеніе его зависѣли отъ политическихъ событій, происходившихъ въ краѣ; смуты вліяли на пониженіе количества евреевъ и наоборотъ; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ приращеніе его совпадало съ тяжестью крестьянскихъ повинностей; оно было прямо пропорціонально имъ; 3) въ селахъ евреи занимались арендаторствомъ и шинкарствомъ; послѣднее являлось преобладавшимъ занятіемъ евреевъ и въ городахъ; торговля занимала второе мѣсто; всѣ легкія и прибыльныя ремесла также находились въ рукахъ евреевъ, на долю-же христіанъ выпадалъ тяжелый, бездоходный трудъ; 4) со времени переписи 1787 г. по 1873 годъ еврейское населеніе увеличилось почти въ 6 разъ, а христіанское только вдвое. Референтъ не нашелъ данныхъ для рѣшенія вопроса, произошло-ли самое увеличеніе евреевъ естественнымъ путемъ или чрезъ наплывъ ихъ изъ другихъ мѣстъ; во всякомъ случаѣ изъ наблюденія надъ числомъ раждающихся видно, что приращеніе еврейскаго населенія совершалось гораздо быстрѣе, чѣмъ возрастаніе христіанскаго **).

Д. чл. И. В. Лучицкій сообщилъ свѣдѣнія о „Румянцевской Описи“ Малороссіи. Это одно изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ описаній поземельной собственности, съ которымъ не могутъ сравняться сохранившіяся заграницей. По Румянцовской Описи

---

*) Прочитанный въ засѣданіи общества г. Антоновичемъ въ русскомъ переводѣ отрывокъ изъ мемуаровъ Станислава Яблоновскаго, воеводы русскаго, повѣствующій о пребываніи Петра В. въ 1698 г. въ Галичинѣ, въ г. Русской Равѣ, напечатанъ въ № 1 »Кіевской Старины«.

**) Болѣе подробное изложеніе содержанія сообщенія г. Каманина, см. въ № 114 »Труда« 1881 г., а также въ газетахъ »Кіевлянинъ« и »Заря«.

можно возстановить передвиженіе земель за все время XVIII стол. и отчасти цѣны на землю. Въ Описи сохранились указанія и на способы, какими переходили земли изъ рукъ въ руки. Въ виду богатства матеріаловъ, заключающихся въ Описи, г. Лучицкій предложилъ на статистическомъ съѣздѣ въ Полтавѣ, въ іюнѣ минувшаго года, издать извлеченіе изъ нея въ видѣ особыхъ таблицъ. Для образца тѣхъ выводовъ относительно экономическаго строя, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи Описи, г. Лучицкій прослѣдилъ постепенное развитіе землевладѣнія въ золотоношскомъ уѣздѣ и указалъ на особую форму общиннаго землевладѣнія, тамъ существовавшую.

Нѣкоторыя изъ сообщеній относились къ исторіи русской словесности.

Д. чл. Д. И. Багалѣй въ своей статьѣ „Догадка объ авторѣ Слова о полку Игоревѣ", старался установить *возможность* того предположенія, что въ сѣверской землѣ издавна существовала литературная дѣятельность. Развитіемъ такой мѣстной литературы объясняется, по его мнѣнію, появленіе тамъ „Слова о полку Игоревѣ". Имя автора этого произведенія неизвѣстно, но можно установить съ большою вѣроятностью его происхожденіе. Основываясь на близкомъ знакомствѣ автора Слова со степью и кочевниками, со взаимными отношеніями южно-русскихъ князей, на его желаніи воспѣть *несчастный* походъ сѣверскаго князя, на его симпатіи къ Ольговичамъ, пользовавшимся на Руси недоброю славою, референтъ пришелъ къ заключенію, что авторъ Слова скорѣе всего могъ быть сѣверянинъ. Никто другой не могъ такъ вѣрно понять отношеній сѣверскихъ князей къ половцамъ. Слово всѣми силами ратуетъ противъ политики ихъ, которая не могла, или не умѣла, или не хотѣла возвыситься до идеи единства всей русской земли. Въ этомъ отношеніи взглядъ поэта-дружинника совершенно подходитъ къ воззрѣнію сѣверянина—Даніила паломника и одного проповѣдника, также по всей вѣроятности, сѣверянина. Подобный же взглядъ замѣтенъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, относящейся также къ Чернигову. Такимъ образомъ, дружинникъ (въ „Словѣ"), проповѣдникъ (въ проповѣди) и народъ (въ былинѣ) сошлись въ своемъ воззрѣніи на отношенія сѣверскихъ князей къ половцамъ.—Гипотеза

г. Багалѣя была встрѣчена въ засѣданіи общества цѣлымъ рядомъ возраженій.

Д. чл. В. Н. Малининъ представилъ сравнительное изслѣдованіе *житія св. Аѳанія и хожденія его въ рай*, по четыремъ спискамъ, изъ которыхъ доселѣ былъ извѣстенъ одинъ, по прологу XIII вѣка (см. Памятники старинной русской литературы, графа Кушелева-Безбородко, вып. III, стр. 134). Открытые списки распадаются на двѣ редакціи: полную, извѣстную по сборникамъ юго-славянской и русской редакціи (2 списка), и краткую, проложную, представляющую видимое сокращеніе первой. По своему характеру и содержанію житіе относится къ области тѣхъ-же легендъ востока, къ которымъ примыкаютъ житія св. Макарія и Зосимы, и составляетъ какъ-бы дополненіе послѣднихъ. Г. Малининъ имѣлъ въ виду въ своемъ сообщеніи объяснить составъ и происхожденіе легенды путемъ сопоставленія ея содержанія какъ съ однородными легендарными и апокрифическими сказаніями о раѣ, такъ и однородными воззрѣніями на рай и загробную жизнь.—Древность легенды доказывается упоминаніемъ о ней въ извѣстномъ посланіи Василія, архіепископа новгородскаго, спискомъ пролога XIII вѣка и очевиднымъ пользованіемъ ею на западѣ въ XII вѣкѣ [1]).

Д. чл. В. Б. Антоновичъ, по случаю двадцатилѣтія, исполнившагося со дня смерти Шевченка, посвятилъ особое чтеніе оцѣнкѣ историческаго значенія тѣхъ произведеній поэта, въ которыхъ описаны историческія событія. Высоко художественное возсозданіе минувшей жизни въ поэмахъ Шевченка обаятельно дѣйствовало на читавшую публику, которая готова была видѣть въ нихъ точное фактическое изображеніе историческихъ событій. Но нельзя отождествлять поэта съ историкомъ. У Шевченка встрѣчаемъ замѣчательную художественную обрисовку воспроизведенныхъ имъ эпохъ, характеръ которыхъ всегда вѣрно угаданъ поэтомъ; историческое изслѣдованіе подтвердило правдивость его картинъ и, безъ сомнѣнія, еще подтвердитъ многое въ нихъ въ будущемъ; но въ подробностяхъ немало неточностей и фактическихъ ошибокъ, происшедшихъ отъ того, что у поэта было немного историческаго матеріала; нужно

[1]) Статья г. Малинина появится въ »Трудахъ кіевской духовной академіи«.

удивляться, какъ онъ съумѣлъ предъугадать многое, что было установлено потомъ историческимъ изслѣдованіемъ на основаніи данныхъ, приведенныхъ позже въ извѣстность. Подобныя мелкія ошибки, въ которыхъ неповиненъ поэтъ, не имѣютъ значенія въ виду правдивыхъ историческихъ картинъ, мастерски нарисованныхъ поэтическою кистью художника [1]).

Въ качествѣ вступленія къ этому чтенію, покойный предсѣдатель А. А. Котляревскій предпослалъ нѣсколько словъ объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній [2]).

Древней исторіи славянства касалось сообщеніе д. чл. А. Д. Воронова о новооткрытомъ сборникѣ папскихъ писемъ, принадлежащемъ британскому музею. По мнѣнію г. Воронова, эти документы заимствованы непосредственно или посредственно изъ папскихъ регистровъ или книгъ, въ которыя съ древнихъ временъ вносились копіи всѣхъ офиціальныхъ декретовъ папскихъ. Тѣ изъ новооткрытыхъ документовъ, которые имѣютъ отношеніе къ исторіи славянства и преимущественно къ исторіи св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, подтверждаютъ отрицаемый нѣкоторыми разсказъ пространнаго житія св. Меѳодія о гоненіи противъ него со стороны латино-нѣмецкаго духовенства и его заточеніи въ Швабіи, обогащаютъ этотъ разсказъ новыми подробностями. Самъ папа Стефанъ VI былъ виновникомъ разрушенія того дѣла, которое оберегали его предшественники; самъ папа уничтожилъ православно-славянскую церковь Моравіи и Панноніи и враждебно отнесся къ ея основателю [3]).

Д. чл. Ѳ. Я. Фортинскій высказалъ несогласіе съ предположеніемъ, что новоизданныя письма были заимствованы изъ регистровъ папской канцеляріи.

Во многихъ засѣданіяхъ Общества удѣлялось вниманіе обзору современнаго движенія исторической науки.

---

[1]) Изложеніе содержанія рѣчи г. Антоновича напечатано нами въ № 10 »Труда« 1881 г.

[2]) Рѣчь А. А. Котляревскаго напечатана въ № 8 »Труда« 1881 г.

[3]) Чтеніе А. Д. Воронова напечатано въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“ 1881 года, № 8, подъ заглавіемъ „Научное движеніе по вопросу о свв. Кириллѣ и Меѳодіи“.

Покойный предсѣдатель Общества, нынѣшній предсѣдатель В. Б. Антоновичъ и д. чл. В. С. Иконниковъ неоднократно сообщали о новыхъ книгахъ и статьяхъ по археологіи и русской исторіи. Секретарь Общества Дашкевичъ отмѣчалъ замѣчательнѣйшія явленія иностранной научной литературы, представлявшія интересъ для русской исторіи и исторіи русской словесности.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ остановилъ вниманіе Общества на рефератахъ тифлисскаго археологическаго съѣзда, выдававшихся новизною взглядовъ или фактовъ, по отдѣламъ первобытныхъ древностей, христіанскихъ искуствъ и художествъ и исторической географіи [1]).

Д. чл. В. С. Иконниковъ, въ особомъ засѣданіи, посвященномъ памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, прочелъ рѣчь объ успѣхахъ историко-филологическихъ наукъ въ его царствованіе.

Покойный предсѣдатель А. А. Котляревскій въ особыхъ рѣчахъ указалъ на заслуги въ русской литературѣ и наукѣ скончавшихся предъ тѣмъ писателей и ученыхъ: Ѳ. Б. Миллера, А. Ѳ. Писемскаго, Ѳ. М. Достоевскаго, проф. Колосова и Лешкова. Научная и литературная дѣятельность самого Котляревскаго была помянута въ обществѣ секретаремъ, а д. чл. А. В. Стороженко предложилъ собранію воспоминаніе о дѣятельности А. А. Котляревскаго, какъ профессора славяновѣдѣнія въ университетѣ св. Владиміра.

Сообщались по временамъ извѣстія объ археологическихъ находкахъ.

Такова была дѣятельность Общества Нестора въ истекшемъ году.

Главная задача Общества—поддержаніе взаимнаго научнаго общенія лицъ, заботящихся объ успѣхахъ исторической науки, и разработка вопросовъ, выдвигаемыхъ ею. Общество наше сдѣлало, что могло, въ предѣлахъ имѣющихся у него средствъ. Оно объединяло мѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ историческаго изслѣдованія.

---

[1]) Содержаніе доклада г. Антоновича изложено нами въ №№ 105 и 106 »Труда« 1881 г.

Многія работы членовъ были предназначены именно для Общества, а не являлись лишь случайнымъ вкладомъ. Многія сообщенія вызывали весьма оживленный обмѣнъ мыслей со стороны присутствовавшихъ членовъ и иной разъ весьма обстоятельныя дополнительныя замѣчанія.

Къ сожалѣнію, Общество не могло разширить своей дѣятельности научными предпріятіями, какъ-то: научными экскурсіями, раскопками, изданіемъ памятниковъ, историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ[1]) являлся въ этомъ случаѣ помѣхой.

Но Общество можетъ утѣшаться вниманіемъ, какое встрѣчаютъ его труды въ просвѣщенной публикѣ. Одной изъ задачъ его является распространеніе интереса къ изученію старины, въ широкомъ смыслѣ слова. Русская историческая наука можетъ быть силою, объединяющею общество: она равно дорога и равно интересна для всѣхъ. По словамъ нашего знаменитаго историка, исторія есть народное самопознаніе. Развитіе въ возможно большей степени такого самопознанія составляетъ конечную цѣль нашей науки и первое условіе процвѣтанія народной жизни. Если Общество наше поддерживаетъ, хотя-бы и въ скромныхъ размѣрахъ, интересъ къ отечественной исторіи и любовь къ родной старинѣ, то оно трудится не безслѣдно.

НЕОСУЩЕСТВИВШІЙСЯ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКѢ.

(Два письма о немъ 1802—1803 г.)[2])

Помѣщаемыя здѣсь два письма по предмету учрежденія университета въ Новгородъ-Сѣверскѣ получены нами отъ одного изъ родственниковъ Ивана Ивановича Халанскаго, бывшаго сначала директоромъ новгородсѣверскаго училища, которое существо-

---

[1]) Въ настоящее время въ кассѣ общества состоитъ 419 р. 72 коп.

[2]) Письма эти съ необходимыми къ нимъ поясненіями обязательно сообщены намъ Н. В. Шугуровымъ.

вало въ этомъ городѣ до учрежденія гимназій, а потомъ съ образованіемъ гимназій — первымъ директоромъ новгородсѣверской гимназіи. При этомъ первое письмо есть подлинникъ, подписанный бывшимъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Куракинымъ и полученный отъ него Халанскимъ, а второе — исправленная Халанскимъ и подписанная имъ копія, которую Халанскій оставилъ у себя, отославъ подлинникъ письма по принадлежности кн. Куракину. Какой дальнѣйшій ходъ имѣла мысль объ учрежденіи университета въ Новгородсѣверскѣ, намъ неизвѣстно.

Едва-ли впрочемъ и могла имѣть большой ходъ эта странная мысль — учредить университетъ въ глухомъ городкѣ, бывшемъ губернскимъ безъ году недѣлю и лежавшемъ не вдалекѣ отъ Кіева, предназначеннаго для той-же цѣли высшимъ правительствомъ. Не сама эта мысль имѣетъ какое-либо значеніе въ исторіи мѣстнаго просвѣщенія, но то развитіе, какое давали ей два почтенные мужа того времени, печаловавшіеся по самой должности своей о нуждахъ народнаго образованія, одинъ — высшій администраторъ, другой—популярный въ свое время и въ своемъ мѣстѣ педагогъ. Оба они очень заняты мыслью объ университетѣ; но ни одного изъ нихъ не озабочиваетъ вопросъ, для кого нуженъ проэктируемый университетъ и откуда онъ могъ получать необходимый контингентъ питомцевъ. Въ обоихъ письмахъ ни слова о томъ, для какого района онъ предназначается, какъ велико пространство этого послѣдняго, его населеніе, каково положеніе въ немъ средняго и низшаго образованія, какое число среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и учащагося въ нихъ юношества, чѣмъ вызывается и вызывается-ли потребность въ высшемъ образованіи для данной мѣстности, и пр. и пр. По тогдашнимъ соціальнымъ условіямъ и воззрѣніямъ не могло быть и рѣчи о потрѣбностяхъ и благѣ всего населенія,—имѣлись въ виду лишь классы привилегированные; но насъ поражаетъ эта легкость, съ какою смотрятъ эти прожектеры на дѣло такой великой важности, какъ университетъ. Кн. Куракинъ желаетъ „проэктовъ полныхъ“, но мѣру ихъ полноты едва-ли и самъ могъ-бы опредѣлить; директоръ Халанскій брался за вопросъ: „о наукахъ, языкахъ и о искусствахъ, о способѣ преподаванія“ и пр., но потомъ самъ „обуялъ свою мысль“, т. е. нашелъ ее пустою и не его касающеюся. Все сводится за тѣмъ на вопросы о средствахъ содержанія и устройства помѣщенія для университета. И

посмотрите, съ какимъ усердіемъ „состарѣвшійся“ педагогъ, вооружившись чувствами благочестія и вѣрноподданства, силился подвести своего патрона подъ монастырь новгородъ-сѣверскій, съ цѣлію овладѣть его имуществомъ для осуществленія излюбленной мысли, и игнорируя даже архимандрита „*со словесностію*“. Интересно и то, что многорѣчивый педагогъ въ пользу учрежденія университета въ Новгородъ-Сѣверскѣ не представилъ ничего, кромѣ свѣжаго воздуха и большой церкви.

I. Письмо малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Куракина къ директору новгородсѣверскаго училища Халанскому.

Милостивый государь мой, Иванъ Ивановичъ.

Относительно устроенія предполагаемаго вами университета въ Новгородкѣ-Сѣверскомъ, при изъясненіи вамъ искренней признательности, о дѣлѣ толико споспѣшествующемъ благу общему, покорно васъ, милостивый государь мой, прошу принять на себя трудъ, сочинивъ полные проэкты, съ расположеніемъ всѣхъ потребныхъ на содержаніе его издержекъ, и съ нужнымъ постановленіемъ въ немъ порядка, доставить ко мнѣ для дальнѣйшаго заключенія о средствахъ сіе намѣреніе исполнить. Между тѣмъ почитаю нужнымъ васъ увѣдомить, что плановъ и фасадовъ, снятыхъ вами съ домовъ Осипа Степановича [1]), я не получалъ.

Есмь впротчемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорный слуга кн. Алексѣй Куракинъ.

№ 3358. Полтава. Декабря 5 дня 1802 года.

II. Письмо Халанскаго къ кн. Ал. Б. Куракину.

(по титулѣ слѣдующее):

Представляя о сообщеніи мнѣнія вашего сіятельства графу Петру Васильевичу, г. министру народнаго просвѣщенія, чтобы учредить въ Новгородѣ-Сѣверскѣ университетъ, по случаю Высочайше даннаго указа правительствующему сенату въ 8-й день сен-

---

[1]) Вѣроятно—Судіенка. *Н. Ш.*

тября прошлаго 1802 года [1]), докладывалъ я вашему сіятельству объ одномъ только, извѣстномъ мнѣ съ лишкомъ черезъ 14 лѣтъ моего служенія директоромъ, что положеніе сего города здоровое, выгоды хозяйственныя не нужны, а сверхъ сего и паче всего то преимущество, что по немноголюдному сему городу ни что не будетъ отвлекать учащихъ и учащихся отъ упражненія въ наукахъ, кои безъ сумнѣнія доставятъ просвѣщенныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ. Ваше сіятельство, милостиво сіе одобривши, яко дѣло споспѣшествующее общему благу, изволили приказать мнѣ, сочинивъ полные проэкты съ расположеніемъ всѣхъ потребныхъ на содержаніе издержекъ и съ нужнымъ постановленіемъ въ немъ порядка, доставить къ вашему сіятельству, для дальнѣйшаго заключенія сіе намѣреніе исполнить. Вслѣдствіе чего я, какъ состарѣвшійся съ нетерпѣливымъ желаніемъ учрежденія университетовъ, дѣлалъ всѣ мои соображенія, дабы написать положеніе о наукахъ, языкахъ и о искусствахъ, о способѣ преподаванія, о времени окончанія ученія, объ испытаніяхъ и о другихъ необходимостяхъ: но прочитавши Высочайшій указъ правительствующему сенату, данный 24-го генваря сего года и при оном предварительныя правила народнаго просвѣщенія [2]), обуялъ я мою мысль; а посему и имѣю честь представить объ одномъ только выгоднѣйшемъ зданіи, яко первѣйшей и немаловажной по-

---

[1]) 8 сентября 1802 г. послѣдовалъ указъ сенату объ учрежденіи министерствъ (Собр. зак., т. XXVII, № 20. 406).

[2]) 24 января 1803 г. былъ данъ указъ сенату объ учрежденіи учебныхъ заведеній, съ назначеніемъ для каждаго губерній (Собр. зак. т. XXVII, № 20598), а 26 того-же января послѣдовалъ указъ объ устройствѣ училищъ, который вѣроятно разумѣлъ Халанскій, сдѣлавъ ошибку въ обозначеніи числа. Указомъ этимъ утверждались «предварительныя правила народнаго просвѣщенія», которыя приложены къ указу. Этими правилами опредѣляются четыре рода училищъ «для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія»: 1) училища приходскія (которыя должны были существовать въ каждомъ церковномъ приходѣ, или по крайней мѣрѣ одно на два прихода), 2) уѣздныя, 3) губернскія, или гимназіи и 4) университеты. Для университетовъ, кромѣ существовавшихъ въ Москвѣ, Вильно и Дерптѣ, и учреждавшихся въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, предназначались города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ Великій и «другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными» (Собр. зак., т. XXVII, № 20597).

требности, могущей быть удобнымъ способомъ къ учрежденію университета въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Для надлежащаго и выгоднаго помѣщенія университета потребно зданіе пространное, выгодное и прочное, на сіе нужна великая сумма денегъ, но время на построеніе онаго, на пріуготовленіе его такъ, чтобы оно могло быть для живущихъ въ немъ безвредно, болѣе всякой неисчетной суммы; а потому для сохраненія драгоцѣннаго времени докладываю, какъ вѣрноподданный моего государя императора, слѣдующее: благочестивые люди, отдавая монастырямъ свое богатство, хотѣли безъ сумнѣнія, чтобы оно было употреблено на благодѣтельныя заведенія. Великая Екатерина, знавши, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообразныхъ съ его святостію, совершила намѣреніе Петра Великаго, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей духовенства и для благолѣпія церквей, а прочіе доходы повелѣла употребить на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ и на содержаніе духовныхъ училищъ. Такимъ образомъ исполнилось съ одной стороны желаніе благочестивыхъ людей: но какъ учрежденіе университетовъ было и есть благочестивыхъ людей желаніе, то съ благоговѣніемъ почитая Высочайшее соблагоизволеніе, чтобы учредить тамъ университеты, гдѣ оныхъ еще нѣтъ, осмѣливаюсь для споспѣшествованія исполненію намѣреній правительства народнаго просвѣщенія мыслить, что можно испросить Высочайшую волю, дабы занять на университетъ находящійся въ Новгородѣ-Сѣверскѣ спасо-преображенскій монастырь, обращенный, за упраздненіемъ новгородско-сѣверской губерніи и бывшаго въ немъ дому архіерейскаго, въ первокласный. Положеніе сего монастыря на горѣ, при портовой рѣкѣ Деснѣ, самое здоровое; а что потребнѣе, какъ воспитывать сыновъ отечества въ здоровыхъ мѣстахъ, не отдаляя ихъ отъ мѣстъ своего рожденія, и жить имъ въ такихъ зданіяхъ, которыя многими лѣтами осушены? Монастырь, мною указываемый, довольно вашему сіятельству извѣстенъ, какъ равно и то, что онъ окруженъ садами, имѣетъ каменную ограду, внутри которой великолѣпный храмъ, Великою Екатериною созданный, но онъ отдѣланъ только вчернѣ, цѣною съ лишнимъ семьдесятъ тысячъ рублей, въ коемъ да осчастливятся питомцы новгородско-сѣверскаго университета воспѣть по достоянію вѣчную па-

мять въ Бозѣ почивающей Великой Екатерины, основательницы народнаго просвѣщенія, и вкупѣ да проліютъ теплыя свои молитвы ко Господу о продолженіи благоденственной жизни нынѣ царствующаго нашего государя императора, пекущагося о усовершенствованіи ихъ просвѣщенія, содѣлывающаго родителей ихъ благополучнѣйшими. Сверхъ сего великолѣпнѣйшаго храма имѣются еще двѣ каменныя теплыя церкви, начальничій домъ о двухъ этажахъ преогромный, каменныхъ тоже, не включая деревянныхъ флигелей, много, въ которыхъ живали монахи великимъ числомъ и не тѣсно, да особо каменное-же строеніе о двухъ этажахъ, которое было занимаемо духовною семинаріею, состоявшею изъ 8-ми классовъ, въ немаломъ числѣ учениковъ; но теперь, сіятельнѣйшій князь, во всемъ этомъ обширномъ устроеніи великаго числа зданій, вѣками устроенныхъ, дерзаю сказать, живетъ только одинъ архимандритъ, мужъ впрочемъ со словесностію, и съ нимъ монаховъ съ небольшимъ десять, которые весьма удобно могутъ быть перемѣщены съ ихъ достояніемъ въ рыхловскій пустынно-Николаевскій монастырь, также великимъ иждивеніемъ воздвигнутый; положеніе его не далѣе 50-ти верстъ отъ Новгорода - Сѣверска среди лѣсу, ему-же принадлежащаго, садовъ и при всѣхъ выгодахъ для пустынножительствующихъ. Коллежскій совѣтникъ Иванъ Халанскій.

Марта числа 1803 года. Новгородъ-Сѣверскій.

ДРЕВНІЙ СПОСОБЪ ПУБЛИКАЦІИ.

Часто возникающая, какъ для властей, такъ и для частныхъ лицъ, необходимость доводить о чемъ-либо до всеобщаго свѣдѣнія должна была издревле вызвать установленіе обычаемъ извѣстныхъ правилъ и формальностей для всенароднаго объявленія. Такою формальностью оказывается въ древней Руси „заповѣданіе“ или „закликаніе“, т. е. провозглашеніе, которое должно было происходить въ мѣстѣ наибольшаго скопленія народа, именно „на торгу“. Обычай этотъ, съ характеромъ обязательно-юридическимъ, былъ настолько общеизвѣстенъ еще въ XI в., что „Русская Правда“ находитъ излишнимъ дѣлать о немъ какія-либо поясненія, а упоминаетъ только мимоходомъ, какъ объ общепринятой предварительной формальности въ нѣко-

торыхъ случаяхъ. Этимъ способомъ публиковалось о потеряхъ: „Аще кто конь погубить, или оружіе, или портно (одежу), а *заповѣдаеть на торгу*, а послѣди познаеть въ своемъ градѣ, свое ему лицемъ взяти“ [1]); такъ-же объявляли и о бѣгломъ рабѣ: „Оже челядинъ крыется, а *заклічють и съ торгу* [2]), а за три дни не выведуть его, а познають и въ третій день, то свой челядинъ пояти“.

Тотъ-же самый обычай упоминается позднѣе, въ литовскихъ статутахъ, но также безъ всякихъ поясненій. Здѣсь публичное объявленіе называется „заказомъ“ или „заповѣдью“. Въ статутѣ 1529 года, разд. XI, арт. 10, сказано: „Естли-бы отъ кого челядинъ втекъ, мужикъ або жонка неволная, а который-бы, ведаючы *через заказъ або заповедь*, ижъ то чужая челядь бежитъ, вказалъ имъ дорогу, або хлеба далъ, або ихъ въ себе переховалъ,... тогда маеть тому, чия челядь, платити“. Статутъ 1566 года, повторяя то же правило (разд. XII, артик. 10), дополняетъ его (разд. XIII, арт. 5) особымъ постановленіемъ: „*Яко челядь невольная втеклая маетъ быти заповѣдана*“, гдѣ, между прочимъ, указано и мѣсто для такихъ публикацій: „Естьли-бы кто чію-челядь въ себе ховалъ, а тотъ по колко кроть заповѣди (чинилъ) и *по торгу заклікалъ*, оповѣдаючи се“ и т. д. Такое-же постановленіе о заклинаніи на торгу находимъ и въ послѣднемъ статутѣ 1588 года, въ разд. XII, арт. 17. Такимъ образомъ мы видимъ, что статуты удерживали въ силѣ постановленія „Русской Правды“, но только по одному предмету публикацій, именно о бѣглыхъ невольникахъ. Извѣстно однако по памятникамъ, что тотъ-же способъ объявленія употреблялся и въ другихъ случаяхъ, напр. при основаніи слободъ, причемъ „закликали волю“. Такъ, при основаніи слободы на опустѣвшемъ въ XVI вѣкѣ Старомъ Кіевѣ, бывшій тогда воеводою кн. Константинъ Острожскій „казалъ волю обволати именемъ его королевское милести на летъ двадцать и чотири, до того столпъ поставити на месте горнемъ Киевскомъ около церкви святого Софея (sic)“ [3]). Преданія

---

[1]) Карамз. Списокъ, ст. 29.

[2]) Тамже, ст. 27. По изданію 1799 г. подчеркнутая фраза правильнѣе: «а закличетъ на торгу» (стр. 35).—Ср. Карамзина Ист. Гос. Рос. (по изд. Эйнерлинга), т. II, стр. 31.

[3]) Актовая книга кіев. центр. архива № 8, листъ 206 на оборотѣ.

о такомъ способѣ объявленія объ основаніи слободъ въ XVIII вѣкѣ сохранялись еще недавно, и на основаніи ихъ г. Кулишъ говоритъ: „Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ,—на *ярмаркахъ*, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ,—и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смѣлянщины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что кто придетъ къ нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, а за такого будетъ стоять“ [1]).

Мало по малу, обычай объявленій „на торгахъ“ исчезаетъ изъ законодательства, по крайней мѣрѣ такое объявленіе, сдѣланное частнымъ лицомъ, теряетъ свою обязательно-юридическую силу. Уже въ „Сводѣ правъ, по которымъ судился малороссійскій народъ“, хотя упоминаются „публикаціи“ о бѣглыхъ крѣпостныхъ (гл. XXVII, арт. 21, § 3), но публикаціи эти должны были совершаться черезъ посредство суда: „если-бы чии люде неволние бѣжали, а тотъ, отъ кого ушли, *въ судъ* объявилъ о нихъ для публикованія“; „кто же чиихъ бѣглихъ людей и неволнихъ, вѣдая объ нихъ *съ суда публикацію*, поймавъ задержитъ“ (тамъ-же, арт. 20, § 1 и 2). Но въ практикѣ неофиціальной, въ области права обычнаго, закликаніе или, по позднѣйшей терминологіи, *выкликаніе* на *ярмаркахъ*, какъ способъ публикаціи, удерживалось до самаго послѣдняго времени, а можетъ быть мѣстами сохранилось еще и теперь. Считаю нелишнимъ привести упоминающій объ этомъ обычаѣ народный разсказъ, записанный мною въ с. Красномъ Кутѣ уманскаго уѣзда, интересный еще и по выраженному въ немъ взгляду на „справедливый“ дѣлежъ находки.—Шли по дорогѣ мужикъ и беременная женщина, и нашли деньги: панъ потерялъ „велику силу“ денегъ. Спустились въ ровъ и стали дѣлиться. Мужикъ разложилъ деньги на три кучки и говоритъ: „бери себѣ двѣ части, а мнѣ одна часть: можетъ мнѣ будетъ на счастье, можетъ тебѣ, а можетъ тому, что въ тебѣ,—такъ бери себѣ двѣ части, а мнѣ одна“. Пришли они *„на ярмарокъ“*, а тамъ паны *выкликаютъ* (т. е. о потерѣ),—они и хотѣли сказать о находкѣ. Но слетѣлъ ангелъ съ неба и говоритъ: „Мол-

[1]) Записки о южной Руси, т. I, стр. 85.

чите! Я и самъ сказалъ бы, да потому молчу, что по правдѣ передѣлились".

Объявленія посредствомъ „выкликанія" на ярмаркахъ производились по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Я лично помню, какъ лѣтъ 25—30 назадъ этимъ способомъ, въ центральной части кіевской губерніи, помѣщики созывали рабочихъ для уборки хлѣба, если пространство засѣянныхъ „лановъ" превышало силы наличныхъ крѣпостныхъ имѣнія. При этомъ обыкновенно объявлялось, „за какой снопъ" сдается уборка,—денежная плата тогда вовсе еще не была въ ходу. Такой способъ вознагражденія за жатву употребляется мѣстами еще и теперь, только норма вознагражденія сильно понизилась: вмѣсто обычнаго прежде пятаго, шестого, а при хорошемъ урожаѣ четвертаго и иногда даже третьяго снопа, теперь считается хорошимъ вознагражденіемъ восьмой и девятый, а иногда плата за жатву падаетъ до $^1/_{12}$ и $^1/_{13}$ собраннаго.

Приведенныя нами свидѣтельства памятниковъ не содержатъ никакихъ указаній на самую процедуру закликанія. По недавнему обычаю происходило оно такъ: объявляющій о чемъ нибудь становился на возу, снималъ шапку и, вертя ее на рукѣ или на палкѣ надъ головой, громкимъ голосомъ троекратно произносилъ особую призывную формулу, съ цѣлью обратить на себя вниманіе „ярмаркующаго" народа, а потомъ уже сообщалъ сущность дѣла. Такая формула, хотя въ очень краткомъ видѣ, напечатана въ сборникѣ малорусскихъ пословицъ и поговорокъ М. Т. Симонова (Номиса, стр. 119 № 6124): „Эй миряне, шевці—кравці, крамарі—шапарі, сходи́ться, сходи́ться, рады послухати, табаки понюхати!" Обыкновенно, она была гораздо обширнѣе; привожу ее здѣсь, какъ она была записана Ѳ. Т. Панченкомъ въ кіевской губерніи, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ: „Коноводы, воловоды, люлешники, табашники, пилники, мылники, селяне, городяне, міщане, крамарі, шинкарі, дехтярі, торговці, покупці, шаповалы, коновалы, шевці, кравці, проіжжі, прохожі, домові, ярмаркові, миряне, жиды. цыгане,—добрі люде! А сходьтесь, сходьтесь, сходьтесь! Рады послухаете, табаки понюхаете, а я щось скажу!" Повторяя этотъ призывъ три раза, каждый разъ прибавляютъ. „Отò скажу, отò скажу!"

Существованіе такой формулы, которую удержать въ памяти могъ, конечно, не всякій, наводитъ на мысль, что для закликанія должны были быть своего рода спеціалисты; они были необходимы, когда объявленіе приходилось дѣлать женщинѣ или вообще лицу, необладающему зычнымъ голосомъ и замѣтной фигурою; не рѣдки бывали случаи, когда заинтересованное лицо не находило для себя приличнымъ дѣлать объявленіе непосредственно, напр. если это былъ помѣщикъ, священникъ и т. под. Памятники не даютъ намъ указаній о томъ, кто именно дѣлалъ провозглашенія отъ имени частныхъ лицъ. Власти имѣли для этого особыхъ герольдовъ, „бирючей“. Такъ напримѣръ, въ лѣтописномъ разсказѣ о единоборствѣ въ 993 году русскаго „отрока“ съ печенѣжскимъ богатыремъ на берегахъ Сулы говорится, что Владиміръ, получивъ вызовъ печенѣжскаго князя, „приде въ товары (лагерь), посла *бирячи* по товаромъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ печенѣжиномъ?“ [1]) На обязанности бирючей лежало, между прочимъ, и собираніе вѣча; въ новгородской лѣтописи, цитируемой Карамзинымъ [2]), подъ 1148 годомъ сказано: „Послаша подвойскіе и биричи..., повелѣ (Изяславъ) звонити вѣче“. Въ статутовое время обязанность производства публикацій возлагалась на возныхъ, но публиковали они только постановленія и приговоры судовъ, въ помѣщеніи послѣднихъ. Исключеніе составляли только случаи убійства, о которыхъ возный, по освидѣтельствованіи трупа, публиковалъ *на рынкѣ* и въ другихъ мѣстахъ города. Кто дѣлалъ объявленія о бѣглыхъ невольникахъ, мы не знаемъ. Въ приведенномъ выше преданіи о слободахъ упоминается о какихъ-то *окличникахъ*. Желательно было бы получить отъ старожиловъ, хорошо помнящихъ ярмарочныя выкликанія, разъясненіе о томъ, кто именно производилъ ихъ, и не составляло-ли такое производство публикацій спеціальнаго занятія, въ видѣ особой профессіи?

Ив. Новицкій.

---

[1]) Полн. собр. лѣтоп., т. I, стр. 53.

[2]) Т. II, примѣч. 315.

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОТЕСТОВАВШИХЪ.

Съ окончательнымъ уничтоженіемъ гетманства, которое сопровождалось назначеніемъ въ правители Малороссіи гр. Румянцева—въ 1765 году,—прекратила свое существованіе политическая автономія Малороссіи. Дѣло исторіи—безпристрастно оцѣнить, на сколько гетманство соотвѣтствовало своему назначенію, на сколько оно стремилось къ общему благу малороссійскаго народа, на сколько порядки и формы жизни послѣдующей эпохи были для Малороссіи сравнительно лучше, прогрессивнѣе и благодѣтельнѣе. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ,—остается открытымъ, не смотря на то, что онъ былъ поставленъ къ рѣшенію болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ вызвалъ два противуположныхъ мнѣнія, высказанныхъ П. А. Кулишомъ и покойнымъ Максимовичемъ [1]). Пусть этотъ важный историческій вопросъ будетъ снова возбужденъ и поставленъ. Новая постановка можетъ вызвать и новыя рѣшенія, лучше прежнихъ обставленныя фактами.

При постановкѣ и рѣшеніи этого важнаго вопроса, нельзя не остановиться на одной любопытной сторонѣ его, которую я и дѣлаю предметомъ настоящей замѣтки. А именно, какъ отнесся малороссійскій народъ къ факту уничтоженія гетманства: принялъ-ли онъ радостно этотъ фактъ, или-же покорился ему, какъ печальной необходимости; были-ли протесты противъ уничтоженія гетманства и заявленія о необходимости его возстановленія; если были протесты и заявленія, то изъ какой среды они шли? Относительно этой стороны мы, къ сожалѣнію, также мало, или, точнѣе сказать, почти ничего не знаемъ, хотя и можно было-бы освѣтить ее нѣсколько при посредствѣ матеріала, скрывающагося въ нашихъ архивахъ.

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь предисловіе П. А. Кулиша къ Запискѣ члена малороссійской коллегіи Теплова »о непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи«. (См. Записки о южной Руси, Кулиша, т. 2-й, стр. 169) и отвѣтъ Максимовича въ статьѣ »О Григоріѣ Николаевичѣ Тепловѣ и его Запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи«, помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ за 1858 г. Кн. IV, стр. 61; перепеч. въ сочиненіяхъ Максимовича, т. I, стр. 545—564.

Черезъ полтора года послѣ уничтоженія гетманства представился, такъ сказать, легальный поводъ всѣмъ малороссійскимъ сословіямъ, за исключеніемъ крестьянъ, высказаться въ пользу или противъ недавно уничтоженной формы управленія малороссійскимъ краемъ. Мы говоримъ о призывѣ въ началѣ 1767 года представителей отъ дворянства, горожанъ и козаковъ для участія въ выборѣ депутатовъ въ надѣлавшую столько шуму „коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія“ и для составленія наказовъ депутатамъ, въ которыхъ требовалось заявить о нуждахъ и недостаткахъ какъ отдѣльныхъ сословій, такъ и всего общества. Какъ-же высказались представители разныхъ сословій Малороссіи въ своихъ наказахъ по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь?

„Всѣ почти шляхетскіе наказы начинаются обращеніемъ ко временамъ присоединенія Малой Россіи къ державѣ русскихъ государей и просятъ подтвержденія старинныхъ правъ и привиллегій, удержанныхъ малороссійскимъ краемъ по переяславскому договору“[1]). Но эти просьбы выражались въ черезъ-чуръ общихъ фразахъ, въ родѣ слѣдующихъ: „всенижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянутъ былъ и край малороссійскій, чтобъ оный, въ случаѣ касающихся дѣлъ, трактованъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ“[2]). Надо думать, что, говоря о подтвержденіи договорныхъ пунктовъ, малороссійское шляхетство вмѣстѣ съ тѣмъ подразумѣвало и возстановленіе гетманскаго достоинства, безъ возстановленія котораго было немыслимо выполненіе пунктовъ. Только, кажется, одно нѣжинское шляхетство прямо рѣшилось просить объ избраніи гетмана. Но, какъ извѣстно, за эту рѣшимость многіе были арестованы и преданы суду. Замѣчательно, что сами-же паны выдавали начальству участниковъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ, наприм., когда въ деревню къ отставному генеральному подскарбію Якову Марковичу явился, съ цѣлью укрыться отъ преслѣдованія, тулигуловскій сотникъ Щигловскій, замѣшанный въ этой исторіи, то Марковичъ, какъ самъ пишетъ въ своихъ запискахъ, „представилъ его при старостѣ въ коллегію съ доношеніемъ моимъ“[3]).

---

[1]) »Малороссія въ 1767 году«. В. Авсѣенко. Кіевъ. 1864 г. стр. 36.

[2]) Тамъ-же, стр. 37.

[3]) Дневныя записки Якова Марковича М. 1859 г., ч. 2-я, стр. 410.

Городскія сословія не дѣлали даже и такихъ скромныхъ заявленій, какъ шляхетство; однако и тамъ находились отдѣльныя лица, которыя не видѣли ничего хорошаго въ предпріятіи правительства и враждебно высказывались противъ его начинаній, считая ихъ пустымъ нововведеніемъ. Такъ, въ г. Погарѣ войтъ Панасъ уговаривалъ жителей „новины не слушать и къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе сторонніе страхи, говоря, что новинѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться,—новина-де того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и сдержать не можетъ“ [1]). Но вотъ козаки прилуцкаго полка не убоялись въ своемъ наказѣ прямо заявить себя сторонниками гетманскаго правленія: „въ Малой Россіи, говорятъ они, первый недостатокъ, что не имѣется гетмана. Того ради просятъ козаки у ея императорскаго величества, дабы повелѣно было въ Малой Россіи избрать гетмана вольными голосами“ [2]). Какой отвѣтственности были подвергнуты прилуцкіе козаки за это заявленіе—неизвѣстно. Недовольство отмѣной гетманства и мысль о возстановленіи гетманскаго званія продолжали проявляться между козаками и въ послѣдующіе годы, какъ показываетъ приводимый ниже эпизодъ [3]).

Въ половинѣ прошлаго вѣка, въ выбельской сотнѣ [4]), черниговскаго полку, былъ сотеннымъ асауломъ нѣкто Матвѣй Новикъ. По происхожденію онъ принадлежалъ къ выборнымъ козакамъ своей сотни, исправлялъ должность куреннаго атамана. Въ сотенные асаулы онъ попалъ въ награду за долговременную службу и за „сгодность“. Болѣе двадцати лѣтъ исполнялъ онъ „добропорядочно“ свои обязанности по асаульству. Наконецъ за старостью и калѣцствомъ попросился въ отставку. Отставка была дана Новику въ мартѣ 1768 года; а въ іюлѣ того-же года случилось съ старикомъ неожиданное приключеніе, которое окончилось для него очень печально, хотя могло кончиться и еще печальнѣе.

---

[1]) Малороссія въ 1767 году, стр. 22.

[2]) Тамъ-же, стр. 129.

[3]) Эпизодъ изложенъ по дѣлу, производившемуся въ малороссійской коллегіи въ 1768 г.

[4]) Село Выбли близъ Чернигова, по дорогѣ на Нѣжинъ.

1 іюля утромъ Матвѣй Новикъ пришелъ на домъ къ выбельскому священнику Савичу и просилъ, чтобъ онъ дозволилъ школярамъ запѣть ему псальмы. Для пѣнія позвалъ въ домъ священника дьячка и „великороссійскаго“ подлекаря Чепелева, который жилъ въ школѣ и былъ нанятъ другимъ дьячкомъ дьячковать вмѣсто него. Пропѣли одну псальму. Матвѣй Новикъ пригласилъ священника и подлѣкаря Чепелева въ шинокъ госпожи Полуботчихи. Пришли, выпили по чаркѣ, а вѣроятно, и не по одной. Новикъ, какъ человѣкъ бывалый, заводитъ рѣчь о своихъ старыхъ походахъ. Какъ-то дѣло доходитъ и до Малороссіи. Подвыпившій старикъ держитъ рѣчь въ такомъ родѣ.

— Лишилась Малороссія своей прежней вольности, и запорожцы немало утѣснены! А когда господинъ Скуропадскій будетъ гетманомъ [1]), но прежней вольности возстановлено не будетъ, то малороссійскіе козаки съ запорожцами—а можетъ быть призовутъ въ помощь и татаръ—ударятъ на москалей, при чемъ съ перваго Румянцева голову снимутъ.

— А гдѣ-же запорожцы и малороссійскіе козаки возьмутъ людей на уронъ?“—спросилъ хитрый подлекарь, который насторожилъ уши на эти рѣчи, и хотѣлъ повывѣдать что-нибудь и еще.

— Уронъ гдѣ взять—умѣютъ,—отвѣчалъ асаулъ.

Священникъ ничего не говорилъ, но слушалъ. Вышли изъ шинка. Чепелевъ пошелъ со священникомъ къ нему въ домъ. Онъ уже рѣшилъ воспользоваться пьяной откровенностью отставнаго асаула; но чтобъ воспользоваться ею, необходимо было втянуть въ дѣло священника. Ничего не могло выйти, если-бы священникъ,—единственный свидѣтель, вздумалъ отречься отъ того, что онъ слышалъ.

— А какъ вы думаете, и въ правду не можетъ-ли сдѣлаться это великое дѣло?—начинаетъ свой подходъ къ священнику подлекарь.

— Какъ знать!—простодушно отвѣчаетъ священникъ: можетъ быть, и подлинно сіе произойдетъ! Малороссіяне и запорожцы давно вели-

---

[1]) Мы не знаемъ, котораго изъ двухъ Скоропадскихъ, народная молва прочила въ гетманы: генеральнаго-ли асаула Ивана Михайловича, который былъ избранъ депутатомъ въ Москву, въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, или Якова, генеральнаго бунчужнаго. Вѣроятно, перваго.

кое притѣсненіе терпятъ; а при томъ-же запорожцы ни откуда инуда, какъ болѣе изъ людей малороссійскихъ, и какъ ихъ, запорожцевъ, дѣды, батьки и братья, такъ бабы, матки и вся родня состоятъ въ Малой Россіи.

Изъ этихъ рѣчей подлекарь Чепелевъ могъ понять, что священникъ неохотно вступилъ-бы въ роль свидѣтеля противъ Новика. Надо было его къ тому принудить. Чепелевъ наединѣ разсказалъ о рѣчахъ, которыя онъ слышалъ отъ асаула, другому дьячку и сообщилъ ему, что онъ хочетъ донести объ этомъ куда слѣдуетъ. Дьячекъ передалъ все священнику. Священникъ, видя, что дѣло получаетъ огласку, и укрывательство можетъ повлечь и для него крайне невыгодныя послѣдствія, сказалъ, что и онъ тѣ рѣчи Новика слышалъ.

Узелъ былъ завязанъ... За подлекарскимъ доносомъ тотчасъ-же воспослѣдовало соотвѣтствующее распоряженіе, и прикосновенные къ дѣлу были забраны и доставлены въ Глуховъ въ малороссійскую коллегію.

Показанія Чепелева бросали сильную тѣнь и на священника Савича. Поэтому священникъ, по видимому человѣкъ крайне робкій, заботился только о томъ, чтобы выгородить себя, обнаруживая полную готовность выдать Новика съ руками и ногами. Онъ подтверждалъ всѣ подлекарскія показанія и чтобы выставить рельефнѣе свою благонамѣренность, сдѣлалъ на Новика добавочный доносъ. Суть этого доноса заключалась въ слѣдующемъ. Когда асаула и священника везли вмѣстѣ въ Глуховъ, Новикъ нашелъ какъ-то случай, во время перемѣны лошадей, говорить съ священникомъ. Новикъ просилъ священника „не осиротить дѣтей“ и ничего противъ его, Новика, не показывать,—при этомъ онъ говорилъ, что самъ будетъ запираться во всемъ, если даже будутъ приводить къ присягѣ.

И дѣйствительно, асаулъ Новикъ запирался во всемъ. Старый воробей, умудренный своимъ многолѣтнимъ должностнымъ опытомъ, онъ не могъ не знать всей цѣны прекрасной формулы: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Но послѣ нѣсколькихъ допросовъ и увѣщаній, онъ наконецъ сознался во всемъ, оправдываясь тѣмъ, что былъ пьянъ. Онъ показалъ, что одна женщина, возвратившись въ Выбли изъ Глухова, разсказывала о томъ, какъ въ Глуховѣ народъ ожидаетъ пріѣзда господина Скоропадскаго, который пріѣдетъ гет-

маномъ [1]). Все это женщина разсказывала публично, въ присутствіи многихъ людей, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, Новикъ. Всего-же остального о запорожцахъ и о прочемъ онъ ни отъ кого не слыхалъ, а вымыслилъ все это самъ съ пьяна.

Дѣло это повергалось на Высочайшее разсмотрѣніе. По разсмотрѣніи послѣдовалъ слѣдующій указъ Екатерины II на имя Румянцева:

Секретно.

Графъ Петръ Александровичъ!

Присланный отъ васъ въ сенатъ отъ 5-го числа августа рапортъ и при томъ подлинное дѣло по доносу подлекаря Гаврили Чепелева о содержащихся въ Глуховѣ черниговскаго полку села Вибѣль отставномъ сотѣнномъ асаулѣ Матвѣе Новикѣ, попе Якове Савиче, дьячке Никите Андрѣеве и казацкой жене Палагѣе Толстаго, Мы разсматривали; изъ котораго оказалось, что асаулъ Новикъ говорилъ показанные по тому дѣлу дерзкіе слова, кои онъ вымыслилъ самъ собою, такъ какъ и самъ онъ наконецъ показалъ, что ни отъ кого никогда и ни гдѣ оныхъ словъ не слыхалъ, теми-жъ вымышленными имъ словами осмѣлился онъ и объ васъ, какъ о своемъ начальникѣ, говорить непристойныя слова, и что онъ-же показаннаго по дѣлу попа, яко свидѣтеля, уговаривалъ и склонялъ, чтобъ при слѣдствіи истинны на него не показывалъ. За которое его преступленіе по законамъ достоинъ онъ Новикъ, яко нарушитель между тамошнимъ народомъ спокойствія, тяжкому осужденію! Но поелику существо сихъ дерзкихъ словъ ничего иного въ себѣ не содержитъ, какъ одно самое пустое, да еще и вымышленное и збыться не могущее вранье, то сего ради отъ тяшкаго осужденія его Новика избавляемъ. А чтобъ однако-жъ сіе его вымышленное и дерзкое разглашеніе вовсе безъ наказанія оставлено не было, да и впредь бы онъ и ему подобные такихъ развращающихъ плевелъ вымышлять и разсказывать, равно и начальниковъ своихъ поносить не осмѣливались, повелѣваемъ за сіе вранье, вымыселъ и ложное сплетеніе учинить ему публичное наказаніе батоги, и послѣ сего изъ подъ караула свободить. Попъ Яковъ Савичъ, слыша отъ

[1]) Вѣроятно, народъ ожидалъ возвращенія изъ Москвы Пв. М. Скоропадскаго, находившагося тамъ депутатомъ въ коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія.

означеннаго асаула объявленныя дерзкія слова, объ оныхъ по долгу присяги своей, и такъ какъ человѣкъ свѣдущій законы, не донесъ! за что и дабы онъ впредь, буде иногда отъ кого услышитъ какіе непристойныя и дерзкія слова, доносилъ въ свое время безъ наималѣйшаго упущенія, посадить его подъ начальъ въ монастырь на двѣ недѣли, и потомъ освободить. Дьячка Никиту Андрѣева, такъ-же и жонку Палагѣю изъ подъ караула освободить: ибо показанные на оную жонку отъ асаула Новика слова сами по себѣ ничего не значатъ. Показанной-же доноситель подлекарь Чепелевъ за правой его извѣтъ по справедливости заслуживаетъ награжденіе, которое ему имѣете учинить вы по вашему разсмотрѣнію.

Екатерина.

Сентября 3-го дня.
1768 года.
С.-Петербургъ.

Въ силу настоящаго повелѣнія, Матвѣй Новикъ былъ наказанъ батогами на площади въ городѣ Глуховѣ публично, съ барабаннымъ боемъ, а священникъ Савичъ отправленъ съ нарочнымъ компанейцемъ къ кіевскому митрополиту Арсенію, для исполненія назначеннаго ему наказанія.

П. Ефименко.

ИСКЛЮЧЕНІЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ЗА САМОВОЛЬНУЮ ОТЛУЧКУ.

Шевченко, передъ своимъ арестомъ въ 1846 году, состоялъ въ качествѣ рисовальщика при кіевской „Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ“, издававшей тогда мѣстныя „Древности“, получая въ годъ 150 р. жалованья. Послѣ его ареста, состоялось такое журнальное постановленіе коммисіи:

„1847 марта 1 дня. Временная коммисія для разбора древнихъ актовъ, имѣя въ виду, что сотрудникъ коммисіи Шевченко безъ всякаго согласія коммисіи (sic) отлучился изъ Кіева и по коммисіи не занимается,—опредѣлили: исключить его изъ числа

сотрудниковъ коммисіи, съ прекращеніемъ производившагося ему жалованья по 12 руб. 50 коп. серебр. въ мѣсяцъ".

Подписи: Предсѣдатель К. Писаревъ.—Членъ коммисіи В. Чеховскій.—Членъ коммисіи Ал. Ставровскій.—Членъ коммисіи А. Селинъ.—Дѣлопроизводитель коммисіи Н. Иванишевъ.

Сообщилъ **Ив. Н.**

МѢСТОРОЖДЕНІЕ СЕМЕНА ПАЛІЯ.

Счастливый случай, при разборѣ склада бумажной рухляди въ мѣстечкѣ Красный Колядинъ (конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи), въ домѣ Николая Николаевича Забѣлы, потомка извѣстнаго нѣжинскаго полковника, навелъ меня на судебный актъ, въ которомъ выясняется стоявшее въ туманѣ мѣсторожденіе столь виднаго въ украинской старинѣ лица, Семена (какъ значится, по акту, *Филиповича)* Палія.

И теперь вижу предъ собою любителя украинской старины, архіерея черниговскаго, Филарета Гумилевскаго, любимымъ героемъ котораго былъ Семенъ Палій. Сколько онъ трудовъ и поисковъ предпринималъ для уясненія родины Семена Палія! Въ бесѣдахъ со мною высокочтимый трудовникъ и изслѣдователь какими только предположеніями, соображеніями и догадками не задавался по занимавшему его долгое время вопросу! При одномъ свиданіи узнаешь, что „по всѣмъ имѣющимся доводамъ Палій долженъ быть родомъ остерскаго уѣзда, деревни Пуховки", при другомъ иное. Теряясь въ догадкахъ и предположеніяхъ, съ какимъ-бы восторгомъ встрѣтилъ онъ такой доказательный документъ, какъ приводимый здѣсь отрывокъ изъ судебнаго процесса—объ *отчистомъ* домѣ—брата Семена Палія, Оедора, съ Тимошемъ Шевцемъ. Вотъ подлинныя слова изъ этого документа, не оставляющія болѣе сомнѣнія въ мѣсторожденіи и отчествѣ славнаго украинскаго героя.

„Року тысяча шестсотъ девятдесятъ четвертого, мѣсяца ноеврія кг дня.

По злеценю его милости, пана Стефана Петровича Забѣли, полковника нѣжинского, на вряде нашомъ борзенскомъ, передо мною Та-

расомъ Тарасовичемъ Забѣлою, сотникомъ борзенскимъ, Петру Макаровичу отаману городовомъ, Кирилу Марковичу войту, Савѣ Даниловичу бурмистру. Постановившися очевисто *Федоръ Филиповичъ, его милости, пана Семена Палья, рожоной братъ,* сполне зъ Тимошемъ Шевцемъ, *жители наши борзенскіе,* претендовали намъ о томъ свою праву: иж яко будучи они в заводѣ и алтернаціи промежду собою вышъ помененіе Федоръ Филиповичъ з онимъ Тимошемъ о *той отчистый их над речкою Сорокою стоячий....*"

По этому поводу позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ вообще о нашихъ письменныхъ памятникахъ, собираніе и сбереженіе которыхъ такъ важно для исторіи южной Россіи.

Большой грѣхъ лежитъ на душѣ тѣхъ, которые не берегутъ рукописныхъ сокровищъ, нерѣдко валяющихся въ домашней рухляди, и хранящихъ въ себѣ подъ-часъ такія драгоцѣнныя свѣдѣнія, какихъ не найти въ офиціальныхъ хранилищахъ. Не въ однихъ казенныхъ, но и частныхъ архивахъ находятся массы документовъ, которые обнимаютъ собою всю внутреннюю минувшую жизнь нашу, свѣдѣнія о которой у насъ такъ бѣдны; топографію, экономическій бытъ, медицину народа, обычаи, обычный судъ, матеріалы для изученія украинскаго слова и проч, и проч. Съ упраздненіемъ старыхъ формъ жизни и вѣдавшихъ ее учрежденій, съ введеніемъ въ частности размежеванія—всѣ прежнія дѣла остались не нужными, и должны погибнуть безвозвратно, а съ ними и всѣ свѣдѣнія о внутренней нашей жизни прежняго времени. Опредѣляя многоразличное значеніе ихъ для исторіи по тѣмъ выводамъ и соображеніямъ, которыя черпаются изъ прочтенія ихъ, можно бы составить обширную статью. Сколько приносится жертвъ отъ богатыхъ, торговыхъ дѣятелей и прочихъ видныхъ людей на заурядные предметы, уже до-сыта пользующіеся дарами припотеній! Но объ образованіи капитала, о сборѣ пожертвованій на учрежденіе хранилища къ сбереженію историческихъ письменныхъ и другихъ памятниковъ, въ видахъ самоизученія въ прошедшей жизни, въ жизни нашихъ предковъ, со скорбію сказавши, нѣтъ и почину. Потому съ сердечною радостію примешь вѣсть, въ родѣ заявленной газетно въ прошломъ году, что почтенный цѣнитель старины и изслѣдователь, Гр. А. Милорадовичъ, беретъ на себя половину средствъ для уст-

ройства дома къ помѣщенію документовъ, куда заявляетъ желаніе передать и свои. На такое заявленіе сочувственно отозвался черниговскій городской голова В. М. Хижняковъ. Будемъ ожидать благаго начинанія! Мнѣ кажется, что починъ обыкновенной складчины и подписки, прошедшій по всей странѣ, далъ-бы соотвѣтственный капиталъ!

Ст. фонъ-Носъ.

ЛЕГЕНДА И ТРИ ПѢСНИ О СЕМЕНѢ ПАЛІѢ.

Приводимая легенда и три пѣсни о Семенѣ Палієвѣ представляютъ намъ въ общихъ, особою фантазіею пріукрашенныхъ чертахъ—и свѣтлый образъ украинскаго рыцаря Семена Палія, вѣрно служившаго своей родинѣ и общему отечеству — Россіи въ памятный день полтавской битвы, и мрачную тѣнь Мазепы, какъ она отпечатлѣлась въ фантазіи и памяти народной, и взаимныя ихъ отношенія, и Палієву опалу, и первоначальную близость Мазепы къ царю, и послѣднюю судьбу немногихъ увлеченныхъ имъ козаковъ. Для насъ драгоцѣнны эти общія черты двухъ выдающихся дѣятелей нашей исторіи, сохранившіяся на мѣстѣ бывшаго Запорожья. Любопытно это объясненіе народною фантазіею близости Мазепы къ царю и способа превращенія его въ царскаго отступника. Подъ конецъ 2-й пѣсни хронологическая вѣрность теряется въ памяти народной и она придвигаетъ Палія едва-ли не ко времени Екатерины II и послѣднихъ годовъ Запорожья. *Ред.*

ЛЕГЕНДА.

Мазепа якъ пародився—то ёго хрестивъ Петро Первый. Отъ якъ гуляли хрестини, а тамъ и Семенъ Палій бувъ, то Семенъ Палій и каже: гляди, царю, бо сей Мазепа тебе з царства ссадить!— „Що ты кажешь!... озьмить ёго та завезить за Піскове море"! А те Піскове море, Богъ ёго святий знае, де воно вже, а переіхати, кажуть, можно тильки меделянами! [1]).

[1]) Порода собакъ. Указаніе на ѣзду на собакахъ въ мѣстѣ ссылки Палія.

Отъ якъ ставъ швецькій король підмовлять Мазепу, шобъ той йшовъ Петра Первого воювать, Мазепа й каже: якъ-же я підніжусь на ёго, то вінъ мені хрещений батько? (то, бачь, зна—шо гріхъ). А ты, каже швецькій король, піди у церкву, та на царськихъ вратахъ потопчи евангелію—будешь ты тоді проклятый,—тоді тобі не гріхъ. Мазепа послухавъ тай потоптавъ евангелію; за те-жъ теперъ ёго и звуть проклятымъ.

Отъ якъ зачали підійматись,—той с цеі стороны, а той с тіі, посідають Полтаву. А Петро Первый и жаліется: шо якъ-бы хто одстоявъ Полтаву, то не пожалівъ-бы Богъ знае чого.—Э, кажуть ёму, Семенъ Палій—вінъ може одстояти. Подать ёго сюди!—Такъ вінъ, кажуть ёму, за Пісковимъ моремъ, треба меделянами іхать, не вистигне [1]). Виспівайте [2]), а я тутъ поки самъ одбиватимусь!—Заразъ метнулись—привозять ёго. А вінъ уже старый та сідый—аж трімтить [3]).—А шо, каже, цáрко, не правда моя?—Отъ сіли, пообідали, Семенъ Палій и каже: піду я, на ёго військо подивлюсь. Та перекинувсь собакою тай побігъ у ёго лагері. А Мазепа та взявъ до себе джуру [4]) Семенового; то той джура побачивъ, тай каже: онъ, шось собака біга, то не спроста. А Мазепа каже: адже намъ істи хочется, такъ и ёму, хай біжить!—Отъ якъ Семенъ Палій все вже розглядівъ, чого ёму було треба, побігъ до своіхъ тай хвалится: трохи було мене джура мій не пізнавъ—та добре, шо я—якъ вчивъ ёго—одного ше слова не сказавъ. Та якъ взявъ стрілу, якъ пустивъ, а вона прямо у борщъ Мазепі.—Э, тікаймо, каже, бо вже старый собака тутъ!—Військо-жъ лягло, а вони десь, кажуть, ажъ у Турцію подались, та тамъ одинъ одного й порізали!

Сл. Богатая, екатериносл. губ., новомосковск. уѣзда, на р Богатой и Орели, отъ старяка лѣтъ 90.

пѣсня 1-я.

Ой з-за гаю, гаю зеленого
Та орелъ вилітае,
От тамъ же проклятый Мазепа—
Та намстъ розбивае:
Шовковими все килимами
Та столи застеляе,

[1]) Не поспѣетъ. [2]) Поспѣшайте. [3]) Трясется, дрожитъ. [4]) Слугу, оруженосца.

Та Семена, Семена Палія
У гостоньки зазивае:
„Просю ж тебе, Семене Палію,
Та на бенкетъ до себе".
—Ой боюся, проклятый Мазепо,
Щобъ ты мене не зрадивъ.
„Ой далебі, Семене Палію,
А далебі не зрадю,
Ой я тебе, Семене Палію—
На все добре порадю:
Ой ти будешь, Семене Палію,
Королемъ королювати,
А я буду, Семене Палію,—
Та царемъ царювати!"
—„Не достоінъ, проклятый Мазепо,
Та царемъ царювати,
Ты достоінъ, проклятый Мазепо,—
Въ ката въ стовпа постояти!"
Ой садовить та свои гайдуки—
Тай усе по за стиллю,
А Семена, Семена Палія—
Тай усе по ослонахъ.
Ой напуває та свои гайдуки
Все медомъ солоденькимъ.
А Семена, Семена Палія—
Все виномъ зелененькимъ,
Ой не много та Семенъ Палій,
А не много випивши,
А буйною та головочкою—
На скалню схилився.
Ой як крикне проклятый Мазепа
Та на свои гайдуки:
Беріть, беріть Семена Палія
Та все стиха підъ руки,
Ой узявши истиха підъ руки—
А залийте в кайданы,
А заливши та у ті кайданы—

Закидайте въ темницю,
А я жъ хочу з королемъ швецькимъ
До царя на скалницю!
Ой змовивъ та Семенъ Палій
Та сидячи в темниці:
Ой брешешь, брешешь, проклятый Мазепо,
Та въ царя на скалниці!

Сл. Богатая, новом. уѣзда. Пѣлъ тотъ-же дѣдъ, и какъ поясненіе, разсказалъ предъидущее преданіе.

ПѢСНЯ 2-Я.

Ой пьють, тай пьють та два козаченьки,
Вони пьють та гуляють,
Та вони съ собою Семена Палія
На охоту підмовляють.
Та поідьмо, Семене Палію,
На охоту изъ нами,
Бо вже не буде, Семене Палію,
Тобі зрізноньки падъ нами.
Та не вспівъ же та Семенъ Палій
Та меду вина напиться,
Ой поспішився проклятый Мазепа
До Палія примоститься.
Ой та беріте, хлопці Харпавці,
Семена Палія під руки,
Та забийте Семена Палія—
Та у крінкі заліза,
Ой посадіте Семена Палія—
Та у темну темницю,
Та в залізную клітку,
За залізниі двери.
А як огляділась та наша царица
Та не звечера в ранці:
Ой десь немае Семена Палія
В моему білому царстві.—
Ой дай же намъ, та наша царица,
Тай двойное жалуванія—

И шей красну одежу:
Тоді можемъ знати, можемъ розіскати
Тай Семена Палія—
Ой Семена, Семена Палія—
Превеликаго лицаря.

Сл. Старая Водолага, харьк. губ. валковскаго уѣзда.

ПѢСНЯ 3-я.

Ой ты Семене, Семене Палію,
Ти преславный козаче,
За тобою, Семене Палію,
Та вся Украіна плаче.
Ой не такъ же тая Украіна—
А якъ город Полтава,—
Тамъ торгуе проклятый Мазепа
А виномъ зелененькимъ,
Та частуе Семена Палія
А кубочкомъ повненькимъ.
Бачe, бачe проклятый Мазепа,
Шо Семенъ Палій спився,
Вінъ своему коню вороному
Та на гривочку схилився.
Ой як крикне проклятый Мазепа
Та на своіхъ гайдарівъ:
Беріть его, превражого сына,
Заливайте в кайданы,
Ой заливши ёго у кайданы,
Закидайте в темницю,
А закинувши ёго у темницю
Бийте з ружьивъ, пістолетівъ,
Шобъ Семена, Семена Палія—
Шобъ на світі було *ньму*,

Сл. Банная,—противъ Святогорскаго монастыря, харьковск. губ., изюмскаго уѣзда. Записана отъ бабы.

Сообщ. **И. Манжура.**

ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ 1881 ГОДУ. *)

Это уже 42-й годъ существованія Общества. Къ концу этого года въ составъ Общества, состоящаго подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора, входили: 17 почетныхъ членовъ, 4 должностные члена, 82 дѣйствительныхъ и 42 сотрудниковъ и корреспондентовъ,—всего 146 лицъ. Общество имѣло пять засѣданій, на которыхъ предложены были слѣдующіе матеріалы и статьи:

Н. Н. Мурзакевича: 1) Ходатайство французскаго негоціанта А. Антуаня въ 1786 году у князя Потемкина-Таврическаго объ открытіи торговыхъ сношеній г. Херсона съ Марселью; 2) два письма генералъ-маіора Мих. Илар. Голенищева-Кутузова 1790 и 1791 годовъ; 3) Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ, новороссійскій колонизаторъ, и 4) Свѣдѣнія о Гавріилѣ Бодони, митрополитѣ—экзархѣ кишиневскомъ.

В. П. Юргевича—изъясненія: 1) Воспорской надписи царя Аспурга 301—309 понтійской эры, 5—13 по Р. Хр.; 2) надписи царя Асандра; 3) памятника Алемена, сына Агаѳоклова; 4) пяти надписей эллинскихъ и трехъ римскихъ, принадлежащихъ понтоевксинскому городу Томи, и 5) древне-греческой надписи, найденной въ 1881 году въ Херсонесѣ, посвященной Аристону, сыну Артина.

А. П. Чиркова—Описаніе строеній, бывшихъ въ херсонской крѣпости и адмиралтействѣ при состояніи ихъ съ 1806 по 1825 годъ, съ планомъ.

К. Е. Гемшельмана—фотографическіе снимки: 1) древней надписи, посвященной херсонитянину Аристону, сыну Артина, найденной 28 мая отчетнаго года; 2) императора Зинона о построеніи въ древнемъ Херсонѣ башни въ 512 году по Р. Хр. адмираломъ Діогеномъ.

---

*) Не установивъ еще непосредственныхъ сношеній для своевременнаго сообщенія ближайшихъ обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣятельности Общества въ области мѣстной исторіи, мы ограничиваемся на этотъ разъ передачею такихъ свѣдѣній по отчету его за минувшій годъ, изданному отдѣльною брошюрою въ этомъ году въ Одессѣ. Вскорѣ мы представимъ свѣденія по отчетамъ другихъ нашихъ обществъ, дабы имѣть возможно полный очеркъ ученыхъ работъ, сгруппированныхъ въ отдѣльныхъ кружкахъ на пространствѣ южной Россіи. Желательно-бы имѣть свѣденія о хранилищахъ южнорусскихъ письменныхъ и другихъ памятниковъ древности; но это дѣло дальнѣйшаго времени. *Ред.*

А, К. Накко—Свѣдѣніе о находкѣ древняго глинянаго сосуда, выкопаннаго въ 1881 году около р. Бендеръ.

Г. П. Алексѣева—копія герба правителя екатеринославскаго намѣстничества Н. И. Синельникова, убитаго подъ Очаковомъ въ 1788 году.

О. Ф. Ретовскаго—Отчетъ о состояніи еодосійскаго музея древностей въ 1880 году.

А. П. Недзѣльскаго—Заявленіе объ открытіи слѣдовъ древности херсонесскаго водопровода, идущаго къ нынѣшнему монастырю св. Владиміра, съ чертежомъ.

П. А. Китицына—Городъ Кобеляки, полтавской губерніи, нѣкогда числившійся въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ.

Священники І. Няга—Описаніе старинной молдавской церкви XVI в. въ м. Каушанахъ, кишиневской епархіи.

Г. И. Попандопуло—Планъ и фасадъ севастопольскаго путеваго дворца Екатерины II въ 1787 году.

М. П. Паризо—Планъ села свято-троицкаго и землянаго укрѣпленія при р. Бугѣ, насыпаннаго въ 1709 году шведскимъ королемъ Карломъ XII.

В. Н. Цикуленко—Актъ о находкѣ у села Троицкаго, что при устьѣ р. Тилигула, древней ольвійской амфоры съ гончарнымъ клеймомъ.

А. Н, Кудрявцева—Переводъ турецкой измаильской надписи 1209—1791 года.

Большая часть этихъ рефератовъ вошла въ составъ изданнаго въ 1881 году XII тома Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей", гдѣ помѣщено, между прочимъ, „Топографическое описаніе самарскаго николаевскаго монастыря, находящагося екатеринославской губерніи въ двухъ верстахъ отъ города Новомосковска", Чиркова.

Дѣятельность Общества въ отчетномъ году выразилась также въ археологическихъ изысканіяхъ и сохраненіи мѣстныхъ памятниковъ. Раскопки, произведенныя съ нѣкоторыми перерывами въ Херсонесѣ, доставивъ незначительное количество мѣдныхъ вещицъ и монетъ, увѣнчались весьма важной находкой. По случаю расчистки прямой улицы отъ приморской базилики съ востока на западъ къ новостроимому монастырскому собору, 28 мая открыто на бывшемъ

древнемъ городскомъ водопроводѣ мраморное подножіе статуи, поставленной нѣкогда здѣсь въ честь херсонитянина Аристона за разнообразныя, оказанныя имъ городу Херсонесу общественныя услуги, исчисленныя въ десяти изсѣченныхъ рельефно на камнѣ оливковыхъ вѣнкахъ, по примѣру, существовавшему въ Аѳинахъ. Надпись эта принадлежитъ времени римскаго императора Адріана (132—153 г. по Р. Х.), у котораго Аристонъ, между прочимъ, ходатайствовалъ о возстановленіи въ Херсонесѣ издревле бывшаго въ немъ самоуправленія. Аристоновъ памятникъ есть четвертый письменный мѣстный документъ, послѣ сказаній греческаго географа Страбона (глава 7), непосредственно касающійся города Херсонеса. Кромѣ того, въ находящемся неподалеку отъ херсонскаго монастыря виноградникѣ севастопольскаго жителя случайно открыты слѣды *водопровода*, въ древности снабжавшаго Херсонесъ прѣсною водою. Во время осады Корсуня (какъ называется Херсонесъ съ IX в. у русскихъ) кіевскимъ великимъ княземъ Владиміромъ I Святославичемъ, въ 988 году, этотъ водопроводъ, по указанію грека Анастаса, былъ перекопанъ, чѣмъ великій князь и вынудилъ жителей города сдаться. Съ конечнымъ разореніемъ Херсонеса литовскимъ княземъ Ольгердомъ въ 1398 году, водопроводъ забитъ; лишь его слабыя отрасли питали виноградники, существовавшіе до 1783 года, т. е. до начала заселенія Севастополя.

Въ вѣдѣніи Общества состоятъ музеи: одесскій, ѳеодосійскій и керченскій, и библіотека Общества.

Въ 1881 году въ библіотеку Общества поступило до 40 названій, а въ одесскій музей свыше 500 предметовъ. А затѣмъ, коллекціи общества представляютъ слѣдующую числимость: а) по библіотекѣ 4200; б) по музею—памятниковъ эллинскихъ, римскихъ, венеціано-генуэзскихъ, монголо-татаро-турецкихъ, отечественныхъ, литовско-польскихъ, инородныхъ, египетскихъ—2183, и монетъ, медалей, жетоновъ и знаковъ отличія 12757,—всего 21140. Въ ѳеодосійскій музей поступило въ 1881 году 152 предмета, кои съ прежними поступленіями доходятъ до 2378 №№.

На первой страницѣ Отчета помѣщенъ снимокъ съ серебряной монеты кіевскаго князя св. Владиміра (980—1015 г.).

Н. П.

Азбучный указатель

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ „Кіевской Старины“, 1882 г.*)

Августинъ Полонскій, архим., 199.
Августъ, король польскій, 215—218.
Авсѣенко В. Г., 199.
Агапитъ, архим. печерскій, 5.
Академія виленская, 266, 280.
Академія краковская, 265, 267, 280.
Аксакъ Янъ, подвоедій кіевскій, потомъ судья, 243, 247, 249, 250.
Александровичъ М. Н., 199, 204.
Александръ-Августинъ Лодзяла, еписк. уніатскій, 568.
Александръ Казимировичъ, в. кн. литовскій, († 1507), 22, 23, 35, 37, 39, 233, 244.
Александръ Ярославичъ, Невскій, кн. кіевскій (1249—1263), 5.
Алексій, митр. моск., 11.
Амвросій Келембетъ, архіеп. тоб., 199.
Анастасевичъ В. Г., библіографъ, 314.
Анастасія, дочь в. кн. моск. Вас. Дм., жена кіевск. кн. Олелько, 17.
Андрей Боголюбскій, кн., 7.
Андреевъ Никита, дьячокъ, 607.
Андріевскій А., ред. Кіев. Губ. Вѣд., 203.
Антоній Жуминскій, инспект. калужск. сем., 503,
Антоновичъ Вл. Б., проф, к. ун., его статьи: »Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.«, 1—48; »Петръ I-й въ Равѣ«, 214—218; »Паны Ходыки«, 233—261; предисловіе къ Дневнику Освѣцима, 126—129; »Православный монастырь и его уніатская лѣтопись, 418—425; рецензіи, 209—211, 401—404; рефераты 586, 589, 591; упомин. 199.
Антоновичъ П. А., бывш. попечит. кіев., 170.
Антоновъ В., свящ. 199.
Аполлосъ Терешкевичъ, еписк. укр. 199.
Апостолъ Д., гетманъ, 117, 120, 122, 496, 497, 498.
Арандаренко Н. И., полт. губ., писатель, 564.
Арцишевскій, начальн. польск. артилл. 141.
Аскоченскій В. Ип. 499.
Аѳанасьевъ, подполковн., 179, 180, 182, 387—391.

—

Багалѣй Д. И., его рецензія 405—407; рефераты 585, 588; упомин. 199.
Базановскій Дм., козакъ, 39.
Байранъ-Кази, предвод. орды, 131.
Балабанъ Григ. (Гедеонъ), архим. жидичинск., 74—86.
Балабанъ Ѳедоръ, 81.
Балабушевичъ В., 199.
Балакиръ Федька, староста мозырск. 237.
Балакиры, 30.
Балыка Богданъ, 256.
— Денисъ 256, 416.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Балыка Созонъ, 257, 416.
— Яцко, съ 1592 г. войтъ кіевск. 251, 253, 256.
Балясный, козакъ, 489, 490.
Бантышъ-Каменскій Дм. Н., 195.
Бартеневъ Юр., 167.
Бартошевичъ Ю., 200.
Батюшковъ П. Н., 565.
Бахталовскій Г., 200.
Безбородко, кн. Алдръ Андр., 201, 320.
Беклемишева Д. А., 171.
Бенедиктовъ Влад. Гр., его стихи, 166.
Бентковскій І., 206.
Березинъ В., 200, 565.
Березовый Несторъ, 391.
Бецкій. Ив. Е., издат. »Молодика«, 313—315, 323.
Биберштейнъ Г., 200.
Бибиковъ Дм. Гавр., ген.-губ., 311.
Билоченко Степко, сотникъ багдановскій, 371.
Билый Савва, полк. войсков., 207.
Бобровскій, каноникъ, профес. вилен. ун., 566.
Богданко, гетманъ, 315, 329.
Богдановичъ, проф. краковск., 284.
Боголюбовъ П. Ф., 558.
Богородскій С. Ос., проф., 172.
Богоявленскій М., 200.
Богунъ, полк. кагальницк. 376, 378, 384.
Бодянскій Ос. Макс. 172, 367.
Бона, королева польск. (итальянка), 53.
Бондаренко, предводит. гайдамаковъ, 530—537.
Борзобогатый Красенскій Ив., управл. луцкой епарх., 51.
Борковскій Вас., генеральн. обозный, 107.
Борлѣвичъ Алдръ, свящ. 396.
Боровяковскій Л. И., 398.
Бородаевскій, подполк., 503.
Бороховичъ Мих., полк. гадячск., 317.
Брачи Севастіанъ, архит., 257, 416.
Брель-Платеръ, графъ, 205.
Бржуханскій, панъ, 144.
Брикнеръ А. Г., 200.
Броневскій, королевс. секретарь, 63, 65.
Брюховецкій, гетм., 316, 349, 350.
Будиловичъ А. С., проф. варш. унив. 200.
Бурковскій, чин. зѣнков., 545.
Бурсакъ Федоръ, войсков. атаманъ, 208.
Бутовичева Наст. Петр., 558.
Бутовичъ Степ., сотн. седневскій 106; генеральн. есаулъ, 484, 485.
Бѣгановскій, послан. польскій, 131.
Бѣлинскій Францишекъ, писарь корон. 276, 296.
Бѣлоровскій Кир., артилл. экономъ 118.
Бѣлюгова В. Е., 502.
Бѣлюгова Люб. Алдр., 502.
Бѣлюговъ А. И., товарищъ преосв. Иннокентія, 502—519.
Бюргеръ А., издат. »Радуги«, 159.

—

Вага, ксендзъ, 292.
Валькевичъ Петръ, ген. есаулъ, 114, 492, 493.
Варлаамъ Шишацкій, архіеп. могилев. 400.
Василій Дм., в. кн. моск., 12, 17.
Василій Ив., в. кн. моск., 24.
Великановъ А., 200.
Велинскій Анд., пріятель М. А. Максимовича, 164.
Величко Ив., атам. сосновскій, 111—113.
Вельяминовъ, 116, 490.
Вельяминъ Рутскій, митр. уніатскій, 568, 579.
Велятицкій Ив., писарь пинскій, 61, 65, 86, 99.
Венелинъ Юр. Ив., 503.
Вертѣй Грицько, козакъ, 103.
Веселовскій А., 200.
Вигель Ф. Ф., 167.
Викторъ Садковскій, архіеп. черниг., 540, 551 — 557; Епитафія ему, 553—555; отвѣтъ отъ имени его, 555—557.
Вижига—венгринъ, 89.
Вижовскій, шляхтичъ, 63.
Винницкій, панъ, 526.
Витовтъ Кейстутовичъ, кн. литовскій, 10, 12 — 14, 26, 29, 35, 37, 43, 236.
Витошинскій Филимонъ, іером., 422.
Вишенскій Іоаннъ, постриженецъ Аѳона, 54, 56—59, 81, 94.
Вишневецкіе Дм. и Мих., старосты украинскіе, 34.

Вишневецкій Іеремія, кн., 130, 135, 141, 142, 145, 146, 369, 374, 381.
Вишньовскій Діон., игум. сатановск., 421.
Владиміровъ А., 200.
Владиміръ Васильковичъ, кн. волынскій, 5.
Владиміръ Ольгердовичъ, кн. кіевскій, 5, 11, 12, 37, 43.
Владиміръ св., кн., 8, 573, 575.
Владиславъ IV, кор. польск., 56, 265.
Водлинскій Анатолій, игум. сатан., 421.
Войниковъ В. И., маіоръ, 118.
Войтѣхъ, биск. лат. 567.
Войченко Яськo, посолъ Хмельницкаго, 366.
Волинскій, п. 144.
Волчковичи, 30.
Вороновъ А. Д. 590.
Воронцовъ гр. М. С., 208.
Вороны, кн., 30.
Вороны-Боронынскій А., шляхтичъ, 63.

—

Гавратынскій, сотникъ, 371, 372.
Гаврилковъ М., протер., 200.
Гавріилъ Банулеско, митроп. бессар., 221.
Галаганъ, полк. прилуцк., 317, 318, 358, 359.
Галицкій, кн. Левъ. 573.
Галятовскій І., 219.
Гамалѣя Мих., 491.
Ганицкій М. 200.
Ганна, дочь Терлецкаго, 61.
Гарасименко, поруч., 191, 192.
Гаркави А Я., 200.
Гаштолдъ М. Я., воевода кіевск., 20, 40.
Гаштолдъ Янъ, воевода вил., 17.
Гваньини, 2, 42.
Гдешинскій М., панъ, 145.
Гедиминъ, кн. лит., 8.
Гедройтъ Флоріанъ, кн., 61.
Гейденштеинъ, 2, 42.
Герардъ, предсѣд. варш. суд. палаты, 270.
Гербановскій, семинар. кам-подольск., 309.
Гербель Н. В., 200.
Герберштеинъ, 2, 42.
Гижовскій Петръ, шляхтичъ люблин., 65, 66.
Гильтебрандъ П., 565.
Гиляревскій А. К., 200.
Гиновскій, п., 523.
Гладкой В. О., 200.
Глинскій кн. Вас., 24.
Глинскій кн. Ив., 24.
Глинскій кн. Мих. Льв., 20, 22, 24, 25.
Глухъ Іос., полк. уманск., 379.
Гнатовичъ Амвр., игум. сатан., 422.
Гоголь Н. В.. 400.
Голдаковскій, п., 138.
Гойскій, шляхтичъ, 97.
Голицынъ кн. Вас., 317, 360.
Годоватый Апт., войск. судья, 207.
Головинъ А. И., вице-адмиралъ, 118.
Головянъ, канцлеръ, 214.
Головкинъ Мих., канцлеръ, 117, 317, 364, 479, 483, 498.
Головчицъ, ксендзъ, 269, 279, 298, 477.
Голубевъ С. Т., 201.
Голубинскій Е. Е., проф. моск. акад., 201.
Голубовскій П. В., 399, 403—407, 584.
Гольшанскіе, князья, 21.
Гольшанскій Сем., кн., 16.
Гонта, полк., 523—525.
Горайскій Збигнѣвъ, кастелянъ кіев., 381.
Гордіевскій Іос., свящ., 177.
Гордонъ, 105.
Горжковскій М., 201.
Горленко Дм., полк. прилуцк., 317, 357.
Горностаи, 30.
Горностай, п. въ Кіевѣ, 41.
Горностай, регименгаръ польскаго войска, 219—220.
Готовцева Марія, ея стихи, 158.
Готовцева Н., ея стихи, 157—158.
Грабовскій М., 2.
Грабянка Гр., полк гад., 319, 480.
Грековичъ Антоній, 255, 256, 258.
Грембецкій, сатирикъ, 557.
Гречъ Н. И., 264.
Григорій Постниковъ, еписк. рев., послѣ митроп. спб., 514, 515.
Григорій Цимлякъ, митр. кіев., 43, 44, 568.
Григоровичъ, дьячокъ, 190.
— П., 201.

Григоровичъ, 201.
Гродзицкій. нач. артил., 141, 144, 145.
Гротъ К. Я., магистръ спб. универ., 408—412.
Гротъ Я. К., академикъ, 170.
Грузины братья Ив. и Карпъ, 516.
Губе, директ. варш. кад. корп., 293.
Гулевичъ Демьянъ, трибун. депутатъ, 83.
Гулевичъ, шляхтичъ, 242.
Гульчевскій, 130.
Гульчевскій Станисл., стольникъ варш. 366.
Гурко, гр. Лука. 210.

—

Давидъ, архим. неч., 5.
Давыдовъ, Д. В., 172.
Даніилъ Романовичъ, кн. галицк., 4.
Дахновичъ А., адвокатъ луцк., 67
Дашкевичъ Н. П., 581, 586, 596.
Дашкевичъ Н., свящ., 179.
Дашковичи, 30.
Дашковичъ Остафій, староста черк. и кан. 24, 34, 244, 250.
Дворецкій, полк. кіевскій, 206.
Дедовичи, 30.
Дембовскій, канцелярист, 493.
Демянъ, дякъ Терлецкаго, 89.
Денгофъ, полк., 144, 372.
Де-Пуле М. О., 201.
Деркачевъ, становой, 187.
Димитрій Ивановичъ, в. кн. моск., 5.
Димитрій Сулима, архіеп. кишин., 515, 516.
Дитерихштейнъ, архитект., 219.
Добржанскій, игум. сатановск., 421.
Діонисій, нареч. митр. кіев., 5, 12.
Длугошъ, историкъ польск., 12.
Добринскій Никол., 89—92.
— Стеф., свящ., 87, 88. 93.
Добрянскій Ф., 564.
Должикова М. К., 558.
Домбровскій В. Ѳ., проф. кіев. унив., 405.
Домонты Черкашенияны князья, 30.
Доценко Несторъ, козакъ, 495.
Драгомановъ М. И., 172.
Древинскій Лаврентій, 579.
Друцкіе, князья, 25.
Друцкій-Соколинскій. кн. М., 570.
Дубельтъ Л. В., нач. III отд., 314, 315.
Дублянскій Гр., 244, 245.
— Стеф., 244.
Дуброва, черниг. житель, 558.
Дубянскій Ѳедоръ, духовн. царск., 399.
Думитрашко-Раичъ, полков. переясл., 102, 108, 316, 350.

—

Евгеній Болховитиновъ, митр. кіевск., 314, 398, 500, 516, 518.
(Ейковичъ) Димитрій, воевода кіев., 2.
Екатерина II, 322. 607, 608.
Елагина А. П., 155, 156.
Еловицкій Захар., королевск. секретарь, 246, 247.
Ельцы, 30.
Епифановичъ Лука, 503.
Ерличъ, истор., 56.
Ермоловъ А. П., генер., 208, 403.
Ельковичи, 30.
Ефименко А., 201.
Ефименко П., его статьи: «Архивъ Малор. коллегіи», 193—198; «Образцы обличит. литературы», 538—559: «Одинъ изъ протестовавшихъ», 602—608; упомин. 313.

—

Ждановъ И., 201.
Желѣзнякъ Макс., предвод. козак. 521, 524, 528—531.
Животовскій, судья генер., 205, 206, 349.
Жидкевичъ (Жидовчинъ Вас.), 371, 372.
Жижка Янъ, предвод. таборитовъ, 47.
Жолкевскій Стан., воевода кіев., потомъ канцлеръ, 256, 257, 416
Жолковскій Стан., намѣстникъ старостваа Белзскаго, 51.
Жолнеръ Март., райца, 241.
Жоравницкій Маркъ, шляхтичъ, управл. луцкой епархіей, 51, 57, 62, 63.
Жуковскій В. А., 165, 168 (стихи его).
Журавкова, г-жа, 114.
Журавко Ант., 115.
— Иванъ, 116.
— бунч. товарищъ, 493.
Жураковскій, асаулъ генер., 116, 426.

—

Заберезинскій Янъ, воевола. троцкій, 23, 24.
Забокрицкій (Жабокрицкій ?), полк. корс., 134.

Забѣла Н. Н., 609.
Завадзкій, п., 526.
Заграйскій, помощникъ пристава, 178.
Загродскій Іоаннъ, свящ., 179, 393, 396.
Зайцова Ольга, нев. Максимовича, 167.
Закревскій Адамъ, шинкарь, 66, 69.
Закржовскій, полк. чигир., 133.
Залевскій, п., 378.
Залѣсскій Брониславъ, 201.
Замойскій Андр., ординатъ, 271, 460.
— Ѳома, воев. кіев., 258.
Заморенки, 30
Заруцкій Янъ, 270, 463.
Заславскій, игум. сатан., 421.
Заславскій, кн. Доминикъ, 138.
Зацвилиховскій Никол., коммисаръ, 130.
Збируйскій Діонис., еписк. холмскій, 52, 57.
Зборовскій Мартинъ, 210.
Зизаній Стеф., 93.
Злоба Тимофей, архим. супрасльск., 51.
Знаменскій П. В., 201.
Зотовъ Вл. Р., 201.
Зубринъ, бояр., 39.
Зыбинъ, полк., 558.

—

Иваницкій П., 503.
Иванишевъ Н. Д., проф. к. ун., 73, 609.
Ивановичъ Кириллъ, свящ. усп. церкви въ Кіевѣ, 414—417.
И. В., его рецензіи, 408, 412, 591.
Игнатій, архим. печ., 45.
Изопольскій, 325.
Иловайскій Д., 201.
Ильинъ, капит., 424.
Иннокентій Борисовъ (преосв. архіеп. херс.), 166, 503—506; письма его къ А. И. Бѣлюгову, 506—519.
Ипатій Потѣй (Поцѣй), 60, 74, 76, 92, 93, 254—256, 578.
Ириней Нестеровичъ, ректор. кишин., еписк. пенз., 513, 515, 519.
Исидоръ, митр., отступникъ, 17, 44.
Истоминъ М. В., 201, 585.
И. Х., 201.

—

Іаковъ, архіеп. нижегор., 171.
Іаковъ, еписк. влад., 5.
Іеремія, патр. конст., 52.
Іеремія Соловьевъ, ректор. кіев., еписк. полт., нижегор., 516.
Іоаннъ Альбрехтъ Казимировичъ, 22.
Іоаннъ Альгимунтовичъ, кн. гольшанскій, 14.
Іоаннъ Борисовичъ, кн. кіев., 5.
Іоаннъ III, в. кн. моск., 20.
Іоаннъ-Казиміръ, кор. польск., 271.
— Ольгердовичъ Свиргайла, 17.
Іоасафъ Миткевичъ, еписк. бѣлг., 322.
Іона, митр. моск., 17.
Іона Навинскій, архіеп. тверск., каз. 514, 516.
Іосафатъ Кунцевичъ, еписк. уніат., 259, 569.
Іосифъ II, имп. австр., 423.
Іустинъ Михайловъ, баккалаврь к. ак., 503, 504.

К., 218—220.
Казановскій, воеводичъ брацлавскій, 144.
Казиміръ Ягайловичъ, в. кн. литов., 12, 17—20, 29, 37.
Казиміръ, кор. польскій, 573.
Калачовъ Н. В., 193.
Калиновскій Мартинъ, воевода черниг., 142, 144.
Калиновскій, гетм. коронн., 339, 370.
Калискій, п., 145.
Калнишевскій, послѣдній сѣчевой атаманъ, 435.
Каманинъ И. М., 583, 587.
Каменскій Адольфъ, піаристъ, 275, 277, 296.
Камлыковъ, 552—555.
Кандыба Федоръ, 103.
Кандыба Станис., писарь владим., 85.
Канобасъ Петръ, рѣзчикъ, 188.
Кантарини Амвроз., посолъ венец., 40, 41.
Капусты, князья, 30.
Караваевъ В. А., докторъ, 169.
Каратаевъ, библіофилъ, 556.
Карчевскіе, 30.
Карыманъ Левъ, 248.
К. З., сатирикъ, 541.
Кипріанъ, митроп. кіев., 5, 6, 11, 42.
Кириллъ, митроп. кіев., 5.
Кириллъ Терлецкій, см. Терлецкій.
Кириченко Сем., козакъ, 489.
Кирѣевскій Ив. В., 155, 161—162.

Кирѣевскій П. Вас., 161.
Кисель Адамъ, воевода кіев., 40, 374; письма его къ Богдану Хм., 375—376; къ Горайскому, 381—383.
Кисель Николай, староста черкасскій, 370, 382.
Кіевъ, 233—261; замокъ кіевскій, 255, 257.
Княтичи, 20.
Кнапскій Гр., іезуитъ, 303.
Кобызевичева Авдотья, 237.
— Зоня, 237.
Кобызевичи, 236.
Кобызевичъ Вас., 238—240; см. Ходыка.
— Иванъ, 236—244.
— Іовъ, 238.
— Кузьма, 237.
— Лазарь, 237.
— Устинъ, 236—238(Фицъ).
— Ѳеодоръ, 236—237.
Ковальскій Ант., свящ., его разсказъ о крестьянск. волненіяхъ 1855 г., стр. 175—192, 386, 396.
Колачинскій Петръ, ректоръ кіевск., 437—438.
Колонтай Гуго, каноникъ краковскій, 278, 279, 296, 473.
Комаровскій Петръ, коммисаръ, 130.
Конарскій, 265, 270.
Конашевичъ, см. Сагайдачный.
Кондильякъ, 448.
Кондрацкій, панъ, 379.
Конецпольскій Александръ, 150.
— Станиславъ, гетманъ, панъ краковскій (отецъ предыдущаго), 127—151.
Конотопъ, 103, 104, 110, 114.
Копчинскій Онуфрій, ксендзъ, 287, 288.
Копыстенскій Мих., владыка перемышльскій, 52.
Корецкій, кн., 144
Корженевскій І., 201.
Корженевскій, скарбникъ, 526.
Корицкій Криштофъ, 370.
Корниловъ И. П., 565.
Коростель Вас., 76.
Костелецкая Беата, вдова кн. Острожскаго, 209—210.
Костецкій Як., діаконъ, 180.
Костомаровъ Н. И., 173, 201, 231.
Костюшковичи, 30.
Костюшковичи-Хоболтовскіе, 86.
Котляревскій А. А., проф. к. унив., 172, 201, 581, 590, 591.
Котляревскій Тимофей, писарь войсков., 207.
Кочубей, генер. судья, 113.
Кошелева О. О., 171.
Кошколдовичъ Андрей, 244, 245.
Кощаковскій Илья, 257, 415.
Кояловичъ М., 58, 60.
Кравцовъ, 206.
Крамаренко І., 202.
Красенскій Іона, владыка луцкій, 57, 60, 74.
Красносельскій Солтанъ, сотникъ, 371, 372.
Краткое описаніе Малороссіи, 318—320.
Крашевскій, 202.
Кребсъ Элеонора, 520, 521, 526.
Креховецкій Ив., посолъ Хмельницкаго, 366.
Кречовскій, полк. чигиринскій, 134.
Крещеновскій С., 551, 557.
Кривецкій Вас., сотникъ, 371.
Кривковичъ Васько, 243.
— Стефанъ, бурмистръ, 241.
Крикуновичи, 58.
Криницкіе, 38.
Криницкій Ѳедоръ (сынъ В. Ходыки), 242, 252, 260.
Кромвель, 212.
Кропивницкая, 137.
Кротевичъ Евсевій, причетникъ, 388, 389.
Крыжановскій Е. М., 202; его статья: »Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши, въ періодъ ея раздѣловъ.«, 262—300, 441—478.
Кудликъ Корнилій, крестьян. (Рыжій), 181, 183, 184, 192, 387, 390, 393.
Кудревичъ Лука, свящ., 185.
— Мих., свящ., 178, 180, 182, 183, 185, 190, 386, 387, 396.
Кукля Григорій, 393.
Кукля Петро, 192, 393.
Кукса Хамъ, 224.
Кулишъ П. А., 2, 202, 599, 602.
Кулябка Якимъ, 115.

Куракинъ, кн. А. Б. 593—594.
Кутновскій, драгоманъ, 137.
Кухальскій Ипат., игум. сатан , 424.
Кунь Ив., сидѣлецъ, 394.

—

Лазаревскій А. М., его статьи: Лизогубы, 101—125; Вольная гетманша, 213—213; Милорадовичи, 479—498; упомин. 196, 223, 229.
Лазкевичъ Ив., 69, 70.
Ластивка Е., 202.
Лащинскій Леонтій, 114.
Лебединцевъ П. Г., свящ. (нынѣ каѳедр. протоіерей), 170; его предисловіе къ разсказу А. Ковальскаго, 174—175,176, 178, 179, 180, 182, 386—389, 391, 392, 395, 437.
Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ, 317, 364.
Левитскій Іоакимъ, дьячекъ, 395.
Левицкій И. С., 202.
Левицкій Ор., его статья: »Южно русскіе архіереи въ 16 и 17 в.«, 49—100.
Левоновичъ О., райца, 241,(Сличи 245)
Левчановскій В. Т., 513, 516.
Лежинскіе, 526.
Лемеши, 30.
Леньковичи, 30.
Леонтовичъ, канцелярист, 493.
Леопольдъ, имп. австр., 215.
Лессій, фльдмарш., 328.
Лефортъ, 214, 215.
Лещенко Ив., крестьянинъ, 394.
Либишовскій, поруч., 378.
Лигвеновичи-Мстиславскіе, князья, 25.
Лизогубы, о нихъ статья, 101—125; ихъ родословная, 123—125.
Лизогубъ Андрей, сотникъ конотопскій, 106, 109—114.
— Ефимъ, 104, 106.
— Иванъ, полковн. уман., 101, 158.
— Илья, 120.
— Семенъ, 106, 121, 122.
— Яковъ Кондрат , полковникъ каневск., 101, 103, потомъ
— полк. черниговск., 104, 105, 317, 357.
— Яковъ (внукъ), 106, 115, генер. обозный, 117—119.
Лилѣевъ, 565.
Линейкинъ (псевдонимъ), 202.
Линниченко И., 399.
Липоманъ, 520, 521.
Лобанъ Ив., 530; его сказаніе о Бондаренкѣ, 531—537.
Лодзяла, см. Александръ-Августинъ Л.
Лозенскій Ѳеодосій, еп. холмскій, 57.
Лозки, 30.
Лозовой, козакъ, 122.
Лопатьевъ, капитанъ, 388, 389.
Лопухинъ, кн. И. П., 176, 388, 389, 391.
Лукашевичъ, библіофилъ, 196.
— ксендзъ, историкъ, 267, 463.
Лукомскій Степ., сотникъ, 118.
Лукьяновичъ П., 202.
Лучицкій И. В., 587.
Лызловъ А., 571.
Лысенко, судья, 493.
Лыткевичъ П., 378.
Лѣтопись Самовидца, 321.
Лѣщъ Самуилъ, корон. стражникъ, 56.
Любовичъ, базиліанинъ, 477.
Любомирскій Ксаверій, 599.
Любомирскій Стан., воевода крак., 144.
Людвикъ венгерскій, 574.
Лянцкоронскій, староста укр., 34.
Лянцкоронскій Леславъ (Прецлавъ), гетманъ, 315, 329.
Лянцкоронскій, Стан , воевода брацлавскій, 370, 373, 377, 380, 382.
Лясота, путеш., 2, 42.

—

М., 576—580.
Маврицкій В., 202.
Магнушевскій, полк. уманскій, 523.
Мазепа Ив., гетманъ, 103—105, 109, 115, 116, 440, 539, 611—615.
Мазовецкій, ротмистръ, 367—368.
Майковъ А. Н., 170.
Макарій Булгаковъ, митр. моск., 202, 576—580.
Макарій Евлашевскій, еписк. пинскій,58.
Макарій, митр, кіевск., 48.
Максимовичъ М. А., статья о его аль-

бомѣ, 152—173; упомин. 227, 539, 602.
Максимъ, митроп. кіев., 5.
Макушевъ, 202.
Малашевичъ Ив., кошевой, 363.
Малининъ В. Н., 589.
Малышевскій Ив. Игн., проф. кіев. ак., труды его, 202, 500; его рецензія 576—580, рефераты 583, 586.
Малышка Ив., 63.
Манджосъ Хвеско, коз., 495.
Манжура И., сообщилъ двѣ пѣсни о запорожскомъ расхищеніи, 435—436, легенду и три пѣсни о Семенѣ Палiѣ, 611—615.
Маркевичъ Н. А., историкъ, 195, 540, 542.
Марковичъ Як., 117, 122, 603.
Марковскій, п., 526.
Мартинка, хлопецъ Терлецкаго, 89.
Мартиновичъ Ден., бурмистръ, 256.
Мартыновъ Ив. Ив., 397.
Марыська, ключница, 532—535.
Масловичъ И. П., 558.
Масловъ, біографъ Шевченка, 170.
Массальскій кн. Игн., вил. еписк. 271, 273.
Матусевичъ, членъ комитета, 458.
Матусякъ С. 203.
Махно А. 203.
Мацѣевичъ Л. С., его статья »Поляки и русины«, 301—312; сообщ. Процессъ стар. церк. суда, 222—223; »Gaudeamus igitur« К. д. ак., 431—434 (на стр. 434, грубая опечатка: знай, должно быть: злой); его »Матеріалы для исторіи К. д. ак.«, 498—506 и письма преосв. Иннокентія, 506—519.
Мачоха Матвѣй, бурмистръ, 256, 257.
М. Е., 203.
Мелешкевичи, 38.
Мелешкевичъ Сем., войтъ кіев., 245.
Мелешко, панъ, 377.
Мельгуновъ, 542.
Менгденъ, комм. коллегіи президентъ, 317, 364.
Менгли-Гирей, ханъ, 25, 35, 40, 41, 244, 414, 417.
Мехидовичъ Самуилъ, войтъ. 260.
Миклашевскій Н., полк. старод., 109.
Милорадовичи, 479—498.
Милорадовичъ Антонъ, 498.
— Гаврило, 494—498
— Григорій, 557.
— Михаилъ 479—491.
— Николай, 485, 491—494.
— Петръ, 492—494.
— Степанъ, 484, 487, 491.
— Ульяна Степ., 485, 486, 489, 491—494.
Милорадовичъ, гр. Г. А., 610.
Милюковъ А. П., 203.
Мировичъ, полк. переясл., 116.
Мировичъ Дм., 118.
Мирошевскій, ксендзъ, 285.
Мисаилъ, митр. кіевск., 44 (опечатка: Михаилъ), 416.
Митковичи, купцы, 239.
Митковичъ Ѳ. Б., 239.
— О. Д. 239 240.
— Евфросинія, 239.
— Татьяна, 239.
Михаилъ. кн. черниг. 219—220.
Михаилъ Олелькovичъ, намѣстникъ Казимира въ Новгородѣ, 20, 21.
Михаилъ Рагоза, митроп. 59, 78, 79, 253.
Михалонъ Литвинъ, 37.
Мицкевичъ Ад., 173.
Младановичъ, губерн. уман., 526.
— Павелъ, сынъ, 520, 521.
Млодзяновскій Ѳома, іезуитъ, 303, 306.
М. Н., 202.
Могила Петръ, митроп. кіев., 50.
Мозговой В. Г., 203.
Мокрицкій, оффиціалъ уніат., 310.
Монастыри:
Выдубицкій, 255.
Кирилловскій, 243.
Михайловскій, 258.
Монтовтовичъ Юрій, литвинъ, 24, 46.
Морецецъ Григ., крестьян. 488.
Морозовичи, 30.
Морозовы, мѣщане, 415.
Морочка, слуга Терлецкаго, 63.
Мощинскій Адамъ, 520, 521.
Мрочекъ Дроздовскій, проф. моск. ун. 584.
Мстиславъ, сынъ кн. Боголюбскаго, 7.
Мужиловскій Ант., игуменъ, 50.
Мужуха, коз. 122.
Муравьевъ А. П., 156.

Мюллеръ (опечатка: Мюсаера), 228.
Мясковскій, панъ, 135.

—

Нагнитъ, посолъ Хмельницкаго, 366.
Надеждинъ П. Ив., его стихи, 157, 164, 165.
Наливайко, гетманъ, 3 33.
Нарбутъ Казимиръ, піаристъ, 294.
Нарушевичъ, историкъ польск. 292.
Незабитовскій, панъ. 381.
Некрасова Е. С., 397.
Немиричъ Ив.. 249.
— Іосифъ, кіев. судья, 75; 249.
Немировичи, 30.
Немировичъ Андрей, кіев. воевода, 46.
Несторенко Макс., посолъ Хмельницк., 366.
Нечаенко, товарищъ Бондаренка, 531, 536, 537.
Нечай Дан., полк. брацлавск., 370, 371.
— Иванъ, 371; Матвѣй, 371.
Никитенко А. В., 172.
Никифоръ, протосингелъ, 93.
Никифоръ Туръ, архим. печерск., 253.
Н. М., 172
Новикъ Матвѣй, асаулъ, 604—608.
Новицкій Ив. П., его статьи: »Древній способъ публикаціи«, 597—601; «Исключеніе Шевченка за самовольную отлучку«, 608—609.
Носовичъ, 397.
Носъ Ст. Д., его статьи: »Покрытка«, 427—429; Мѣсторожденіе Семена Палія, 609—611; упомин. 196.
Notus, 220—222.
Нуреддинъ, султанъ, 138. 151.
Нѣжинъ, 248.

—

Обухи, 30.
Обуховичъ Якимъ, шляхтичъ, 73.
Обухъ, полк. уманск., 523.
Одинъ изъ народа (псевдонимъ), его статья: »Тысячелѣтіе Кіева«, книга 3-я, стр. I—VI (между 440 и 441 стр.).
Одоевскій, кн. Вл. Ѳ., его статья въ альбомѣ Максимовича, 153—154.
Одрживольскій, староста винницк., 143.
Олдаковскій, панъ, 143.
Олелько Влад., кн. кіевскій, 17, 18.
Олельковичъ, кн. Симеонъ, 210.
Олельковичъ Митро—псевдонимъ М. П. Александровича, 205.
Ольгердъ Гедиминовичъ, кн. литов., 7, 8.
Онисифоръ Дѣвочка, митр. кіев., 51, 52.
Опольскій Владиславъ, 574.
Ординскій Леонт., игум. сатан. 421.
Орловъ В. Я., 515.
Освѣцимъ Стан., дневникъ его (въ извлеченіи), 126—151, 366—385.
Осовикъ Ив., козакъ. 495.
Остерманъ Андрей, 317, 364.
Острожская, княжна Гальшка, 209—211.
Острожскій, кн. Конст. Ив., староста украинскій, 34, 42, 74, 76, 88, 89.
Острожскій, кн. Конст. Конст. († 1608), 243, 251, 598.
Острожскій, кн. Янушъ Конст., 251, 252.
Острожскій, кн. Ѳедоръ Данил., 46, 47, 48.
Охрѣменко Ив., козакъ, 104.
Очеретяный Н., 397.
Ощовскій Ефимъ, 69.

—

Павелъ Петровичъ, в. кн., 423.
Павелъ, кузнецъ, 88.
Павелъ, пѣвчій, 76.
Павловскій Ив. Дан., 397.
Павловъ М. Г., проф. моск. ун., 154, 163.
Палажка, дѣвка Цимпирскаго, 54, 66—73.
Палѣй Семенъ Филипповичъ, мѣсторожденіе его, 609—610; легенда и три пѣсни о немъ, 611—615; упом. 316—318, 353—355, 359.
Палѣй Ѳедоръ, 609—610.
Панасъ, войтъ, 604.
Панченко О. Т., 600.
Папчинскій Петръ, 561.
Паскевичъ, графъ И. Ѳ., 208, 403.
Пацъ, бискупъ кіев., 54.
Пельчицкій Леонтій, еписк. пинск., 52.
Пероговскій В. И., 397, 400, 582.
Петрашенята Ювко, 67.
Петровъ Н. И., профес. к. ак., его предисловіе къ »Разговору Великороссіи съ Малороссіею«, 313—325; рецензіи 564—572—576; извле-

ченіе изъ Одесск. Общества, 616—618; труды его 398.
Петрушевичъ А. С., каноникъ, 583.
Петръ Великій, 214—218, 420, 611—612.
Пиковецъ, писарь генерал. суда, 493.
Пирамовичъ Григ., ксендзъ, 269, 272, 277—282, 288, 444, 460, 461, 464, 465, 468—472.
Пирамовичъ Мих., 272.
Пиратинскій Ив., пояков. сотн., 483.
Писаревъ К., 609.
Племянникова Аграфена, 558.
Погодинъ М. П., 1, 170, 172.
Погорецкая, 66.
Погорецкій, шляхтичъ, 70.
Подгаецкій Дам., свящ., 177, 179, 386, 390, 396.
Покорскій Ал., 115.
Полозовичи, 30.
Полуботки Андр. и Яковъ, 122.
Полуботокъ Пав., наказн. гетм., 116, 426.
Полуботчиха, 605.
Повинскій, староста копаницк. 271.
Пономаревъ А., доцентъ спб. д. ак. 398.
Пономаревъ Ст. Ив., его статья: »Альбомъ М. А. Максимовича«, 152—173; труды его 398; упомян. 227, 501.
Понятовскій Мих., примасъ Польши, 463.
Попко Ив., 401.
Поплавскій Ант., піаристъ, 274—276, 286, 290, 297.
Порфирьевъ И. Я., проф. каз. д.ак., 398.
Потапенко И., 398.
Потебня А. А., проф. харьк. ун., 398.
Потоцкій Игнатій, писарь лит. 271, 272.
— Николай, гетм. корон., 144, 149, 151, 334, 335, 367, 370—385.
— Николай, староста каневскій, воеводичъ белзскій, 421, 423—424.
— Силезій, 521.
— Станиславъ, 441, 459, 475.
— Феликсъ, 215, 217.
Похилевичъ Л. И., 586.
Почобутъ, 277, (опечатка: Тогобутъ), іезуитъ, ректоръ виленск., 279, 296.
Пребендовскій, панъ, 216.
Прежовскіе, князья, 30.
Прозоровскій Д., 398.
Прокоповичъ Андр., протоі. харьк. 397.
Пронскій, кн. Александръ, 74.
Проскуры, 30.
Прохоровъ В., 398. 412.
Пугачъ Андрей, крестьян., 486.
Путятичъ, кн. Димитрій, воевода кіев. 23, 39, 244.
Пчілка Олена, 398.
П—чъ Л. (Похилевичъ?), 397.
Пыпинъ А. Н., 398.
Пѣшковскій У. П., 510, 511.
Пясецкій Пав., еписк. каменецк. 151.
Пясечинскій Алдръ, кастеллянъ кіевс., 141.

—

Рагозинъ, разб. Архивъ Мад. Колл. 197.
Рагузинскій, гр. Гаврило, 121.
Радкевичъ Л. С., 223
Радзивиловскій Ѳед., 185—187.
Радзивилъ, кн. Япушъ, 151.
Разумовскіе, 117, 317, 365.
Разумовскій Ал—й, 117, 119, 492.
— К. Гр., гетманъ, 320, 323, 538, 541, 542.
Рай Гаврило, райца, 241, 245.
Раичъ Дим., полк. персясл., см. Думитрашко-Раичъ.
Раичъ С. Е., его стихи, 156—157.
Ракочій, кн. семиградскій, 369.
Ратомскій, староста остерскій, 249, 250.
Рачинская Татьяна Ив., въ замужествѣ Лизогубъ, 120, 124.
Рачинскій, 565.
Рева, его переводъ, 520
Ровинскій Д., 228, 398.
Рожыновскій Половецъ Демянъ, 249.
— — Мих., 248.
— — Сем., 249.
— кн. Юрій Сем., 247—250.
— Яцко Мих., 248.
Розовскій, 544.
Розовъ А. 398.
Ротчевъ А. Г., его переводъ съ арабск., 159.
Рубанъ В. Гр., 320.
Рудченкова Зинаида, 399.
Рудыка Исаія, игум. сатан., 420.

Ружинскіе кн., 539.
Румянцовъ гр. П. А., 602, 605, 607.
Рылла, еп холмскій, 267.
Рыхловскій Вон., игум. сатан., 421,
Рѣпнинъ, кн. В. Н. 320.
Рюминъ, ряз. купецъ, 425—426.
Рюрикъ Ростиславичъ, кн. кіев., 7.

—

Сааръ, приставъ, 179.
Савицкій Варлаамъ, игум. сатан., 421.
Савичъ Семенъ, генер. писарь, 426.
— Яковъ, свящ. выбельскій, 605—608.
Сагайдачный Петръ, гетм., 258, 316, 331.
Самойловичъ, гетманъ, 102, 104, 350.
Самоквасовъ Д. Я., 399, 405, 406.
Сангушко, кн Дм. О., 210.
Сахаровъ В., 399.
Свидригайло Ольгердовичъ, 14—16, 47.
Свинарчукъ Дм., козакъ, 495.
Свирговскій гетманъ, 315, 329.
Свищовскій Өед., шляхтичъ, 85.
Свѣчка Леонъ, полк. лубенск., 317, 357.
Святенко, крестьян., 389.
Селинъ А. И., проф., 168, 609.
Селицкій Богданъ, ротм., въ монаш. Наѳанаилъ, полоцк. владыка, 50.
Семашко Александръ, староста луцкій, 64, 65, 79, 81, 84, 85, 96.
Семашко Николай, сынъ его, 96—97.
Семеновичъ Ст., 399.
Сементовскій Н. М., 349.
Сенскіе, князья, 30.
Сенюта (Семенюта?) Тимоф., судья черниг., 123.
Сенявскій Адамъ, корон. гетм., 420.
Сераніонъ, архим. печ., 5.
Серафимовъ С., 399.
Серафимъ Глаголевскій, митр. спб., 514.
Сергіевскій И. А., 565.
Сигизмундъ, кн. литовск., 23, 25.
Сигизмундъ III, король польскій, 49, 50, 63, 74, 75, 78, 84.
Сигизмундъ Кейстутовичъ, кн. стародубскій, 16, 17, 47.
Сигизмундъ Корибутовичъ, 46.
Сильвестръ, игум. сатан., 420.
Сильницкій Модестъ, игум. сатан., 421.
Симеонъ Олельковичъ, кн. кіев., 19.
Симеонъ Ольгердовичъ, 12, 18.
Симоновъ М. Т., 600.
Синопеусъ, докторъ, 118.
Скальковскій, историкъ, 194.
Скиргайло Ольгердовичъ. кн. кіев., 5, 6, 12—14.
Скобейко, кіевлянинъ, 17.
Скобейко Юрій, кіевл., 249.
Скорина, 566.
Скоропадская Наст. Марк., 121, 122.
Скоропадскій Ив., генер. бунч., потомъ гетм., 107, 110, 111, 116, 121, 362, 495, 496.
Скоропадскій Ив. Мих., депутатъ, 650—607.
Скоропадскій, подскарбій, 493.
Скоропадскій Як., 605.
Скшетульскій, піаристъ, 292.
Служки, 30.
Смарагдъ Крыжановскій, архим., инспекторъ кіев. ак., потомъ архіеп. ряз., 503.
Смирницкій Симеонъ, свящ., 396.
Смирновъ П., 399.
Смыковская, шляхтянка, 73.
Сняденкій Янъ, проф. крак., 271, 278, 283—285, 298.
Собко Ив., крестьян., 393, 394.
Соколовъ Н., свящ., 399, 572—576.
Сокологорская Е. И., 399.
Соломонъ, чернецъ, 540.
Сомковичъ Богданъ, войтъ, 261.
Сосинскій, п., 138.
Спасовичъ В. Д., 399.
Ставровскій А. И., проф., 609.
Стадницкій, полк., 337.
Станиславъ Понятовскій, кор. польскій, 270, 459, 521.
Станишевскій Войтехъ, адвок. луцк., 90.
Старицкій М., 399.
Стасовъ В , 399.
Стефановскій Т., 399.
Стефанъ Баторій, кор. польск., 50, 51, 58, 63, 74, 531.
Стефанъ, попъ, 59.
Стоковскій, панъ, 138.
Стопчанскій Мойс , игум. сатан., 421.
Стороженко А. В., 584, 591.
Стрижевскій Тимоф., священ., 179, 386—388, 396.
Стройновскій, профес. виленскій, 289.
Струтинскій Фока, свящ., 311.

Стрыбели, кн., 30.
Стурдза С. Д., бессар. губерн., 221.
Судіенко М. О., 196.
— Ос. Ст., 594.
Сулковскій, воевода гнѣзнен., 271, 273.
Сумароковъ А. П., 571.
Сумцовъ Н., 399.
Сурины, 30
Суринъ Гордей, 243, Потей. 243.
Суша Яковъ, уніатъ, 573.
Сѣраковскій, нач. артиллеріи, 141.

—

Танскій Вас., полк., 496.
Тарановскій Н. Г., 400.
Тарновскій В. В., 226, 228.
— Яковъ, 493.
— графъ, 466.
Тарасій, еписк. рост., 5,
Текелли, генер., 194.
Темиръ-Кутлукъ, 5.
Теплова Над., 162.
Теплова Серафима, ея стихи, 160, 162.
Тепловъ Гр. Н., 602.
Терлецкая Ганна, дочь Кирилла, 61.
— Марина, жена Яроша, 62.
Терлецкій Андрей, 94.
— Афанасій, архіеп. полоцк., 50.
— Вас. Гр., 62.
— Иванъ, урядникъ, 61, 94, 95, 96.
— Кириллъ, еписк. луцк., 54, 57—100.
— Прокопъ. 62.
— Ярошъ, 62, 85, 98.
Тимковскій Е. О., 168.
Тимковскій Илья Оед., 169.
Тискиневичъ Григ., гетманъ коз., 256.
Титовъ В. П., 155.
Тихомировъ Е. 400.
— Н. 400.
Товіанскій, мистикъ, 295.
Толкуновъ, землемѣръ, 186.
Толстой, графъ М. В., 400.
— — Ю. В. 400.
— — Петр. Андр. 317, 363.
Томашевскій, п., 526.
Томашевко, 400.
Томилинъ, ряз. куп., 425—426.
Тредьяковскій В. К., 571.
Трояновскій З. И. 511.
Тугай-бей, предвод. татаръ, 139—147.
Тугорханъ, полов. ханъ, 248.
Туробойскій Рафаилъ, свящ., 396.
Турчиновичъ Іос., ксендзъ, 473.
Туръ Андрей, крест., 488.
Тучапскій Онуфрій (опечатка: Тучанскій), игум. сатан. 424, 520, 521.
Тщинскій, проф. крак. 284.
Тыши, 30.
Тышкевичъ, воевода кіев., 56.
Тышкевичъ, графъ Е. П. 565.
Тышковичи, князья, 30.

—

Уваровъ, графъ А. С. 400.
Уздыхальница, гора, 257.
Уласенко, товарищъ Гопты, 523.
Улашевичъ Конст., игум. сатан., 421.
Уманецъ. О. М., 400.

—

Фалицкій Сава, свящ., 63.
Федоровичъ Леонъ, райца, 245 (сличи 241).
Фелинскій, каноникъ, 573, 575.
Фелицынъ Е. Д., 206, 400.
Филаретъ Гумилевскій, архіеп. черниг., 196, 400, 564, 609.
Филевичъ И. П., 400.
Филиппъ, маляръ, 59, 93.
Фицъ, см. Кобызевичъ Устинъ.
Фотій, митр. моск., 43.

—

Халанскій И. И., директоръ новгородъ-сѣв. гимн., 592, 594—597.
Халецкіе, князья, 30.
Харитоненко, 196—197.
Хвостова А. П., 166, 167.
Хижнякъ В. М., черн. гор. голова, 611.
Хмельницкая Анна, 213.
Хмельницкій Богданъ, въ представленіи Кромвеля, 212; къ портрету Б. Х, 226—231; упомин., 213, 316, 324, 329, 334—342, 344—348, 366—370, 375, 379.
Хмельницкій Вешжикъ, 315, 329.
— Юрій, 362.
Ходкевичъ, графъ, 530.
— Ив., кіев. воев., 40.
Ходыка-Крининцкій Вас. (Кобызевичъ), райца, 39, 41, 238,—252.
Ходыка Іовъ, 238 242.
Ходыка Федоръ, райца и войтъ, 241, 245, 246, 253, 254, 256, 258,

259, 416; его дѣти—Андрей, 260, 261; Иванъ, Іосифъ, 259, 260.
Ходыки, паны, 233—261.
Ходыкова Богдана, 245.
Хойнацкій А О., протоіер., 400, 569.
Хонскій, нач. артил. польск., 141.
Холодиссній Варѳ, игум. сатан., 420.
Холоневскій, поруч., 378.
Хоменко Яцко, коз., 495.
Хорошуновъ О., свящ., 400.
Хребтовичъ Іоакимъ, подканцлеръ лит., 271.
Хребтовичъ Мелетій, еп. влад., 51, 75.
Хрущовъ А. П., 400.

—

Церковь успенская на Подолѣ, 257, 413—417.
Цегельскій, п., 526.
Цимпнскій, шляхтичъ, 66—68, 70.
Цицюра, гетманъ нак., 361.

—

Чаевъ Н., 172.
Чалый Яковъ, атам. запор., 317.
Чапковскій А. Т., 400.
Чарнецкій, поруч., 145.
Чарныш, полк. галяцк., 116, 121, 480, 486, 487, 497.
Чарторыйскіе, князья, 17.
Чарторыйскій Адамъ, 271, 477, 479 (жена его, 472).
Чепелевъ, подлекарь, 605—608.
Чепига Зах., кошев. атаманъ, 207.
Черевчей Вас., войтъ кіевскій, 241, 244, 245.
Черевчіевна Палагея, 245.
Черниговъ, 194, 195, 405, 540.
Чернышъ Петро, 492.
Чернодубравскій Іоаннъ, свящ., 179, 180, 386, 387, 396.
Четвертинскій, кн. Ѳеодоръ, 138.
Чечекало Ив., 545.
Чижевскій Іосифъ, іером., 420.
Чистовичъ И. А., 400, 501.
Човпила Илья, 429—431.
Чуйкевичъ, бунчукъ товарищъ, 496.

—

Шаблинъ Георгій, крестьян., 393.
Шавула, 38.
Шайноха, истор., 2, 126, 400.
Шаликова Ал—ра, 157.
Шараневичъ Из., проф. львов., 209—211.
Шафонская Варвара, 558.
Шаховской, кн. Ив.. 498.
Шахъ, гетм., 316, 331.
Шевченко Т. Г., 170, 400, 589—590, 608.
Шевыревъ С. П., 160—161.
Шеинъ, генер., 363.
Шемберкъ, ротм., 142.
Шереметевъ, Бор. Петр., 314, 316, 355, 361.
Шибинскій Никод., архим. жидич мон., 54, 85.
Шимковичъ Шклинскій Томашъ, шляхтичъ, 69.
— — Ѳеодоръ, 85.
Шкуренко гр., коз., 110.
Шляхтингъ, аріанинъ, 151.
Шостаченко Ден., коз. 111, 112.
Шпакъ Романъ, сотникъ, 371, 272.
Штишевскій, наказн. гадяцк. полк. 490; судья, 497, 498.
Шугуровъ Н. В. 592.

—

Щелковъ К. П. 401.
Щеневскіе, князья, 30.
Щербина, козакъ, 537.
— посолъ Хмельницкаго, 367.
— Ф., 401.
Щигловскій, сотникъ тулиголов. 603.
Щирскій Иннокентій, граверъ, 437, 438.
Щуровскій Гр. Еф., проф. моск. ун., 170.

—

Эдигей, предвод. татаръ, 19, 41.
Эльцинъ, раввинъ, 401.

—

Юдицкій, фаворитъ Виктора Садковскаго, 552, 553
Юзефовичъ Ив., свящ., 259.
Юзефовичъ, 587.
Юрша, воевода кіев., 16.
Юшкевичъ, 401.

—

Яблоновскій Янъ Стан., воевода черновонорусск, 214.
Яворовскій, 401.
Яворскій Гавр., свящ., 176.
Ягайло, в. кн. лит., кор. польск., 9, 13.
Ядвига, супруга Ягайлы, 9, 12, 15, 16.
Языковъ Н. М., 63.
Яковицкіе, 86.

Янкуліо, совѣтникъ, 179, 180, 182, 387—389.
Яновскій И., 401.
Ярославъ Владиміровичъ, в. кн. кіев., 40.
Ярославъ Всеволодовичъ, кн. кіев., 5.
Ярославъ Ярославичъ, кн. кіев., 5.
Ярошъ, ключн., 532.
Ясновскій, другъ М. А. Максимовича, 158.
Яснопольскій Григ., 115.
Яцимірскій Ѳед. Вл., 308.

—

Ѳедоровичъ Кириллъ, дьячекъ, 391, 395.
Ѳеодоровичъ Іосифъ, игум., 213.
Ѳеодоръ Ив. Бѣльскій, 21.
Ѳеодоръ, кн. кіев., 5.
Ѳеодоръ, кн. острожскій, 46—48.
Ѳеофанъ грекъ, епископ. меглинск. 74, 75.
Ѳеофанъ Прокоповичъ. 324.
Ѳома, намѣстн. кіев., 6.

—

Z. Z., 401.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ I. 1882 г.

Январь.

I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., **Вл. Антоновича.** 1

II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI—XVII В. **О. Левицкаго** . . 49

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы). **А. Лазаревскаго** . 101

IV. ДВЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА (въ извлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ **В А.** 126

V. АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА. **С. Пономарева.** . . . 152

VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ.** 174

VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ при харьковскомъ университетѣ, **І. Ефименко.** 193

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библіографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й.—б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. М. Н. Александровича.—в) Памятная книжка кубанской области, Е. Д. Фелицына.—г) Галышка княгиня Острожска, оповѣдане историчне д-ра Из. Шараневича . . 199

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.—б) Властная гетманша.—г) Петръ 1-й въ русской Равѣ въ 1698 г.—г) Осиротѣлые колокола.—д) Скоромная водка.—е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междометіяхъ.—ж) Забавная родословная (рисунокъ и стихи) и з) Къ портрету Хмельницкаго 212

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в.).

Февраль.

I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XIV—XVII ст., **Вл. Антоновича** 233
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ 262
III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). **Л. Мацѣевича**. 301
IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ Н. И. Петрова. . 313
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, съ предисловіемъ **В. А.** (*Продолженіе*). . 366
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. П. **Л-въ**. (*Окончаніе*) 386
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи южной Россіи за 1881 г. (*Окончаніе*). 2) Библіографическія замѣтки: а) Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Соч. Ивана Попко. Выпускъ первый—гребенское войско. В. А.—б) Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго. Д. В.—в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. К. Я. Грота. — г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной. издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. В. И. 397
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ вмѣсто собора (къ исторіи кіевскихъ соборовъ).—б) Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи).—в) Компавейскія иголки.—г) Покрытка. Ст. фонъ-Носъ.—д) Илія Човпила, бѣсамъ въ службу записавшійся (изъ области народныхъ суевѣрій).—е) Gaudeamus igitur кіевской академіи.—ж) Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли.—з) Объясненіе приложенія 413
ПРИЛОЖЕНІЕ: Кіевская академія и ея студенты (1697—1702 г.).

Мартъ.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КІЕВА . . . . . I—VI
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ, въ періодъ ея раздѣловъ (*Окончаніе*). **Е. Крыжановскаго** . . 441
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Милорадовичи), **Ал. Лазаревскаго** . 479
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Иннокентія 1820—1825 г., съ предисловіемъ **Л. М.** 499

V. ОПИСАНІЕ БѢДСТВІЯ, ПОСТИГШАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году 520
VI. СКАЗАНІЕ О БОНДАРЕНКѢ по народнымъ преданіямъ. . . 530
VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. П. Ефименко 538
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи.—б) Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильно. 1882 г.—в) Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г. 560
IX. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора-лѣтописца въ 1881 г. —б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ.—в) Древній способъ публикаціи. — г) Одинъ изъ протестовавшихъ. — д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Палѣ.—з) Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году. . . 581
АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА“

съ приложеніемъ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА“,

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: *И. Айвазовскій, А. Боголюбовъ, М. Боткинъ, П. Брюлловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, Е. де-Вилье, Е. Волковъ, И. Крамской, баронъ М. П. Клодтъ, Н. Кузнецовъ, Л. Лагоріо, К. Лемохъ, В. Маковскій, В. Масаловъ, А. Мещерскій, Г. Мясоѣдовъ, В. Поленовъ, И. Прянишниковъ, И. Рѣпинъ, К. Савицкій, В. Суриковъ, К. Трутовскій, И. Шишкинъ, Шишковъ и Шарлеманъ.*

Программа журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) **Беллетристическій отдѣлъ**. Повѣсти, разсказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣятелей въ искусствѣ. 2) **Критическій отдѣлъ**. Критическія статьи по искусству. Художественный фельетонъ. Рецензіи и критическія замѣтки, касающіяся, какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искусству. **Смѣсь**. Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. 3) Обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ, школъ существующихъ въ Россіи. Разныя мелкія замѣтки, извѣстія и слухи. 4) **Послѣдняя страница**. Справочный отдѣлъ, въ который входятъ, по преимуществу, отвѣты на вопросы публики и художниковъ. 5) **Приложеніе. „ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ“.**

„Художественный Альбомъ“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) картинъ и портретовъ въ форматѣ журнала и 2) картинъ въ форматѣ большаго альбома.

Рисунки и портреты въ „Художественномъ Журналѣ“ исполняются посредствомъ **фототипіи, фотогравюры и гравюры на мѣди** (офортъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и **отдѣльнаго большаго альбома**, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получатъ журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

„Художественный Альбомъ“ (**ПРЕМІЯ**) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на ¾ арш.

Первый листъ — Крахъ банка. Картина В. Маковскаго.

Второй листъ — Утро стрѣлецкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ — Подъ липами. Картина В. Каульбаха.

Иногородные подписчики для пересылки премій — „**Художественнаго Альбома**“ за 1881 г., благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выходѣ прем.й, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«**Художественный Альбомъ**» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ „**Художественнаго Альбома**“ будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе **трехъ** и не болѣе **пяти**.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ нумеромъ.

ОФОРТЪ И. И. ШИШКИНА.

Величина этого офорта **одинъ аршинъ 2½ вершка** вышины и ¾ **аршина** ширины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности вполнѣ художественнаго выполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Иногородные подписчики на 1882 г. для полученія преміи—„Художественного Альбома“ по третямъ благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ Москвы и Петербурга, которые пожелаютъ получить премію съ доставкою на домъ.

Цѣна „Художественнаго Журнала“ съ приложеніями и съ „Художественнымъ Альбомомъ“ остается та-же. Съ пересылкою и доставкою на годъ:

6 рублей и на полгода 4 рубля; съ пересылкою за границу 8 рублей. Съ пересылкою премій 7 рублей 50 копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Невскомъ д. № 58, и Мамонтова, на б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Даціаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ издатель **Н. Александровъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

въ 1882 году.

Подписка на 1882 г. (4-ый годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (XN) отъ 10 до 15

листовъ каждая. (Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ). Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности;

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія)

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обозрѣніе. IX. Внѣшнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII Смѣсь. XIV, Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: *въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Зѣньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Ньжинѣ, Новочеркаскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Остроѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Пути, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганроѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.*

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

[redacted]Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.[redacted]

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й при „Публичной библіотикѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель А. А. Іозефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

Подписка на 1882 годъ

экономической, общественной, политической и литературной

газеты

„ТРУДЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. **Оффиціальный отдѣлъ:** Правительственныя распоряженія по всѣмъотраслямъ государственнаго управленія. II. **Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ-экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправленія. III. *Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и соціальному положенію зяйства и управленія. Хроника городскихъ событій и происшествій.* V. *Статьи по части исторіи, статистики, педагогіи, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія* VI. **Критика и библіографія.** VII. Отдѣлъ **„Среди газетъ и журналовъ“.** VIII. **Фельетонъ.** Очерки и разсказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обозрѣнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. IX. **Корреспонденціи.** X. **Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Отдѣльныя статьи** по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. **Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гавасъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. **Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. XII. **Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.** XIV. **Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ параходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. **Объявленія.**

Газета ВЫХОДИТЪ въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: **по понедѣльникамъ средамъ и пятницамъ,** съ *ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	6	руб.	—	коп.,	на полгода	4	руб.
Безъ доставки	»	»	»	4	»	50	»	»	»	3	»
Съ пересылкою иногороднихъ	»	»	»	8	»	—	»	»	»	5	»

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ**: въ отдѣл. варшавск. агентства **Райхмана и Френдлера**, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова. Москва, Софійка, церковн. домъ.—Въ **Парижѣ**, Agence Havas et C-ie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ**, аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ**, у гг. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** у г. Бойно-Родзевича. въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. Менчица, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомірѣ** у г. Будкевича, въ **Немировѣ** у г. Шерра, въ **Тифлисѣ** въ главномъ агентствѣ газетъ г. Петрова.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчанъ-Новицкій.**

Запросины до предплаты на малоруску часопись

„ДѢЛО",

выдавану во Львовѣ (въ Галичинѣ—Австрійскои Имперіи).

Удостоившись Выс. призволу на допустъ нашои часописи „Дѣло" въ границѣ Россійскои Имперіи, запрошуемо симъ письмомъ до предплаты на „Дѣло" зъ слѣдуючимъ рокомъ 1882.

„Дѣло" буде и въ р. 1882 выходити *два* разовъ въ тыждень, що середы и суботы въ великомъ листѣ печатномъ (in folio).

Головни отдѣлы „Дѣла" ось яки:

I. Вступни артикулы о справахъ, дотычачихъ малоруского народа.

II. Дописи зъ Галичины, Буковины, Угорщины и Украины.

III. Политичный переглядъ всѣхъ европейскихъ державъ, зъ особеннымъ увзгляденьемъ славяньскихъ народовъ.

IV. Новинки и дробны вѣсти.

V. Литературни вѣсти и замѣтки.

VI. Послѣдни вѣсти политични и телеграммы.

VII. Фейлетонъ: литературни и наукови розвѣдки, критики, литературни и артистични перегляды малороскои литературы и штуки, повѣсти и оповѣданя.

Яко литературный додатокъ „Дѣла" выходитъ:

„Бібліотека повѣстій" подае передъ всѣмъ повѣсти зъ другихъ европейскихъ литаратуръ переложени на малорускій языкъ; однако тѣмъ не выключаються зъ програмы и оригинальни малоруски повисти.

Предплата на „Дѣло“:

без додатку: Библ. повѣстій	зъ литер. додатком:
на цѣлый рокъ 8 рублей.	12 рублей.
на 1/2 року 4 рубля.	6 рублей.
на 1/4 року 2 рубля.	3 рубля.

Предплата на „Библіотеку повѣстій“ (безъ „Дѣла“):
на цѣлый рокъ 5 рубл.
на 1/2 року 2 р. 50 к.

Предплату такъ на „Дѣло“ якъ и на „Библіотеку повѣстій“ треба присылати въ оплаченныхъ листахъ подъ адрессою: *Въ администрацію Дѣла во Львовѣ* (Галичина—Австрія).

Всѣ письма до редакціи „Дѣла“ треба высылаты: Въ редакцію „Дѣла“ во Львовѣ, ул. Академична ч. 8 (Галичина—Австрія).

Володимиръ Барвѣньскій редакторъ „Дѣла“.

ВОСТОКЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Газета ВОСТОКЪ служитъ органомъ православныхъ восточныхъ народовъ, выходитъ два раза въ недѣлю.

ПОДПИСКА

	съ доставкою и пересылкою	За границу
За годъ	8 р. — к.	10 р. — к.
За полгода	4 р. 50 к.	5 р. — к.

Въ Москвѣ въ редакціи, у Малаго Каменнаго моста, д. Полякова; Ферапонтова на Никольской и др., въ С.-Петербургѣ на Большой Садовой ул. д. Коровина № 16, въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тулова и въ Одессѣ у И. Ю. Вучина, на Итальянской улицѣ и у г. Омиро-Георгіади.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТАТУРНАЯ

ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“.

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международн. Телеграфнаго Агентства“, редакція получаетъ телеграфическія извѣстія отъ спеціальныхъ корреспондентовъ заграницей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городскаго и крестьянскаго самоуправленія; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обозрѣніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городскаго благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

VI Фельетонъ. Очерки и разсказы (оригинальные и переводные). Обозрѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговыя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговыя и биржевыя обозрѣнія.—Желѣзнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западн. жел. дор. и свѣдѣнія о наложныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ . . .	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ .	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца . .	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяцъ . .	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету *съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ* допускается **разсрочка** годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается чрезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ“, на Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильинцкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ нумерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *П. А. Андреевскій.*

ПОДОЛЬСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна съ пересылкою 5 р.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ три раза въ мѣсяцъ въ г. Кременцѣ Волынской губ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 руб.,—безъ перес. 4 руб.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ каждаго мѣсяца, въ объемѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при Екатеринославской Семинаріи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 руб. серебромъ.

ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ 23-й).

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

Адресъ: въ городъ Одессу.

КИШИНЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го чиселъ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою на домъ 6 р.

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ 20-й),

выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна съ пересылкою 5 р. 60 к.

„ЧЕНСТОХОВСКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА БОГОРОДИЦЫ.

Историческое изслѣдованіе, съ изложеніемъ нахожденія этой иконы въ г. Ченстоховѣ. Г. Вильно. 1881 года".

Въ книгѣ нѣсколько рисунковъ, каждый въ цѣлую страницу книги.

ПРОДАЕТСЯ: въ Вильнѣ, у законоучителя учительскаго института Никодима Соколова, на Большой улицѣ,—по 40 коп. съ пересылкою (можно высылать марками), а за 3 экз. 1 р. съ перес.